

Art Logos

(ИСКУССТВО СЛОВА)

№ 3 (20), 2022

Art Logos (The Art of Word)
scientific journal, issue 3 (20), 2022

Art Logos

(искусство слова)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

№ 3 (20), 2022

Учредитель, издатель: Ленинградский
государственный университет имени
А. С. Пушкина

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи и мас-
совых коммуникаций 3 февраля 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-68617

Журнал издается с 2017 года
Периодичность 4 раза в год

Главный редактор

Т. В. Мальцева, д-р филол. наук, профессор, Россия

Редакционная коллегия

С. Л. Слободнюк, д-р филол. наук, д-р филос. наук, профессор, Россия

О. Ю. Осьмухина, д-р филол. наук, профессор, Россия

Т. И. Рожкова, д-р филол. наук, профессор, Россия

А. А. Карпов, д-р филол. наук, профессор, Россия

С. Г. Гренье, канд. филол. наук, профессор, США

М. Яхьяпур, канд. филол. наук, профессор, Иран

А. В. Жуков, д-р филол. наук, профессор, Россия

К. П. Сидоренко, д-р филол. наук, профессор, Россия

Е. В. Купчик, д-р филол. наук, доцент, Россия

О. А. Мешерякова, д-р филол. наук, доцент, Россия

З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор, Россия

С. В. Иванова, д-р филол. наук, профессор, Россия

Art Logos

(The Art of Word)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

issue 3 (20), 2022

Founder, publisher: Pushkin Leningrad
State University

The journal is registered by The Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
February 03, 2017

**The certificate of the mass media
registration ПИ № ФС 77-68617**

The journal is issued since 2017
Quarterly, 4 issues per year

Chief editor

T. V. Maltseva, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

Editorial Board

S. L. Slobodnyuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

T. I. Rozhkova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

S. G. Grenier, Doctor of Philology, Professor, USA

M. Yahyapour, Doctor of Philology, Professor, Iran

A. V. Zhukov, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

K. P. Sidorenko, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia

O. A. Meshcheryakova, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia

Z. I. Rezanova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

S. V. Ivanova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПЕРСОНАЛИИ

М. В. Отрадин

Тщательно подготовленная внезапность (в последней главе романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история») 10

Е. С. Слободнюк, С. Л. Слободнюк

Человеческий Детеньш против людей, или Новая иеремиада от Редьярда 21

О. Е. Похаленков, С. Е. Никуличева

Парадигма женских образов в романах Эриха Марии Ремарка 34

М. А. Жиркова, О. В. Капустина

К вопросу о пенсионном обеспечении потомков и родственников А. С. Пушкина, установленном в 1930–1940-х гг. за заслуги поэта перед советским государством 52

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

О. Н. Чарыкова

К вопросу об имплицитных категориях языкового сознания 74

О. А. Мещерякова

Обучение грамматической норме на уроках русского языка: компетентностный подход 84

О. С. Шурупова

Языковая личность Вадима Зацырко из повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» 99

М. А. Фокина, М. Шохра

Семантические оппозиции в романе Владимира Максимова «Ковчег для незваных» 116

Н. А. Козельская, Е. П. Пшеничная Аспекты формирования терминосистемы рукоделия в дискурсе социальной практики хендмейда	133
Ю. М. Кисткина Особенности перевода песен в кинофильмах	146

ДИСКУССИЯ

В. А. Гавриков Писатель в современном мире: цена профессии	162
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Жуков Рецензия на книгу: Ю. В. Архангельская. Лев Толстой в языке и речи. Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика)	172
Н. К. Данилова Рецензия на монографию В. А. Гаврикова «Эсхатология Башлачёва»	178
Сведения об авторах	182

Contents

LITERARY STUDIES AND HISTORY OF LITERATURE. PERSONALITIES

Michael V. Otradin	
Thoroughly Prepared Suddenness (on the Last Chapter in I. A. Goncharov's Novel "An Ordinary Story")	10
Elena S. Slobodnyuk, Sergey L. Slobodnyuk	
The Man-Cub against Men, or Rudyard's New Jeremiad	21
Oleg E. Pokhalenkov, Sofya E. Nikulicheva	
The Paradigm of Female Images in the Novels by Erich Maria Remarque	34
Marina A. Zhirkova, Olga V. Kapustina	
On the Issue of Pension Provision of the Descendants and Relatives of A. S. Pushkin Established in the 1930s- 1940s for the Poet's Services to the Soviet State	52

LINGUISTICS. LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Olga N. Charykova	
To the Question of Implicit Categories of Linguistic Consciousness	74
Olga A. Meshcheryakova	
Teaching Grammatical Norms in Russian Lessons: Competence Approach	84
Olga S. Shurupova	
The Linguistic Person of Vadim Zatsyrko from "Cancer Ward" by A. I. Solzhenitsyn	99
Madina A. Fokina, Mohammed Shohra	
Semantic Oppositions in Vladimir Maksimov's Novel "The Ark for the Uninvited"	116

Nataly A. Kozelskaya, Yelizaveta P. Pshenichnaya
The Aspects of Forming a Handmade Term System
in the Discourse of Social Practice 133

Julia M. Kistkina
Features of Translating Songs in Films 146

DEBATE

Vitaly A. Gavrikov
Writer in a Modern World: The Price of the Profession 162

REVIEWS

Anatoly V. Zhukov
Book Review: Yu. V. Arkhangelskaya. Leo Tolstoy
in language and speech. Dictionary of innovations
(vocabulary, phraseology, aphorism) 172

Natalya K. Danilova
Review to the monograph by V. A. Gavrikov
“Bashlachev’s Eschatology” 178

About Authors 182

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЕРСОНАЛИИ.

М. В. Отрадин

Тщательно подготовленная внезапность (в последней главе романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история»)

В статье анализируется развязка романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история». Утверждается, что неожиданность эпилога «Обыкновенной истории» обусловлена развитием сюжета в главе VI второй части романа.

Александр Адуев не может рассматриваться как герой-идеолог. Роман заговора позволяет увидеть, что у героя есть духовный потенциал, чтобы стать «странником», человеком, стремящимся к метафизическим духовным ценностям. Автор явно стремится к тому, чтобы горизонт читательских ожиданий не совпадал с исходом сюжета о главном герое.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, роман «Обыкновенная история», эпилог, притча, роль, память, «блудный сын», странник.

Для цитирования: Отрадин М.В. Тщательно подготовленная внезапность (в последней главе романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история») / М.В. Отрадин // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 10–20. DOI 10.35231/25419803_2022_3_10

The German researcher V. Dibelius wrote in his work of 1912 that in the end of the novel “we often find a particularly striking motive, for example, a strong surprise” [2, pp. 120–121]. A vivid confirmation of this idea is the epilogue of I.A. Goncharov’s novel «An Ordinary Story». As you know, V.G. Belinsky assessed this epilogue as “spoiled”. The critic stated categorically: “We will not recognize the hero of the novel in the epilogue” [1, pp. 397–398].

The proposed work is about the VI chapter of the second part of the novel, in which, it seems, Goncharov is clearly striving to ensure that the horizon of the reader's expectations does not sharply coincide with the outcome of the plot about the protagonist.

At the end of the previous chapter, Alexander Aduiev finds himself in a plot-thematic situation, which had many literary interpretations and which is traditionally referred to as "returning to his homeland". The hero knows how to behave in these moments and what to feel: "He tried his best to tune himself to a sad tone and finally mentally resolved with a monologue: «Farewell, magnificent tomb of the deep, strong, gentle and warm movements of the soul»" [4, p. 425]. This episode, of course, rhymes with the story of what he felt 8 years ago, when he first appeared on the famous square in front of the Bronze Horseman. Then he preferred to join the pathos "truth" of Peter, imagined himself a "citizen of the new world". Now Alexander is closer to "poor" Eugene. If we talk about genre switching, then this is a transition from the odic, if not to the idyllic, then to the elegiac genre close to it.

Alexander's behavior in this episode is marked by some theatricality, although he himself is in the forefront and he is also in the role of a spectator. It cannot be said that the hero only plays a role, the tears in his eyes are caused by sincere experience. But this behavior, if we recall the classification of G.O. Vinokur, is not "style", but "stylization": "Any, even the slightest reflection on one's behavior is already certainly a stylization. It obviously takes place whenever one's own behavior becomes an event in one's personal life and is experienced as an event" [3, p. 56]. While still in a "role-playing" state, Aduiev read Pushkin's poem "Renaissance" with its final stanza:

This is how delusions disappear.
From my tortured soul
And visions arise in her
The original, pure days.

After this episode, Chapter VI begins, in which two letters from the hero to Petersburg are given to Lizaveta Alexandrovna

and Pyotr Ivanovich. They will be written by another Alexander, as it were. In the context of this chapter.

In research practice, the plot of this novel is usually read as the deployment of a dialogic conflict. But there is also something in this chapter that partly erodes, partly enriches, the rationalistic construction of the great dispute. Sometimes these are quick, even swift touches to some elements of life, sometimes – the acquisition of special meanings that concern not people in general, but this particular person. Freed from the need to strictly follow the logic of dialogic conflict, the narrative becomes more natural, it seems to reflect the spontaneous course of life itself. In the dialogues between Alexander and his uncle, the author does not just quote the words of one or another character, he emphatically demonstrates these statements. They, as the researcher noted, are somewhat “poster”: “Two contrasting compositions of vocabulary, two different voices, two melodies that go against each other” [14, p. 163].

In the chapter under consideration, Alexander’s speech is completely devoid of this posterity. There is no doubt that it is on these pages that the hero is shown at moments of significant spiritual impulses and experiences. The experience of self-consciousness is revealed as brief episodes, but this does not prevent us from realizing their significance. Of course, there are reasons to consider Alexander as a person largely shaped by the patriarchal landlord world. But when reading these pages, it becomes clear that Alexander in this world, where he spent his childhood and youth, did not take something, so to speak, did not perceive. That is why the return to his native estate turned out to be so significant. In this chapter, it is especially evident that the hero is shown in the «Pechorinsky» perspective, his spiritual and intellectual life, in the words of B. M. Eikhenbaum, “taken from within, like a process” [15, p. 251].

Having left St. Petersburg, Alexander immediately found himself out of the zone of the comic, acquired some other measure of naturalness, a willingness to peer into life and, above all, into himself. The stages of accumulation of spiritual experience are presented as if after returning to the estate, the accumulation of this experience proceeded at a double speed.

Leaving St. Petersburg, Alexander hopefully turns to “villages and pastures” of his homeland: “Take me into your bosom, so that I may come to life and resurrect in soul” [4, p. 425]. Thus, the motif of the parable of the prodigal son returns to the plot of the novel [13, pp. 152–158]. It was stated at the beginning of the story in connection with the Aduevs’ neighbor Anton Ivanych, who in one of his incarnations is presented as the “Eternal Jew”, who “ate, of course, the well-fed calf, slaughtered by the happy father on the occasion of the return of the prodigal son” [4, p. 185].

If, following Olga Sedakova, we admit that “something similar to a parable” may lie in the depths of the novel, then, obviously, one should take into account that in such a work some part may have “double reality, parable and novel” [12, pp. 363, 367]. Goncharov, of course, is not the kind of writer who would sharply designate this “double reality”. But still.

The plot of the prodigal son in this chapter of the novel “An Ordinary Story” is revealed, so to speak, incorrectly. And this, I think, has a special meaning. Alexander’s father is no longer alive, and his mother, when her son appears in the room, does not recognize him, And when she finds out, seeing how he has lost weight and grown ugly, she begins to lament loudly, as noted in the comments to the novel, her lamentations “are built according to the scheme of traditional folk lamentation for the deceased” [4, p. 432]. A dream on the eve of her son’s arrival revealed to her that he would appear “from the pool <...> from the water ones” and leave “towards the lake and will not come again” [4, p. 430]. The fact that Anna Pavlovna did not recognize her son who returned from St. Petersburg can be interpreted not only in everyday terms: with all her questions about her son and sadness about him, he remains unrecognized. The spiritual world of Alexander will remain strange and incomprehensible to her.

The gospel subtext of the sixth chapter is not directly indicated by the author. And the hero of the novel himself does not interpret his situation in the estate as a case of the return of the prodigal son. But his actions and thoughts correspond to this plot. And the second, non-domestic plan of his story is clearly present. It can be seen, in particular, in the fact

that Alexander in St. Petersburg, according to Yevsey's servant, "one can almost say that they didn't go to church" [4, p. 437], returning to his home, accepts his mother's offer to go to church, spring service. The novel text is not harsh, but leads the reader to the sacred meaning of the parable plot: this should be the return of the prodigal son to the Heavenly Father. Standing in the church, Alexander admits to himself: it is difficult for a person of his spiritual experience and for a modern person in general to take this step. He understands the severity of the «Pechorinsky» state of mind, "when the warmth of faith does not warm the heart" [4, p. 444]. As it is said, "the wreath is over, Alexander came home even more boring than he went" [4, p. 444]. Arriving in Grachi, Alexander has a desire to retire, listen to himself, look back at life in St. Petersburg, realize what connects him with the world of the estate. There are elegiac motifs in the hero's experiences and reflections: the loss of youth, the fragility of human feelings, the inability to ingenuously believe in a miracle.

Elegism is not characteristic of Goncharov's works. This is especially noticeable against the background of Turgenev's prose [10]. But the appearance of an elegiac mode in the author of the novel *Oblomov* can provide a psychological breakthrough into the inner world of the "closed" hero. The most striking example is Agafya Matveevna in the final part of the novel *Oblomov*. The heroine's retrospective rethinking of life with Ilya Ilyich, who is no longer alive, an elegiac experience in its essence – these details allow the reader to understand something very significant in the heroine [11, p. 166].

In Goncharov's first novel, the elegiac experience caused by recollection is given either in the first person or as evidence of the narrator, in terms of vocabulary, intonation, and emotional structure close to the hero.

The elegiac mode is the ability to identify life values that fall out of the semantic field of the dialogic conflict. Mother tells Alexander: "These lindens <...> were planted by your father. I was pregnant with you. I used to sit here on the balcony and look at him. He will work, work, and look at me. And the sweat is pouring down from him like a hail. «BUT! You're here? – he says, – it's so fun for me to work!» – And it will be accepted

again” [4, p. 466]. Alexander got the opportunity, as it were, to get in touch with the bygone idyllic world. This page confirms an old observation: an idyllic picture of the world is organically combined with an elegiac memory. Alexander mentally supplements this story of his mother: “There on this bench, under a tree <...> I was sitting with Sophia and was happy. And over there, between two lilac bushes, I received her first kiss from her ...” [4, p. 466].

Experiences associated with youth and youth, family memories of his mother plunge Alexander into the past. This allows the hero to understand or otherwise experience what he rejected or underestimated in the past. In particular, he began to think differently about the “traitor” Nadia. Memories allowed Alexander to take an unbiased look at his past and then express it in a word without looking back at someone else, even if it was a vivid example. Experiences associated with youth and youth, family memories of his mother plunge Alexander into the past. This allows the hero to understand or otherwise experience what he rejected or underestimated in the past. In particular, he began to think differently about the “traitor” Nadia. Memories allowed Alexander to take an unbiased look at his past and then express it in a word without looking back at someone else, even if it was a vivid example.

A change in the internal situation of the hero can be regarded as a mental event. One can even say that now the “prodigal son” has come as close as possible to the world of the “fathers”, to the world of the “old times”. But he just got closer.

Alexander soon realizes that he can no longer coincide with this “simple, uncomplicated, uncomplicated life”. Just as the attraction to this world arose from within, so too does the repulsion from it come from within. The gap between the past and the present for the novel hero turns out to be insurmountable. As it is said, he “was already looking indifferently at his father’s lindens” [4, p. 488].

If one stays in this world, which is alien to historical dynamics, then one is in danger of sinking into boredom. This state of mind for Goncharov has not an everyday, but an existential meaning: it is a spiritual deadness, a mechanical, uncreative existence. It threatens the heroes of Goncharov’s novels both in

provincial and metropolitan life. That is why Goncharov's "prodigal son" is doomed to a new departure from his parental home.

Alexander's two letters given at the end of the sixth chapter stylistically stand out sharply against the background of the hero's verbal part given in the St. Petersburg part of the novel. There is not the slightest deviation in the direction of "role" verbal behavior. He writes about himself: "not a madcap: not a dreamer, not a disappointed one, not a provincial, but just a man" [4, p. 449]. As often with Goncharov, a look at what has been experienced, at oneself from a tangible time distance, has a special degree of persuasiveness. Alexander, who tensely perceived his relationships with people, delusions and mistakes, now speaks of the past as if he had been convinced by his own experience of the correctness and wisdom of Pushkin's lines:

And I bitterly complain and bitterly shed tears,
But I do not wash off the sad lines.

Speaking about Alexander, who had just arrived in St. Petersburg, V.M. Markovich noted: "The possibility of two opposite points of view opens up in the very mind of the hero" [9, p. 90]. In the sixth chapter, Aduiev Jr. appears before the reader as a person who seeks to find a way to combine the hearty simplicity of the estate world with the sober vitality of St. Petersburg. The opportunity to reconcile two life philosophies so that they coexist on the principle of complementarity is attractive in that it was prepared by the very course of the years lived by the hero, and did not take shape in an atmosphere of clash of rational arguments. This determines the optimistic intonation of Alexander's letters.

In a letter to Lizaveta Alexandrovna, Aduiev Jr. calls himself "a lonely wanderer". If Alexander called himself that in a tense argument with his uncle, then this could be perceived as another quote or pretentious phrase. And in the letter of a person who has experienced immersion in his past, this self-determination is taken seriously. The word "wanderer" in Russian literature of the mid-19th century gradually acquired symbolic ambiguity. Alexander cannot be regarded as a hero-ideologist. But the novel plot makes it possible to notice that the hero has the spiritual

potential to become a wanderer, as this type will appear in Russian literature a little later. A wanderer is not a romantic fugitive, a wanderer is one who consciously chooses to wander. This is not about physical movement in space, but, so to speak, metaphysical, vertical ascent. Let us recall the lonely “homeless wanderer” Lavretsky.

The noted recognition of the hero does not close the motif of the “prodigal son” in the plot, but translates it into a symbolic plane: “wanderer” does not mean the horizontal movement of the “prodigal son”, but the spiritual path, ultimately returning to the Heavenly Father. Recall that Alexander, who had just returned to Grachi after the wreath service, was overcome by boredom. And now, reflecting on human destinies, on the inevitable sufferings that “purify the soul,” he writes that he sees in this the “hand of Providence.” Yes, one can say that Goncharov’s hero only approached metaphysical problems, the ultimate mysteries. But still, he got closer. The reader has no reason to see in these words of the hero some kind of drawing or pose. Not without reason, in the epilogue of the novel, Lizaveta Aleksandrovna will say about this letter: “How good you were there!”

The reader of «An Ordinary Story» gets acquainted with the dull elegies of Alexander. Their obvious difference is “the lack of a personal lyrical beginning” [6, p. 113]. The author tells about the stories and essays of the hero in such a way that there is no doubt: as a prose writer, Alexander is absolutely secondary. Aduiev Jr., so to speak, “lags behind in phase” from real creativity, from the literary process. But now, talking about his experiences caused by experiences, he acquires the ability in his own way, without looking back at models, to convey his vision of the world and very clearly tell about himself. To some extent, his letter to Lizaveta Alexandrovna can be brought closer to a literary confession. This is a view of the “past” self, already to some extent a view of the “other”. This is the confession of the soul. This is the highest point of knowledge of the “inner man” (E.G. Etkind) in this novel. The author does not consider it necessary to clarify or comment on the hero’s confession. V.M. Markovich remarked about these letters: “The author’s voice is heard and the author’s idea of life emerges, which for the reader is equal to the truth” [9, p. 83].

If we keep in mind the spiritual world of the hero, then we can say that not the same Alexander with whom Pyotr Ivanovich argued and who was instructed will return to St. Petersburg.

Goncharov admitted that all his life he strove to portray in his novels a hero of one type – “an extremely idealist” [5, p. 318]. For the author of «An Ordinary Story», an “idealist” is a hero whose romanticism is not reduced to either age or any influence – province, culture. Alexander Aduiev from this series.

In his «Theory of the Novel» in the chapter «Romanticism of Disappointment», György Lukács wrote that “a novel filled with a romantic feeling for life is a novel of lost illusions”. Such a novel presents “a type of inevitably inadequate relationship between the soul and reality: the soul is wider, more extensive than the destinies that life opens up before it”. On such a hero, life “imposes battles, and with them inevitable defeats” [7, pp. 57, 61].

“The idea of the all-dominating power of the century is the main color in the “literature of the 40s”, – wrote Yu.V. Mann in a well-known work [8, p. 256].

The aesthetic effect of the epilogue is due to the fact that the reader “suddenly” learns about the “transformation” of the hero, which took four years: he had just read Alexander’s letters. The author’s intentions formed completely different expectations in the reader: the hero’s spiritual path will lead not to career success and profitable marriage, but to some higher beginnings. The admiring exclamation of Aduiev Sr., addressed to the “prodigal son”: “«And a career, and fortune! <...> And what a fortune! and suddenly! all! all! Alexander <...> you are my blood, you are Aduiev!» – suggests that Pyotr Ivanovich’s path to success in St. Petersburg also once began with an inevitable compromise, similar to defeat” [4, p. 469].

The knowledge of life, the artist’s intuition suggested to the author of «An Ordinary Story» that the Aduievs’ compromises were due to both external and internal reasons. He will deal with the problem of “inadequate relations between the soul and reality” in the following novels.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. – М., 1981. – Т. 8. – 614 с.
2. Дибелиус В. Морфология романа // Вальцель О., Дибелиус В., Фосслер К., Шпитцер Л. Проблемы литературной формы / предисл. В.М. Жирмунского. – М.: Комкнига, 2007. – С. 105–143.
3. Винокур Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. – М.: Русские словари, 1997. – 186 с.
4. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – СПб.: РАН. Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1997. – Т. 1. – 832 с.
5. Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 8. – 560 с.
6. Гродецкая А.Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. – СПб.: ИРЛИ РАН; Полиграф 2021. – 432 с.
7. Лукач Д. Теория романа // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 4. – С. 31–78.
8. Манн Ю.В. Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. – М.: Наука, 1969. – С. 241–305.
9. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е г.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 207 с.
10. Мовнина Н.С. О «топосе» воспоминания в повестях И.С. Тургенева 1850-х годов // Studia Slavica. – 1999. – № 3–4. – С. 305–314.
11. Отрадин М.В. «На пороге некоего двойного бытия...» О творчестве И.А. Гончарова и его современников. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – 328 с.
12. Седакова О. Поэтика. – М., 2010. – 584 с.
13. Чернов А.В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск, 1994. – С. 152–158.
14. Чичерин А.В. Очерки истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. – М.: Художественная литература, 1977. – 448 с.
15. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 374 с.

Michael V. Otradin

Thoroughly Prepared Suddenness (on the Last Chapter in I. A. Goncharov's Novel "An Ordinary Story")

The article analyzes the denouement of the novel by I.A. Goncharov "An Ordinary Story". The unexpectedness of the epilogue of "An Ordinary Story" is due to the development of the plot in Chapter VI of the second part of the novel. Alexander Aduiev cannot be regarded as a hero-ideologist. The novel plot makes it possible to see that the hero has a spiritual potential to become a "wanderer", a person striving for metaphysical spiritual values. The author clearly strives to ensure that the reader's expectations associated with the main character are not confirmed.

Key words: I.A. Goncharov, novel "An Ordinary Story", epilogue, parable, role, memory, "prodigal son", wanderer.

For citation: Otradin, M.V. (2022). Tshchatel'no podgotovlennaya vnezapnost' (v poslednej glave romana I.A. Goncharova «Obyknovennaya istoriya») [Thoroughly Prepared Suddenness (on the Last Chapter in I.A. Goncharov's Novel «An Ordinary Story»)]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 10–20. DOI 10.35231/25419803_2022_3_10

References

1. Belinskij, V.G. *Sobranie sochinenij: v 9 t.* [Sobr. op.: in 9 t.]. Moscow, 1981. T. 8. 614 p. (In Russian).
2. Dibelius, V. *Morfologiya romana* [Morphology of the novel] Val'cel' O., Dibelius V., Fossler K., SHpitser L. *Problemy literaturnoj formy / predisl.* V. M. Zhirmunskogo [Walzel O., Dibelius V., Vossler K., Spitzer L. Problems of literary form / resp. ed. V. M. Zhirmunsky]. Moscow: Komkniga Publ., 2007. Pp. 105–143. (In Russian).
3. Vinokur, G.O. *Biografiya i kul'tura. Russkoe scenicheskoe proiznoshenie* [Biography and culture. Russian stage pronunciation / otv. ed. N.N. Rozanova]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1997. 186 p. (In Russian).
4. Goncharov, I.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Full coll. op. and letters: In 20 volumes]. St. Petersburg: RAN. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom), 1997. T. 1. 832 p. (In Russian).
5. Goncharov, I.A. *Sobranie sochinenij: v 8 t.* [Sobr. cit.: in 8 volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1980. T. 8. 560 p. (In Russian).
6. Grodeckaya, A.G. *Goncharov v literaturnom dome Majkovyh. 1830–1840-e gody* [Goncharov in the Maikov literary house. 1830–1840s / rev. Ed. A.Yu. Balakin]. St. Petersburg: IRLI RAN; Poligraf Publ., 2021. 432 p. (In Russian).
7. Lukach, D. *Teoriya romana* [Theory of the novel] *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 1994. No 4. Pp. 31–78. (In Russian).
8. Mann, YU.V. *Filosofiya i poetika «natural'noj shkoly»* [Philosophy and poetics of the “natural school”] *Problemy tipologii russkogo realizma* [Problems of the typology of Russian realism]. Moscow: Nauka Publ., 1969. Pp. 241–305. (In Russian).
9. Markovich, V.M. *I.S. Turgenev i russkij realisticeskij roman XIX veka (30–50-e g.)* [I.S. Turgenev and the Russian realistic novel of the 19th century (30–50s)]. Leningrad: Izdvo Leningradskogo un-ta, 1982. 207 p. (In Russian).
10. Movnina, N.S. *O «topose» vospominaniya v povestiyah I. S. Turgeneva 1850-h godov* [About the “topos” memories in the stories of I.S. Turgenev in the 1850s] *Studia Slavica* [Studia Slavica]. 1999. No 3–4. Pp. 305–314. (In Russian).
11. Otradin, M.V. «Na poroge nekoego dvojnogo bytiya...» O tvorchestve I. A. Goncharov i ego sovremennikov [“On the threshold of a kind of double being...” On the work of I.A. Goncharov and his contemporaries]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2012. 328 p. (In Russian).
12. Sedakova, O. *Poetika* [Poetica]. Moscow, 2010. 584 p. (In Russian).
13. Chernov, A.V. *Arhetip «bludnogo syna» v russkoj literature XIX veka* [The archetype of the “prodigal son” in Russian literature of the 19th century] *Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov* [Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries]. Petrozavodsk, 1994. Pp. 152–158. (In Russian).
14. Chicherin, A.V. *Ocherki istorii russkogo literaturnogo stilya: Povestovatel'naya proza i lirika* [Essays on the history of Russian literary style: Narrative prose and lyrics]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1977. 448 p. (In Russian).
15. Ejhenbaum, B.M. *Stat'i o Lermontove* [Articles about Lermontov]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961. 374 p. (In Russian).

Е. С. Слободнюк, С. Л. Слободнюк

Человеческий Детеныш против людей, или Новая иеремиада от Редьярда

В статье анализируются особенности функционирования библейского слова в художественном пространстве «Второй книги Джунглей». Авторы рассматривают, каким образом использовались Р. Киплинг текст Иеремии, Исаяи, Захарии, Софонии. Анализ значимых параллелей позволяет сделать вывод о том, что «пророческая» линия «Второй книги Джунглей» является составной частью авторской мифологии, утверждающей безоговорочное торжество Закона и долга.

Ключевые слова: Библия, Закон, Киплинг, Книги Джунглей, книги пророков, Иеремиада.

Для цитирования: Слободнюк Е.С., Слободнюк С.Л. Человеческий Детеныш против людей, или Новая иеремиада от Редьярда / Е.С. Слободнюк, С.Л. Слободнюк // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 21–33. DOI 10.35231/25419803_2022_3_21

Библейское слово, давно и прочно войдя в художественный дискурс, не перестает предлагать исследователю задачи по интерпретации смыслов. В отдельных случаях дешифровка не требует усилий, в других – заставляет выстраивать многослойные смысловые ряды, которые совсем не обязательно открывают дорогу к истине. Одним из наиболее сложных случаев авторской работы с первоисточником является, как ни странно, повествование о судьбе Лягушонка-Маугли. Текст, традиционно относимый к детскому чтению, при ближайшем рассмотрении обнаруживает

тонкую, временами изошренную, игру ветхо- и новозаветной основой на уровне как цитат, так и аллюзий. Даже само название частей диалогии не отличается простотой. И если «Книга Джунглей» в общем-то легко соотносима с другой Книгой (Bible), то «Вторая книга Джунглей» уже не позволяет однозначно определить возможный прототип.

Схожий прием используется автором и непосредственно в тексте. Так, Лягушонок-Маугли, помимо имени, данного Ракшей, имеет и другое «человечий детеныш (man's cub)». При этом прямое толкование, доминирующее в первой части, «тот, кто рожден от человека» (и поэтому должен уйти к людям: *so thou must go back to men* [6, p. 29]), в части второй утрачивает изначальную простоту.

Напомним, в «Книге Джунглей» Стая, попавшая под влияние Шер-Хана, изгоняет человеческого детеныша на том основании, что он человек: «He is a man – a man – a man (он человек – человек – человек)» [6, p. 38]. Затем, призывая вернуться, восклицают: «Lead us again, O Man-cub» [6, p. 128]. Обратим внимание на изменение в написании: человеческий детеныш становится Человеческим Детенышем (либо Человеком-детенышем), а промежуточным этапом этой трансформации оказывается признание героя человеком.

Аналогичную картину можно наблюдать в рассказе «Белый Котик», когда смысловая метаморфоза выводит центральную фигуру на мессианский уровень: «„We will follow Kotick, the White Seal.“» [6, p. 168–169]. Но если путь Белого Тюленя, который стал «Моисеем» всех своих соплеменников, подобен прямолинейному движению, то путь Маугли нередко напоминает странствие по лабиринту, полному исчезающих и произвольно меняющих кривизну зеркал.

С одной стороны, параллель между Человеческим Детенышем и Дитя Человеческим совершенно очевидна. С другой стороны, именование Маугли Человеческим Детенышем в первой главе «Второй книги Джунглей» еще лишено выраженной сакральной составляющей. «And yet – hunting among strangers ends in fighting; and they might hurt the Man-cub» [7, p. 3], – говорит Балу; «„...it is an evil time,“ – said the Black Panther, one furnacehot evening, „but it will go if we can live till the end. Is thy stomach full, Man cub?“» [7, p. 7], – спра-

шивает Багира. А Шер-Хан раздраженно рычит: «„Man-cub this, and Man-cub that,“ he rumbled, going on with his drink, „the cub is neither man nor cub, or he would have been afraid“» [7, p. 13].

Как ни странно, именно хромой людоед, ненависть которого к Маугли не знает границ, ухитряется понять самое главное: Маугли в равной мере *не принадлежит* миру людей и миру животных. Последний момент для Киплинга крайне важен: он позволяет освободить героя от ограничений, накладываемых кровным родством, ибо уже в главе «Напуск Джунглей» Маугли суждено исполнить долг пророка – пророка Джунглей.

Пророческая составляющая в образе Лягушонка впервые возникает в момент его прихода на территорию Стаи. Подобно Моисею, принесенному рекой, чудом спасшийся от Шер-Хана Маугли появляется со стороны воды. Затем он, опять же подобно Моисею, будет учить народ свой исполнению Закона и раз за разом возвращать заблудших «овец» на путь истинный. И все же видеть в Маугли черты одного Моисея было бы ошибкой, тем более что некоторые моменты в жизни Лягушонка зеркально отражают соответствующие события в биографии прототипа (достаточно вспомнить, что в волчье логово он пришел сам, по своей воле, а Моисея к дочери фараона все-таки принесла река).

Кроме того, служа Закону, Человеческий Детеньш не занимается законотворчеством и правовыми реформами: он пользуется готовыми установлениями и видит свой долг в сохранении порядка, берущего начало в эпоху демиурга – Первого Слона Тха. Нелишне также вспомнить, что, в отличие от Моисея, Маугли не будет выводить Свободный Народ из плена, а на месте дарует ему и прозрение, и обретение практически утраченного Сиона.

Но не только спасением Джунглей озабочен Человеческий Детеньш. Как и все герои Киплинга, он беззаветно предан долгу. Другое дело, что его долг – это долг пролитой крови, неизбежная уплата которого была предсказана матерью-демоницей в яростном споре с Шер-Ханом: «And it is I, Raksha [The Demon], who answers. The man's cub is mine», «he shall live to run with the Pack and to hunt with the Pack;

and in the end, look you, hunter of little naked cubs–frog-eater–fish-killer–he shall hunt thee!» [6, p. 10]. Заметим, чуть позже Ракша вернется к теме мщения и без обвиняков скажет, что приемыш *должен* убить своего врага: «Mother Wolf told him once or twice that Shere Khan was not a creature to be trusted, and that some day he must kill Shere Khan» [6, p. 26]. И, как известно, Маугли с честью исполнит свой долг и принесет шкуру врага на скалу Совета.

Здесь следует обратить внимание на одну тонкость: действия Маугли «от и до» освящены авторитетом Закона, который Шер-Хан неоднократно и демонстративно нарушал. И в главе «Напуск Джунглей», где Человеческий Детеныш в полной мере раскрывает талант мстителя, он демонстрирует уже миру людей, что для всех, кто пришел в Джунгли, Закон един.

Одновременно с изменением правоприменительной доминанты в главе происходит и другое важное событие: Киплинг внезапно отказывается от использования привычных и хорошо узнаваемых реминисценций. Теперь он предлагает читателю развернутые *вариации на темы* пророческих книг или опыты ветхозаветного повествования, перенесенного в реалии Индостана.

Одним из главных источников авторского вдохновения выступает книга пророка Иеремии. Обращение к этой фигуре вряд ли можно считать случайным. Как справедливо замечает Н. Розанов, «среди пророков никто не был по своей жизни и страданиям более рельефным прообразом Христа» [3, с. 6], а Маугли-Map-cub, несомненно, и пророк, и будущий Спаситель Джунглей. Но если Сын принес человечеству заповеди блаженства, о чем и поведали миру евангелия, то Иеремия, обличавший «чрезвычайную *виновность* народа да иудейского пред Иеговою», достиг невиданных высот в ином жанре, создав «*книгу угроз*» [3, с. 6].

Сопоставление показывает, что в безжалостном приговоре Человеческого Детеныша своим соплеменникам присутствует немало смысловых параллелей со словами древних пророчеств. Сравним (курсив наш. – Е.С.; С.С.): «Let them run <...>, till we have the rain-water for the only plow, and the noise

of the rain on the thick leaves for the pattering of their spindles. <...> By the end of the Rains there was the roaring Jungle in full blast on the spot that had been under plow not six months before» [7, p. 101; 111] – «Also Edom shall be a desolation <...>. As in the overthrow of Sodom and Gomorrah <...>, no man shall abide there, neither shall *a son of man* dwell in it». (KJV; Jer., 49:17–18); «Babylon is taken <...>. For out of the north there cometh up a nation against her, which shall make her land desolate, and none shall dwell therein: they shall remove, they shall depart, *both man* and beast» (KJV; Jer., 50:2–3). Особенный интерес для нас представляет мысль, звучащая в 49-й главе: «And Hazor shall be a dwelling for dragons, and a desolation for ever: there shall no *man* abide there, nor *any son of man* dwell in it [и будет Асор жилищем шакалов, вечную пустыню; человек не будет жить там, и сын человеческий не будет останавливаться в нем (Иер., 49:33)]» (KJV; Jer., 49:33; курсив наш. – Е.С.; С.С.).

Получается, что пророчество Иеремии у Киплинга сбывается неоднократно и по-разному: в селении, разрушенном войском Маугли, действительно, никогда не будет жить ни человек (*both man*), ни сын человека (*any son of man*), ни сам Человеческий Детеныш (*Son of Man*).

Но вершиной кипплинговской иеремиады, безусловно, является «Песнь Маугли против людей» (*Mowgli's Song Against People*). Сохраняя общий пафос книги угроз, автор соединяет в едином пространстве несколько пророческих текстов. Голоса Исайи, Захарии и Софонии вступают в переключку с лейтмотивом, который задал Иеремия, и в полной гармонии друг с другом обрушивают на слушателя мрачную историю о будущем провинившейся деревни, становящейся символом справедливого и неотвратимого возмездия.

Если попытаться охарактеризовать «Песнь...» в самых общих чертах, то перед нами развернутый ряд *полностью* сбывшихся угроз. При этом Киплинг, не затрудняя себя определением *вины*, последовательно развивает тему бессилия человека перед Джунглями. Стоит отметить, что автор не просто перечисляет грядущие казни, но следует определенной системе.

Первый удар нанесут «быстроногие лозы» (*the fleet-footed vines*), после чего придут в упадок жилища, и Джунглям останется вытоптать грядки...

I will let loose against you the fleet-footed vines –
I will call in the Jungle to stamp out your lines!
The roofs shall fade before it,
The house-beams shall fall,
And the *Karela*, the bitter *Karela*,
Shall cover it all! [7, p. 112]
Я напущу против вас быстроногие лозы –
Я призову Джунгли вытоптать ваши грядки!
А прежде увянут крыши,
Упадут балки домов,
И *Карела*, горькая *Карела*
Покроет все!

После такого нормальный, человек должен бежать, куда глаза глядят, но такой возможности у него не будет. Маугли запрет людей в разрушающихся жилищах, и им останется дрожать от страха, слушая волчий вой и змеиное шипение:

In the gates of these your councils my people shall sing,
In the doors of these your garners the Bat-folk shall cling;
And the snake shall be your watchman,
By a hearthstone unswept;
For the *Karela*, the bitter *Karela*,
Shall fruit where ye slept! [7, p. 112]
У ворот домов будет петь мой народ,
У ворот ваших амбаров повиснут Нетопыри;
И змея будет вашим стражем,
У невычищенного очага;
Потому что *Карела*, горькая *Карела*
Будет плодоносить там, где вы спали!

Когда пройдет известный только мстителю срок, наказание вступит в новую фазу: начнется активное разрушение

деревни и изгнание уцелевших, которым не дано будет даже взглянуть на своих мучителей, – день гнева у Маугли уступает место ночи гнева:

Ye shall not see my strikers; ye shall hear them and guess;
By night, before the moon-rise, I will send for my cess,
And the wolf shall be your herdsman
By a landmark removed,
For the *Karela*, the bitter *Karela*,
Shall seed where ye loved! [7, p. 112]
Вы не увидите моих молотобойцев; вы их услышите и будете гадать;
Ночью, до рассвета, я пошлю за своей данью,
И волк будет вашим пастухом
У сваленного межевого знака,
Потому что *Карела*, горькая *Карела*
Посеет семена там, где вы любили!

Предпоследняя строфа «Песни...» закрепляет ощущение полной обреченности и осознание того, что Джунгли окончательно победили:

I will reap your fields before you at the hands of a host;
Ye shall glean behind my reapers, for the bread that is lost,
And the deer shall be your oxen
By a headland untilled,
For the *Karela*, the bitter *Karela*,
Shall leaf where ye build! [7, p. 113]
Я соберу урожай с ваших полей раньше вас;
Вы будете подбирать колосья за моими жнецами, вы потеряли свой хлеб,
И олень будет вашим быком
У конца нераспаханной пашни,
Потому что *Карела*, горькая *Карела*
Покроет листвою все места, где вы строите!

Финальное шестистишие, искушающее порассуждать о кольцевой композиции «Песни Маугли против людей», при ближайшем рассмотрении оказывается концептуальным резюме:

I have untied against you the club-footed vines,
I have sent in the Jungle to swamp out your lines.
The trees – the trees are on you!
The house-beams shall fall,
And the *Karela*, the bitter *Karela*,
Shall cover you all! [7, p. 113]
Я натравил на вас косолапые лозы,
Я послал Джунгли, чтобы те вытоптали ваши грядки.
Деревья – деревья на вас!
Балки домов упадут,
И *Карела*, горькая *Карела*
Покроет всех вас!

Здесь важно все. И то, что будущее время сменяется прошедшим, и то, что «быстроногие лозы» (*the fleet-footed vines*) уступают место от рождения изуродованным, лишенным способности к быстрой ходьбе, «окосолапленным» (ср. club-foot – a congenitally misshapen foot twisted out of position) [4], и, наконец, то, что место жилищ уже *навсегда* займут Джунгли...

Единственное, что нарушает стройность нашего рассуждения и ставит под сомнение его корректность, – упоминание горькой карелы, которым завершается каждая строфа. Как гласит один из авторитетных комментариев к наследию Киплинга, речь идет о «диком ползучем растении с горькими плодами», которое «быстро растет, и покинутые человеком территории быстро зарастают карелой» [5, p. 326]. Другой комментатор, отсылая нас к тексту «Песни Маугли против людей», уточняет, что карела (*Momordica Charantia*) является «символом диких растений, поглощающих возделанное человеком место» [8]. Но вся беда в том, что в текстах Ветхого Завета нет ничего, даже отдаленно напоминающего карелу (она же китайская горькая тыква).

Можно было бы списать эту нестыковку на упомянутое выше влияние индийских реалий, тем более что в «Натиске Джунглей» карела фигурирует в том же качестве, что и в «Песне Маугли...»: «The Gond <...> picked up a trail of the *Karela*, the vine that bears the bitter wild gourd, and laced it to and fro across the temple door in the face of the staring

red Hindu image. Then he pushed with his hand in the open air along the road to Kanhiwara, and went back to his Jungle, and watched the Jungle people drifting through it. He knew that when the Jungle moves only white men can hope to turn it aside.

<...> The wild gourd would grow where they had worshiped their God, and the sooner they saved themselves the better». [7, pp. 107–108] – «Гонд <...> поднял с земли карелу – лозу, приносящую горькую тыкву, и оплел ею храмовую дверь перед глазастым красным индусским идолом. Затем он вытянул свою руку по направлению к дороге на Канхивару – и отправился в свои Джунгли, откуда наблюдал движение жителей Джунглей [точнее, народа Джунглей. – Е.С.; С.С.]. Он знал, что когда джунгли тронутся, то разве лишь белые люди могут надеяться заставить их свернуть в сторону.

<...> Дикой тыквой зарастет место, где сельчане поклоняются своему богу, и чем скорее они уберутся, тем лучше!» [2, с. 262].

Нетрудно увидеть, что в сочетании с карелой из «Песни Маугли...» горькая тыква гонда образует линию, подобную цепи пророчеств в духе Иеремии, – здесь нет места ни для человека (*both man*), ни для сына человека (*any son of man*), ни для Человеческого Детеньша (*Son of Man*).

Если же немного отвлечься от названий экзотической флоры и обратиться к сущностным совпадениям, то картина кардинально меняется. Обратим внимание на легендарную горечь китайской тыквы, удостоенную устойчивого выражения на хинди (*горький, как карела*). Примем во внимание, что в контексте «Песни Маугли...» упоминания о горькой кареле идут рука об руку с мыслью о том, что возмездие должно быть жестоким и необратимым. Вспомним также, что в библейском словоупотреблении «горечь» не только выступает стандартным символом скорби, но при определенных условиях символизирует яд неверия либо просто отраву. И напоследок учтем, что «горечь» – непреходящий участник мрачных пророчеств, на которые не скупилась Исайя со товарищи. «Уже не пьют вина с песнями; горька сикера для пьющих ее. Разрушен опустевший город» (Ис., 24:9–10) [strong drink shall be bitter to them that drink it (KJV; Isa., 24:9)]. «Я стал посмешищем для всего народа моего, вседневную

песню их. Он пресытил меня горечью, напоил меня полынью» (Плач, 3:14-15) [he hath filled me with bitterness, he hath made me drunken with wormwood (KJV; Lam., 3:15)].

Символами запустения в Писании, конечно, являются другие растения, те самые терния и волчцы, которые произрастит проклятая за Адама земля: «Я скажу вам, что сделаю с виноградником Моим: отниму у него ограду, <...> и оставлю его в запустении: <...> и зарастет он тернами и волчцами» (Ис., 5:5-6) [briers and thorns (KJV; Isa., 5:6)]. Но в нашем случае прямых совпадений и не должно быть, ведь Маугли осуществляет предписания Закона Джунглей, а не Завета. Вполне достаточно того, что основные «тезисы» песни Человеческого Детеныша мало чем отличаются от значимых высказываний Исайи, Иеремии и Софонии; ср.: «Therefore their goods shall become a booty, and their houses a desolation: they shall also build houses, but not in-habit them; and they shall plant vineyards, but not drink the wine thereof» (KJV; Zeph., 1:13) [И обратятся богатства их в добычу и дома их – в запустение; они построят дома, а жить в них не будут, насадят виноградники, а вина из них не будут пить (Соф., 1:13)]; «and it shall come to pass in that day, that every place shall be, where there were a thousand vines at a thousand silverlings, it shall even be for briers and thorns» (KJV; Isa., 7:23) [И будет в тот день: на всяком месте, где росла тысяча виноградных лоз на тысячу сребреников, будет терновник и колючий кустарник (Ис., 7:23)]. Кроме того, как мы уже отмечали, у Киплинга присутствует осознанная игра с эпитетами к слову «vine» (лоза): «быстроногие лозы» (*the fleet-footed vines*) – «окосолапленные [от рождения изуродованные] лозы» (*the club-footed vines*).

Пророческий ряд, составивший основу «Песни Маугли...», завершают апокалиптические мотивы, скорее всего, восходящие к третьей книге Ездры (в английской версии II Ezdras): «The trees shall give fruit, and who shall gather them?

The grapes shall ripen, and who shall tread them? for all places shall be desolate of men:

So that one man shall desire to see another, and to hear his voice.

For of a city there shall be ten left, and two of the field, which shall hide themselves in the thick groves, and in the clefts of the rocks. <...> And the earth shall be laid waste, and the fields thereof shall wax old, and her ways and all her paths shall grow full of thorns, because no man shall travel therethrough» (II Ezdras, 16:25-28, 32) [9, p. 144–145] – [Не останется никого, кто возделывал бы землю и сеял на ней. Деревя дадут плоды, и кто будет собирать их? Виноград созреет, и кто будет топтать его? Ибо повсюду будет великое запустение. Трудно будет человеку увидеть человека, или услышать голос его, ибо из жителей города останется не более десяти, и из поселян – человека два, которые скроются в густых рощах и расселинах скал. <...> Земля останется в запустении, поля ее заглухнут, дороги ее и все тропинки ее зарастут терном, потому что некому будет ходить по ним (3 Ездр., 16:25–29, 33)].

Как можно заметить, процитированный фрагмент практически полностью дублирует содержание обличительных строф «Песни Маугли...», поэтому нельзя исключать, что первоотличком к ее созданию послужило знакомство Киплинга с апокрифическим творением Ездры.

В то же время общий настрой, характерный для древнего автора, поставившего перед собой цель «утешить родной народ в тех несчастиях, какие он претерпевал», «пораженный падением Иерусалима при нашествии на Иудею войск Тита» [1, с. 220], противоречит главной идее «Песни...». Возможно, именно по этой причине Киплинг и вынес на первый план слова других пророков. Ведь Человеческий Детеныш, воспитанный в безусловной верности Закону Джунглей, видит свой главный долг в осуществлении справедливого возмездия. И хотя он способен сострадать ближнему, дар утешения ему недоступен.

Список литературы

1. Аболенский Н. [Вступительная статья и комментарий к Третьей книге Ездры] // Толковая Библия: в 12 т. Репр. изд. 1904–1913 гг. – Стокгольм, 1987. [В составе II т. «Общедоступная богословская библиотека». – Вып. 32. – С. 217–341].
2. Киплинг Р. Вторая Книга Джунглей. – М.: Радуга, 2006. – 400 с.
3. Розанов Н. [Вступительная статья и комментарий к Книге пророка Иеремии] // Толковая Библия: в 12 т. Репр. изд. 1904–1913 гг. – Стокгольм, 1987. – Т. 6. – С. 1–152.
4. Clubfoot. Электронный ресурс. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/clubfoot> (дата обращения: 20.07.2022).

5. Durand, R. Handbook to the poetry of Rudyard Kipling. – Garden City; New York: Doubleday, Page&Co., 1914. – 386 p.
6. Kipling, R. The Jungle Book. – New York: The Century Co., 1894. – 333 p.
7. Kipling, R. The Second Jungle Book. – New York: The Century Co., 1895. – 345 p.
8. McGivering, J. «Mowgli's Song Against People» [background notes]. – URL: http://www.kipling.org.uk/rg_mowglisong1.htm (дата обращения: 20.07.2022).
9. Wace, H. The Holy Bible, according to the Authorized version (A.D. 1611), with an explanatory and critical commentary and a revision of the translation by bishops and other clergy of Anglican church: Apocrypha. – London: J. Murray, 1888. – V. 1. – 937 p.

Elena S. Slobodnyuk, Sergey L. Slobodnyuk

The Man-Cub against Men, or Rudyard's New Jeremiad

The article analyses the features of the biblical word functioning in the artistic space of the «Second Jungle Book». The authors examine the way R. Kipling used the texts of Jeremiah, Isaiah, Zechariah, Zephaniah. Analysis of meaningful parallels drives us to a conclusion that the «prophetic» line of the «Second Jungle Book» is an integral part of the author's mythology, which affirms the unconditional triumph of the Law and duty.

Key words: Bible, Law, Kipling, Jungle Books, prophets, jeremiad, Jeremiah.

For citation: Slobodnyuk, E.S., Slobodnyuk, S.L. (2022). CHelovecheskij Detenysh protiv lyudej, ili Novaya ieremiada ot Red'yarda [The Man-Cub against Men, or Rudyard's New Jeremiad]. Art Logos – The Art of Word. No 3. pp. 21–33. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_21

References

1. Abolenskij, N. *Vstupitel'naya stat'ya i kommentarij k Tret'ej knige Ezdry* [Introductory Article and Commentary on the Third Book of Ezra] *Tolkovaya Bibliya: v 12 t. Repr. izd. 1904–1913 gg.* [Explanatory Bible: In 12 volumes. Repr. ed. 1904–1913] Stokgol'm, 1987. V sostave II t. «Obshchedostupnaya bogoslovskaya biblioteka» [As part of the II volume “Publicly accessible theological library”]. Vyp. 32. Pp. 217–341. (In Russian).
2. Kipling, R. *Vtoraya Kniga Dzhunglej* [Second Jungle Book]. Moscow: Raduga Publ., 2006. 400 p. (In Russian).
3. Rozanov, N. *Vstupitel'naya stat'ya i kommentarij k Knige proroka Ieremii* [Introductory Article and Commentary on the Book of Jeremiah] *Tolkovaya Bibliya: v 12 t. Repr. izd. 1904–1913 gg.* [Explanatory Bible: In 12 vol. Repr. ed. 1904–1913]. Stokgol'm, 1987. T. 6. Pp. 1–152. (In Russian).

4. Slubfoot. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/clubfoot> (date of access: 20.07.2022). (In English).
5. Durand, R. Handbook to the poetry of Rudyard Kipling. Garden City; New York: Doubleday, Page&Co., 1914. 386 p. (In English).
6. Kipling, R. The Jungle Book. New York: The Century Co., 1894. 333 p. (In English).
7. Kipling, R. The Second Jungle Book. New York: The Century Co., 1895. 345 p. (In English).
8. McGivering, J. «Mowgli's Song Against People» [background notes]. URL: http://www.kipling.org.uk/rg_mowglisong1.htm (date of access: 20.07.2022). (In English).
9. Wace, H. The Holy Bible, according to the Authorized version (A.D. 1611), with an explanatory and critical commentary and a revision of the translation by bishops and other clergy of Anglican church: Apocrypha. V.1 London: J. Murray, 1888. 937 p. (In English).

дата получения: 28.08.2022 г.
дата принятия: 11.09.2022 г.

date of receiving: 28.08.2022
date of acceptance: 11.09.2022

О. Е. Похаленков, С. Е. Никуличева

Парадигма женских образов в романах Эриха Марии Ремарка

В статье анализируются женские образы в романах Э.М. Ремарка «Три товарища», «Триумфальная арка» и «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов». Обсуждается понимание терминов «архетип» и «мифологема» в современном литературоведении. Рассматриваются сходства женских образов в произведениях немецкого писателя с библейскими образами. Доказывается возможность бессознательного, равно как и осознанного, создания Ремарком образов на основании христианских представлений о женщине. Это является вполне закономерным, так как все ключевые женские образы в текстах Ремарка имеют связь с мистическими персонажами мифов и легенд. Выявляется их художественная роль в романах Эриха Марии Ремарка. На основании анализа многих частных образов вырабатывается общий образ женщины в романах и соответствующий ему в Библии. Отмечается значение таковых в романе и в собрании священных книг. Предлагается классификация образов женских героинь, критерием для которой послужила их сюжетная роль в произведениях. Делается вывод о возможности данного сопоставления и приводится заключение об общем значении женского персонажа в анализируемых текстах.

Ключевые слова: немецкая проза, Э.М. Ремарк, образ, архетип, мифологема, прообраз, художественная роль.

Для цитирования: Похаленков О.Е., Никуличева С.Е. Парадигма женских образов в романах Эриха Марии Ремарка / О.Е. Похаленков, С.Е. Никуличева // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 34–51. DOI 10.35231/25419803_2022_3_34

Определение понятию «архетип» первым дал Карл Юнг: «Архетипы – непредставимые сами по себе, они проявляются в сознании следствиями самих себя, в качестве архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок» [13]. В литературе же существует культурный код «литературного бессознательного», включающий в себя парадигму отношений образов мифологии. А.Ю. Большакова [1], объясняя связь юнговского архетипа и его литературоведческого аналога, опиралась на работу В. Шукина [12]. Последний ввел понятие «праобраз». Это взятая из мифологии концепция, реализующаяся в литературе. Таким образом, мифология со всеми работающими в ней законами первична по отношению к «праобразу», из нее вычлененному. Так же соотносятся и понятия архетип и мифологема. Архетип – это мифология определенного времени и места со всеми работающими в ней мифологемами (мифологическими сюжетами) и сквозными образами. Об этом писала А.Н. Круталевич: «Конкретизируя классический подход к определению мифологемы, можно говорить об архетипах как о неизменных универсалиях человеческого существования, а о мифологеме – как о развертывании в пространстве смыслов, содержащихся в архетипах» [3]. Если учесть тесную связь психологии и литературы в определении понятий «архетип» и «мифологема», то нельзя не заметить того, как реализуется «бессознательное литературное» в том или ином художественном тексте. Автор произведения, относящийся к определенной культуре, погруженный в мифологию, будет творить в соответствии с ее законами. Мотивы, образы, сюжеты писателя будут неосознанно заимствованы им из первичных для него источников. Создавая образ, творец пытается придать ему узнаваемость, используя при этом ассоциации с уже имеющимися в его культуре работающими универсалиями. Совокупность таких литературных универсалий и есть архетип. А.Ю. Большакова в своем исследовании приводит следующую цитату Юнга: «Эти коллективные паттерны, или типы, или образцы, я назвал архетипами, ис-

пользуя выражение Бл. Августина. Архетип означает *типос* (печать – *imprint* – *отпечаток*), определенное образование архаического характера, включающее ровно как по форме, так и по содержанию *мифологические мотивы*» [1]. Важным для нас представляется уточнение о том, что задействуется не только образ или мотив, но и его композиционная роль в тексте. А.Ю. Большакова пишет о том, что в качестве архетипа выступает модель мировосприятия: «Архетипы – унаследованные генетически образцы поведения, восприятия, воображения и наследуемые посредством культурно-исторической памяти» [1]. «Образцы поведения» являются сюжетным элементом и относятся к композиционному уровню романа. В то время как устоявшиеся образы, взятые из мифологии, относят к уровню образному. О возможности такого обобщения в своей статье «Термин «мифологема» в современном российском литературоведении» говорит С.М. Телегин: ««Мифологическая тема» является «внутренней субстанцией» мифологического образа или сюжета и обладает качествами устойчивости, неизменяемости» [11]. С.М. Телегин противоречит А.Ю. Большаковой («мифологические мотивы определено вторичны по отношению к архетипу как праобразу (первообразу)») в своем тезисе о том, что «мифологема – это внутренняя схема, первообраз, модель, на основе которой, в зависимости от конкретной ситуации, вырастает образ». Для того, чтобы четко понимать цель проведенного нами анализа женских образов в романах Э. М. Ремарка, следует еще раз обозначить то, что мифологема «соотносится с планом содержания, имеет надэтнический характер и определяется как мифологический сюжет, сцена, образ, характеризующиеся глобальностью, универсальностью и имеющие широкое распространение в культурах» [11]. Иными словами, сквозной образ женщины, закрепленный, например, в библейской мифологии, функционально соотносится с ремарковскими женскими образами и, посредством наличия такой наследственности, считается мифологемой. А.Н. Круталевич писала: «Конкретизируя классический подход к определению мифологемы, можно говорить об архетипах как о неизменных универсалиях человеческого существования, а о мифологеме – как

о развертывании в пространстве смыслов, содержащихся в архетипах» [3]. То есть мифологема, будучи образом, мотивом или сюжетом, является содержанием архетипа как универсальной формы. Применительно к нашей работе мифологемами выступают сюжетные роли женщин в текстах романов, унаследованные из христианской мифологии, а архетипом женского образа в произведениях Ремарка – целостный образ женщины со всеми его коннотациями (библейская женщина и все ассоциации, с ней связанные). И вследствие того, что понятие «мифологема» включает в себя и сюжет, и образ, при этом являясь содержанием формы (архетипа), происходит перемежение двух уровней романа – сюжетного и образного.

В образах женщин кроются ключи к пониманию эстетики и философии Ремарка, что позволяет типологизировать романы в соответствии с литературными направлениями и периодами. Так, например, частые женские смерти в романах о послевоенном времени можно считать признаком романа о «потерянном поколении». Об этом свидетельствует факт временного обретения и мгновенной утраты любимой вернувшимся с войны, и, как следствие, невозможность счастья для «потерянных».

Начальной ступенью образования Э.М. Ремарка было окончание церковной школы. В дальнейшем он поступил в Королевскую семинарию. Факт глубокого знания писателем основ христианской и иудейской культуры позволяет нам говорить о возможности намеренных и бессознательных отсылок к библейским мифологемам и архетипам в его произведениях. В текстах его романов работают многие модели, сюжетные ходы, образы Нового и часто Ветхого Завета. Большакова А.Ю. в своей статье «Архетип, миф и память литературы» писала об использовании общеизвестного языка мифов, духовного кода в произведениях, причем, неспециально: «Мы можем определить архетип как одну из форм проявления культурного бессознательного. Поскольку такое включает в себя реликты доисторического мировосприятия, архетип, как близкое мифологеме, но в отличие от последней, являющей собой либо фрагмент, либо отголосок мифа, отдельный его мотив в позднейших фольклорных

и литературных наслоениях, архетип представляет собой коллективное бессознательное в целом» [1].

Таким образом, непреднамеренно взятые писателем из общеизвестной парадигмы мифов образы и схемы переносятся в романы и функционируют в них, позволяя интерпретировать их в соответствии со значением заимствованного образа. Все это доказывает нашу гипотезу о взаимосвязи погружения в культуру христианской религии с неконтролируемыми и частыми аллюзиями на тексты Священного Писания и использовании библейских архетипов в произведениях Ремарка.

Образ падшей женщины и возникающие с ним сюжетные модели являются ключевыми для романов Э.М. Ремарка. В его текстах наблюдается традиция наличия публичного дома и его представительниц, что свидетельствует о порочности женщины в представлении писателя. Смерти и болезни, привносимые в повествование женскими персонажами, и обязательная ассоциация их с негативными событиями говорят о разрушительной функции женских образов. В романах отрабатываются такие мифологемы, как сюжетный элемент с раскаявшейся блудницей (замужество и уход от деятельности проститутки Лили в романе «Три товарища»: «Она сделала блестящую карьеру. Она была тем, что является несбыточной грезой любой маленькой проститутки, – дамой из отеля <...> Теперь она надумала выйти замуж. Ее будущий муж имел небольшую ремонтную мастерскую. Он знал о ее прошлом, но оно ему было безразлично. О будущем он мог не тревожиться: если уж какая-нибудь из этих девиц выходила замуж, то женой она была верной. Она уже прошла огни и воды и была сыта ими по горло. На такую жену можно было положиться» [8]); половая распущенность как одна из ведущих поведенческих черт женских персонажей (наличие у многих героинь нескольких партнеров, например, описание Эрны Бениг в романе «Три товарища» – «личной секретарши какого-то босса. Она одевалась слишком элегантно для своего жалования, но один раз в неделю шеф диктовал ей до утра. И тогда на следующий день у нее бывало очень плохое настроение. Зато каждый вечер она ходила на танцы <...> У нее было двое друзей. Один

любил ее и приносил ей цветы. Другого любила она и давала ему деньги» [8]); женская неверность (в романе «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов»: «Этот мой приятель был без ума от женщины, которая изменяла ему на каждом шагу, со всяким механиком <...> Мечтой всей его жизни были большие победы в гонках – и эта женщина. И вот он умер, так и не узнав правды ни о себе как гонщике, ни об этой женщине. Умер, не успев узнать, что после аварии эта женщина вообще не захотела его видеть, потому что ему ампутировали ногу» [10]); ранняя потеря девушками невинности (Люсьенна Мартинэ в романе «Триумфальная арка»: «Маленькая модистка стала маленькой проституткой <...> Ей не приходилось больше опасаться беременности. <...> Она еще только начинала, и какая-то детскость, сохранившаяся в ней, была весьма привлекательна для пожилых знатоков – фарфоровая статуэтка с яркими, еще не потускневшими красками» [9]).

Вероятно, признаки и поступки, традиционно закрепленные в читательском сознании за ролью падшей женщины, формируют один общий для всех романов собирательный образ-характеристику женщины. И этот собирательный образ сопоставим в частности и в целом с библейским определением женской сущности. Блудница – частый герой историй из Библии. Причем это не всегда женщина, торгующая собой, – это и наложница, и жена, изменяющая мужу, и прообраз человека, служащего другим богам. Частота употребления образа блудницы и его качество в Библии сопоставимы с романами Ремарка. Но основополагающим сходством можно считать то, что выведенный нами суммарный из всех свойственных ему черт образ блудницы в произведениях Э.М. Ремарка имеет идентичные качества в образе Великой Блудницы, описанной в Апокалипсисе: «И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих; с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена

облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Быт. 16:1-6). Книги Священного Писания предоставляют общий образ блудницы: «и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, *мать блудницам*» (Быт. 16:1-6), которая называется Великой блудницей – в Новом Завете, дочерью Вавилона, либо Вавилонской блудницей – в Ветхом Завете.

При описании внешности и поведения всегда соблюдаются некоторые принципы. Во-первых, акцентируется дороговизна интерьера и материала одежды, высокая материальная ценность наряда. Например, в книге Притчей: «... коврами я убрала постель мою, разноцветными тканями Египетскими; спальню мою надушила смирною, алоем и корицею» [Притч. 7:16-17]; в книге пророка Исаи: «...вперед не будут называть тебя *нежною и роскошною*» (Ис. 47:1); в книге Иезекииля: «И надел на тебя *узорчатое платье*, и обул тебя в *сафьянные сандалии*, и опоясал тебя *виссоном*, и покрыл тебя *шелковым покрывалом*. И нарядил тебя в *наряды*, и положил на руки твои *запястья* и на шею твою *ожерелье*. И дал тебе *кольцо на твой нос* и *серьги к ушам твоим* и на голову твою *прекрасный венец*» (Иез. 16:28-39); в книге Откровений Иоанна Богослова: «Жена облечена была в *порфиру и багряницу*, украшена *золотом, драгоценными камнями и жемчугом*» (Откр. 17: 1-5).

Во-вторых, указывается, что роль продажной женщины исполняется при наличии мужа и социального статуса замужней. В книге Притчей описывается такая женщина: «Зайди, будем упиваться нежностями до утра, насладимся любовью, потому что мужа нет дома: он отправился в дальнюю дорогу» (Притч. 7:16-17).

В-третьих, часто упоминается такая модель поведения, при которой женщина покупает своих любовников, а не они ее. В книге Иезекииля: «Ты была не как блудница, потому что отвергала подарки, но как прелюбодейная жена, принимающая вместо своего мужа чужих. У тебя в блудодеяниях твоих было противное тому, что бывает с женщинами: не за тобою

гонялись, но ты давала подарки, а тебе не давали подарков» (Иез. 16:28-39).

Акцент на шикарной одежде и броской внешности ремарковских героинь свидетельствует об очевидном сопоставлении на основании общих цветовых и вещных признаков, например, при изображении нарядов Лилиан Дюнкер («Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов»): «вечернее платье было узкое, цвета вороньего крыла, с отделкой пурпурного шелка»; «страстный, испанский колорит: трагический, черный бархат платья, оттененный огненным пламенем шелков, и широкий, летящего покроя силуэт пальто делали ее фигуру почти бестелесной, как и короткий, черной парчи, плащ тореро, таящий в себе, казалось, жар солнца»; «...почти две недели провела она среди нарядов, шляпок, туфель, словно запойный пьяница в кабаке» [10]. Следующими словами описываются героини в романах Ремарка, например, Долорес Пальмер в романе «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов»: «Вот уже три года она обитала в роскошной палате, представлявшей собой настоящие апартаменты: спальня, гостиная, ванная комната. За эти хоромы она платила больше всех в санатории, а подобострастным почтением персонала пользовалась беззастенчиво и безмятежно <...> Долорес Пальмер была сегодня в длинном платье китайского шелка с разрезом внизу. Лицо ее было отмечено печатью трагической красоты, которую сама она не сознавала. Зато ее любовников этот облик завораживал, словно фата-моргана в пустыне. Домогаясь ее, они изощрялись в экстравагантностях» [10].

Второму принципу соответствуют многочисленные женские измены, речь о которых пойдет далее. В качестве примера реализации третьего принципа описания блудницы в романах Ремарка можно привести семьи, в которых жена содержит мужа (мачеха Мануэлы в романе «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов»: «Толстушка вовсе не мать ей. Она мачеха, и как раз на ее деньги Мануэла здесь живет <...> Отпускать отца одного мачеха ни в какую не хотела – она старше мужа, ревнива и понимает, что стала толстухой»), либо более простая и похожая на библейскую мифологему схема в романе «Три товарища»: «У нее было двое друзей.

Один любил ее и приносил ей цветы. Другого любила она и дала ему деньги» [10].

В Библии всегда четко выстроены и обозначены отношения между главным действующим лицом и женщиной. Ремарк использует именно такую модель повествования, предоставляя герою оценку внешности, характера, поведения героини. Об этом мы писали ранее в статье «Женские образы в романе “Триумфальная арка”»: главная героиня романа Ремарка появляется ниоткуда, при загадочных обстоятельствах. До конца романа так и не проясняется ее прошлое, да и собственно ее существование вне отношений с главным героем. Жизнь Жоан показана урывками, вскользь, а описание ее характера и внешности даются ее любовником [6].

Итак, корреляция отношений героини с главным героем обусловлена подчинением женского персонажа мужскому в художественном отношении. Именно субъектом повествования приводятся многие сравнения, бессознательные аллюзии. А система отношений, при которых женская независимость вполне совместима с мужским давлением и значимостью, некая гармония феминного и маскулинного, еще больше убеждает нас в том, что Ремарк пользуется общебиблейскими моделями на лексическом, композиционном, образном уровнях.

Библейские женские образы можно разделить на некоторые типы, которые, коррелируя с образами героинь Ремарка, становятся прообразами. Мы представим некоторые из них. В ветхозаветной книге Руфь можно столкнуться с типом вдовы. Так, Ноеминь (Руф. 1:19-20) во время голода бежит из страны с мужем и двумя сыновьями, проживает время несчастья в изобилии, пока в один год не лишается и мужа, и сыновей, а, вследствие этого дохода и положения. Своё состояние она передает так: «Не называйте меня Ноеминью (“приятная”), а называйте меня Марою (“горькая”), потому что Вседержитель послал мне великую горесть; я вышла отсюда с достатком, а возвратил меня Господь с пустыми руками; зачем называть меня Ноеминью, когда Господь заставил меня страдать, и Вседержитель послал мне несчастье?» (Руф. 1:19-20). Со временем сноха Ноемини выходит замуж, и благосостояние возвращается к ней, что подтверждают

следующие слова: «И говорили женщины Ноемины: благословен Господь, что Он не оставил тебя ныне без наследника! И да будет славно имя его в Израиле! Он будет тебе отрадою и питателем в старости твоей, ибо его родила сноха твоя, которая любит тебя, которая для тебя лучше семи сыновей. И взяла Ноеминь дитя сие, и носила его в объятиях своих, и была ему нянькою» (Руф. 4:14).

В романе Ремарка «Триумфальная арка» мы наблюдаем похожий сюжетный ход. Равик, идя к пациентке, встречает женщину и коротко рассказывает ее историю. Это овдовевшая лавочница начинает новую жизнь, занимаясь мужской работой: «В первом этаже дома находилась мясная лавка. Могучая женщина, ловко орудуя топором, разрубала свиную тушу. На женщине было траурное платье. Две недели назад у нее умер муж» [9]. Завершается рассказ словами: «Вдова же, напротив, пышно расцвела» [9]. В обоих случаях отрабатывается модель воздаяния за пережитое горе, пусть у Ремарка это и происходит в сатирической форме.

Отвергнутая женщина также частый персонаж в произведениях Эриха Марии Ремарка. Так, в романе «Три товарища» предстает история Мамаши, торгующей сосисками: «“Мамаша” была замужем. Лет десять назад ее муж, прыгая на ходу в поезд подземки, сорвался, и его переехало. В результате ему отняли обе ноги. Несчастье оказало на него странное действие. Он настолько стыдился перед женой своего вида, что перестал спать с ней. Кроме того, в больнице он пристрастился к морфию. Это быстро потащило его на самое дно, он связался с гомосексуалистами, и теперь его можно было видеть только с мальчиками, хотя пятьдесят лет до этого он был нормальным мужчиной. Мужчин калека не стыдился. Ведь калекон он был только в глазах женщин, ему казалось, что он вызывает отвращение и жалость, и это было для него невыносимо. А для мужчин он оставался мужчиной, с которым случилось несчастье. Чтобы добыть деньги на мальчиков и морфий, он забирал у “мамаши” все, что только подворачивалось под руку, и продавал все, что только мог продать» [8]. Женщина в один момент потеряла все, что имела: обеспечение, супружеское сожитие, доверительные отношения с мужем. На основании сходства про-

блем Мамаши и жены Иова, можно предположить наличие аллюзии к библейской книге Иова: «Вот, я кричу: обида!, и никто не слушает; вопию, и нет суда. Он преградил мне дорогу, и не могу пройти, и на стези мои положил тьму. Со-влек с меня славу мою и снял венец с головы моей. Кругом разорил меня, и я отхожу; и, как дерево, Он исторг надежду мою <...> Дыхание мое опротивело жене моей, и я должен умолять ее ради детей чрева моего» (Иов 19:7-10, 17). Если мы проводим данную аналогию, то следует сказать, что пер-востепенным в Библии является образ Иова, имя его жены даже не называется в текстах. В романе история мужа Ма-маши открывается только как характеристика ее самой. Но при этом очевидной центральной фигурой обеих историй, причиной всех бед и отрад являются именно мужчины. Иов лишается физического здоровья, так же, как и муж Мамаши, но они остаются главными героями.

Соперничающие за мужчину женщины – часто встречающийся в Ветхом Завете тип. Так, например, Сарра и Агарь в книге Бытия: «Но Сара, жена Аврамова, не рождала ему. У ней была служанка Египтянка, именем Агарь. И сказала Сара Авраму: вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее. Аврам послушался слов Сары. И взяла Сара, жена Аврамова, служанку свою, Египтянку Агарь <...> и дала ее Авраму, мужу своему, в жену. Он вошел к Агари, и она зачала. Увидев же, что зачала, она стала презирать го-спожу свою <...> И Сара стала притеснять ее, и она убежала от нее» (Быт. 29:30-31, 30:1); Рахиль и Лия в книге Бытия: «Иаков вошел и к Рахили, и любил Рахиль больше, нежели Лию; и служил у него еще семь лет других. Господь Бог уз-рел, что Лия была нелюбима, и отверз утробу ее, а Рахиль была неплодна. Лия зачала и родила Иакову сына <...> И уви-дела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидо-вала Рахиль сестре своей, и сказала Иакову: дай мне детей, а если не так, я умираю» (Быт. 29:30-31, 30:12); Анна и Фен-нана в Первой книге Царств: «У него были две жены: имя одной Анна, а имя другой Феннана; у Феннаны были дети, у Анны же не было детей <...> В тот день, когда Елкана при-носил жертву, давал Феннанае, жене своей, и всем сыновьям

ее и дочерям ее части; Анне же давал часть особую, так как у нее не было детей, ибо любил Анну более, нежели Феннату, хотя Господь заключил чрево ее. Соперница ее сильно огорчала ее, побуждая ее к ропоту на то, что Господь заключил чрево ее. Так бывало каждый год, когда ходила она в дом Господень; та огорчала ее, а эта плакала и сетовала и не ела» (1 Цар. 1:1-5).

Максимально приближен к образам соперничающих Лилиан и Лидии за расположение главного героя в романе «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов» именно последний из приведенных в пример, – образ Анны. В двух первых ситуациях нелюбимая страдает от притеснений любимой, в заключительном примере нелюбимая героиней женщина пытается бросить вызов, спровоцировать на соперничество любимую: «Он видел: Лидия всю рассматривает Лилиан <...> Будь его воля, знай он заранее – ни за что бы этой встречи не допустил, но теперь, раз уж она случилась, решил воспользоваться. Игра на простейших эмоциях – иной раз самое верное средство. Соперничество – одна из таких эмоций. Что ж, если Лилиан приревнует, тем лучше» [10]; «В открытом обмене ударами Лидия Морелли, несомненно, взяла бы верх – она была и старше, и опытней, и гораздо злее Лидии; но в том-то и загвоздка, что сейчас каждый ее удар приходился будто в вату. Лилиан отвечала ей со столь обезоруживающей наивностью и столь же оскорбительным почтением, что все уловки Лидии оказались бессильны – она, хочешь не хочешь, изобличала себя в этом поединке атакующей стороной, тем самым заранее предопределив свое поражение» [10]. И в обоих случаях, любимая женщина разными способами (Анна ищет заступничества, а Лилиан игнорирует Лидию) занимают позицию победителей. Женское соперничество – широко распространенный сюжет, лежащий в основе многих произведений мировой литературы, берущий свое начало в мифах и библейских историях.

Частые женские смерти в романах приводят к такому сюжетному ходу, как воскрешение персонажа. Например, в романе «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов» принцип возвращения себе физической жизни является основополагающим. В завязке романа представлена сакраль-

ная сцена проводов Лилиан Агнессы Зоммервиль: «Теперь уж никто не увидит бледное личико в ореоле огненных волос, все то, что когда-то было Агнессой Зоммервиль <...> окоченевшее тело в горниле топки приподнимется, даже привстанет слегка, как будто оживая заново» [10]. Лилиан задается вопросами о возможности воскресения: «А если она еще жива?! Что если она очнулась там, в этом жутком ящике?» <...> да, примеров, когда такие вот мнимые покойники воскресали и их чудом успевали спасти, совсем немного, но кто знает, сколько их там – заживо задохнувшихся» [10]. Лилиан не верит в смерть Агнессы, но она верит в ее воскресение, она допускает возможность оживления, для нее это естественно. В полумифическом пространстве санатория люди верят в возвращение умерших к жизни, что вполне соотносится с Библией, в которой воскрешение человека считается скорее нормой, чем сверхъестественным действием.

В основе романа «Триумфальная арка» также лежит концепт спасения жизни, но уже не мнимый и призрачный, а вполне реалистичный. Главный герой романа – Равик, немецкий хирург, который наделен практически сверхъестественными способностями. В произведении описываются его операции, возвращающие к жизни. Большинство пациенток Равика – это женщины, желающие сделать аборт или страдающие от последствий неудачных попыток прерывания беременности. Например, операция Равика описана в тексте так: «Утром предстояла операция. <...> Когда Равик вошел, Люсьенна Мартинэ сидела у окна. “Ну что? – спросил он. – Каково *первый раз* встать с постели?”. После операции доктор размышляет о подаренной им жизни: «щуплое, неказистое существо с плохими зубами, но для Равика она была в этот момент прекраснее Елены Троянской, кусочком жизни, спасенной его руками <...> Всегда ждешь, что человек, избежав смерти, будет безмерно счастлив. Но так почти никогда не бывает. Вот и Люсьенна. Свершилось маленькое чудо, а ей только и радости, что не надо выходить под дождь» [9]. И фраза спасенной пациентки, сказанная впоследствии Равику: «Ведь вы спасли мне жизнь» [9].

Воскрешение молодой и незамужней девушки – часто используемая в Новом Завете мифологема. Так, Иисус вос-

крешает дочь Иаира в Евангелии от Луки: «Когда Он еще говорил это, приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя. Но Иисус, услышав это, сказал ему: не бойся, только веруй, и спасена будет. Придя же в дом, не позволил войти никому, кроме Петра, Иоанна и Иакова, и отца девицы, и матери. Все плакали и рыдали о ней. Но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит. И смеялись над Ним, зная, что она умерла. Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку, возгласил: девица! встань. И возвратился дух ее; она тотчас встала, и Он велел дать ей есть» (Лк 8:41-56). При некотором сходстве операции Равика и возвращения к жизни дочери начальника синагоги, обусловленном идентичными функциями главных действующих лиц, нельзя говорить о том, что дочь Иаира – это первообраз Агнессы или Люсьенны.

Подводя итоги, следует определить значение женского образа в романах Ремарка. Для этого необходимо обратить внимание на еще один женский тип в Библии – это женщина бесплодная. Сарра, Рахиль, Анна, упомянутые нами ранее, рожают детей будучи бесплодными. В изначально мертвой утробе зарождается жизнь, в то время как у Ремарка работает обратная схема. Здоровые и даже зачавшие женщины не просто лишаются плода, но и дальнейшей возможности иметь ребенка. Например, в романе «Триумфальная арка»: «Затем приступил к удалению матки <...> Ведь я вырезаю самое великое чудо жизни, способное продолжить ее! Прекрасная женщина, лежащая перед ним, мертва. Она сможет еще жить, но, в сущности, она мертва. Засохшая веточка на древе поколений. Цветущая, но уже утратившая тайну плодоношения»; «непрерывно продолжался таинственный ток крови, вздымавшийся все выше и выше, пока не появилась эта женщина; теперь она бесплодна, как пустой колос, и ей уже не продолжить себя, не воплотиться в сына или в дочь». Описание операции Кэт Хэгстрем: «Ребенок. В этом распадающемся теле на ощупь вслепую пробивалась к свету новая жизнь. И она тоже была обречена. Бессознательный росток, прожорливое, жадно сосущее нечто. Оно могло бы играть в парках. Кем-то стать – инженером, священником, солдатом, убийцей, человеком... Оно бы жило, страдало,

радовалось, разрушало... Инструмент, уверенно двигаясь вдоль невидимой стенки, встретил препятствие, осторожно сломил его и извлек... Конец. Конец всему, что не обрело сознания, всему, что не обрело жизни – дыхания, восторга, жалоб, роста, становления. Не осталось ничего. Только кусочек мертвого, обескровленного мяса и немного запекшейся крови» [9]. Фактическое существование женщины, несущей в себе неживое/мертвое начало, лишенной репродуктивной функции, приравнивается в тексте к смерти.

Смерть в обличии человека – это и есть женщина Ремарка. В романе «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов» Клерфе говорит о Лилиан следующее: «И краем глаза, в тесноте укрытой брезентом кабины, под раздумчиво шелестящий лепет дождя, в зеленоватом полусвете панели приборов, он мельком глянул на Лилиан – и оторопел. Такой он еще никогда ее не видел. Ее лицо, выхваченное из тьмы мерцанием спидометра, часов и прочих приборов, предназначенных для измерений времени, расстояний, скорости, на какое-то мгновение, на одно биение сердца по контрасту со всей этой измерительной техникой показалось ему как бы совершенно выпавшим из времени, – как сама смерть, подумалось ему вдруг, смерть, с которой это лицо затеяло гонку, в сравнении с которой все автогонки на свете просто детские игрушки» [10]. Это не единственное в романе сопоставление Лилиан со смертью.

Таким образом, женские образы романов Э.М. Ремарка сопоставимы с библейскими архетипами. Многие модели и сюжетные ходы, взятые из иудейских и христианских книг, осознанно или бессознательно работают в текстах немецкого писателя. Во многом, образы героинь романов трансформируются, насыщаются дополнительными или обратными первообразам значениями. Общность значений заключена в порочной сущности общего женского образа в художественных текстах и в Библии. Коренное различие наблюдается в значении и функции библейской женщины и героинь в произведениях Ремарка. Библейские женщины – дарительницы жизни, недаром Мария, почитаемая многими религиями, прославилась именно тем, что биологически свойственно только женщине, – рождением Младенца. Героини

романов Ремарка обладают обратной функцией. Они приносят смерть и болезни, и их образы играют преимущественно негативную роль.

Список литературы

1. Большакова А.Ю. Архетип, миф и память литературы // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы Международной заочной научной конференции (г. Астрахань, 19–24 апреля 2010 г.) / под ред. Г.Г. Исаева; сост.: Г.Г. Исаев, Т.Ю. Громова, Д.М. Бычков. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 5–13.

2. Библия. Синодальный перевод. – М.: РБО, 1998. – 1217 с. Все цитаты приводятся по этому изданию.

3. Круталевич А.Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Культура и цивилизация. – 2016. – № 1. – С. 10–21.

4. Никуличева С.Е., Меликджанян Г.А. Женские образы в романе Э.М. Ремарка «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов» / Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности: сборник докладов и материалов XI Международной научно-практической конференции. – М., 2021. – С. 82–94.

5. Плахова О.А. Мифоконцепт, мифологема, мифоним, мифолексема: к вопросу об унификации терминологического разнообразия // КНЖ. – 2013. – № 2. Электронный ресурс. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifokontsept-mifologema-mifonim-mifoleksema-k-voprosu-ob-unifikatsii-terminologicheskogo-raznoobraziya> (дата обращения: 23.06.2022).

6. Похаленков О.Е., Никуличева С.Е. Женские образы в романе Эриха Марии Ремарка «Триумфальная арка» // *Litera*. – 2021. – № 5. – С. 165–173.

7. Похаленков О.Е., Никуличева С.Е. Женские образы в романе Эриха Марии Ремарка «Три товарища» // *Litera*. – 2021. – № 10. – С. 131–140.

8. Ремарк Э.М. Три товарища. Электронный ресурс. – URL: https://librebook.me/three_comrades (дата обращения: 29.07.2022).

9. Ремарк Э.М. Триумфальная арка. Электронный ресурс. – URL: <https://libcat.ru/knigi/lyubovnye-romany/literature/12698-erih-remark-triumfalnaya-arka.html> (дата обращения: 29.07.2022).

10. Ремарк Э.М. Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет. Электронный ресурс. – URL: <https://magbook.net/read/57659> (дата обращения: 29.07.2022).

11. Телегин С.М. Термин «мифологема» в современном российском литературоведении // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы Международной заочной научной конференции (г. Астрахань, 19–24 апреля 2010 г.) / под ред. Г.Г. Исаева; сост.: Г.Г. Исаев, Т.Ю. Громова, Д.М. Бычков. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 14–15.

12. Шукин В. Миф дворянского гнезда. – Краков, 1997. – 235 с.

13. Юнг К.Г. Человек и его символы. – СПб.: Б.С.К., 1996. – 451 с.

Oleg E. Pokhalenkov, Sofya E. Nikulicheva

The Paradigm of Female Images in the Novels by Erich Maria Remarque

The article offers an analysis of female images in the novels by E.M. Remarque – «Three Comrades», «Arc de Triomphe» and «Life on Loan, or Heaven knows no favorites». Definitions of the terms “archetype” and “mythologeme” in modern literary criticism are given. The similarities of female images in the Remarque's works and biblical images are considered. The authors also postulate the possibility of Christian ideas about a woman being a basis for both unconscious and conscious creation of images by Remarque. This is quite natural, since all the key female images in the texts of Remarque have a connection with mystical characters of myths and legends. Their artistic role in the novels of Erich Maria Remarque is revealed. Based on the analysis of many private images, we develop a general image of a woman in the novels and the corresponding one in the Bible. We propose the classification of images of female heroines with the criterion of their plot role. At the end a conclusion is made about the possibility of this comparison and about the general meaning of the female character in the texts studied. The artistic role of female images in the novels of Erich Maria Remarque is revealed.

Key words: German prose, E.M. Remarque, image, archetype, mythologeme, prototype, artistic role.

For citation: Pokhalenkov, O.E., Nikulicheva, S.E. (2022). Paradigma zhenskikh obrazov v romanah Eriha Marii Remarka [The Paradigm of Female Images in the Novels by Erich Maria Remarque]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 34–51. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_34

References

1. Bol'shakova, A.Yu. *Arhetip, mif i pamyat' literatury* [Archetype, myth and memory of literature] Arhetipy, mifologemy, simvoly v hudozhestvennoj kartine mira pisatelya: materialy Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchnoj konferencii (g. Astrahan', 19–24 aprelya 2010 g.) / pod red. G. G. Isaeva; sost.: G.G. Isaev, T.Yu. Gromova, D.M. Bychkov [Archetypes, mythologems, symbols in the artistic picture of the writer's world: materials of the International Correspondence Scientific Conference (Astrakhan, April 19–24, 2010) / edited by G.G. Isaev; comp.: G.G. Isaev, T.Y. Gromova, D.M. Bychkov]. Astrahan': Astrahanskij universitet Publ., 2010. Pp. 5–13. (In Russian).

2. *Bibliya. Sinodal'nyj perevod* [Bible. Synodal translation]. Moscow: RBO Publ., 1998. 1217 p. (In Russian).

3. Krutalevich, A.N. «Mifologema» v ponyatijnom apparate kul'turologii ["Mythologeme" in the conceptual apparatus of cultural studies] *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and civilization]. 2016. No 1. Pp. 10–21. (In Russian).

4. Nikulicheva, S.E., Melikdzhanyan, G.A. *Zhenskie obrazy v romane E.M. Remarka «Zhizn' vzajmy, ili Nebo ne znaet favoritov»* [Female images in E. M. Remarque's novel "Life on Loan, or Heaven Knows no Favorites"] *Innovacii v otraslyah narodnogo hozyajstva, kak faktor resheniya social'no-ekonomicheskikh problem sovremennosti: sbornik dokladov i materialov XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Innovations in the branches of the national economy as a factor in solving socio-economic problems of our time: a collection of reports and materials of the XI International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2021. Pp. 82–94. (In Russian).

5. Plahova, O.A. *Mifokoncept, mifologema, mifonim, mifoleksema: k voprosu ob unifikacii terminologicheskogo raznoobraziya* [Mythoconcept, mythologeme, mythonym, mytholexeme: on the issue of unification of terminological diversity] *Karel'skij nauchnyj zhurnal* [Karelian Scientific Journal] No 2. 2013. Pp. 30–33. (In Russian).

6. Pohalenkov, O.E., Nikulicheva, S.E. *Zhenskie obrazy v romane Eriha Marii Remarka «Triumfal'naya arka»* [Female images in Erich Maria Remarque's novel *The Arc de Triomphe*] *Litera* [Litera]. 2021. № 5. Pp. 165–173. (In Russian).

7. Pohalenkov, O.E., Nikulicheva, S.E. *Zhenskie obrazy v romane Eriha Marii Remarka «Tri tovarishcha»* [Female images in Erich Maria Remarque's novel "Three Comrades"] *Litera* [Litera]. 2021. No 10. Pp. 131–140. (In Russian).

8. Remark, E.M. *Tri tovarishcha* [Three comrades] *Elektronnyj resurs*. URL: https://librebook.me/three_comrades (date of access: 29.07.2022). (In Russian).

9. Remark, E.M. *Triumfal'naya arka* [The Arc de Triomphe] *Elektronnyj resurs*. URL: <https://libcat.ru/knigi/lyubovnye-romany/literature/12698-erih-remark-triumfalnaya-arka.html> (date of access: 29.07.2022). (In Russian).

10. Remark E.M. *Zhizn' vzajmy, ili U neba lyubimchikov net* [Life on loan, or the sky has no favorites] *Elektronnyj resurs*. URL: <https://magbook.net/read/57659> (date of access: 29.07.2022). (In Russian).

11. Telegin, S.M. *Termin «mifologema» v sovremennom rossijskom literaturovedenii* [The term "mythologeme" in modern Russian literary criticism] *Arhetipy, mifologemy, simvol'y v hudozhestvennoj kartine mira pisatelya: materialy Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchnoj konferencii (g. Astrahan', 19-24 aprelya 2010 g.) / pod red. G.G. Isaeva; sost.: G.G. Isaev, T.Yu. Gromova, D.M. Bychkov* [Archetypes, mythologems, symbols in the artistic picture of the writer's world: materials of the International Correspondence Scientific Conference (Astrakhan, April 19–24, 2010) / edited by G.G. Isaev; comp.: G.G. Isaev, T.Y. Gromova, D.M. Bychkov]. Astrahan': Astrahanskij universitet Publ., 2010. Pp. 14–15. (In Russian).

12. Shchukin, V. *Mif dvoryanskogo gnezda* [The myth of the noble nest]. Krakow, 1997. 235 p. (In Russian).

13. Yung, K.G. *Chelovek i ego simvol'y* [Man and his symbols]. St. Petersburg: B.S.K., 1996. 451 p. (In Russian).

дата получения: 20.08.2022 г.
дата принятия: 04.09.2022 г.

date of receiving: 20.08.2022
date of acceptance: 04.09.2022

М. А. Жиркова, О. В. Капустина

К вопросу о пенсионном обеспечении потомков и родственников А. С. Пушкина, установленном в 1930–1940-х гг. за заслуги поэта перед советским государством

Статья посвящена рассмотрению ситуации, сложившейся с пенсионным обеспечением потомков и родственников А.С. Пушкина накануне Великой Отечественной войны. Основные источники – архивные материалы их пенсионных дел, а также воспоминания потомков поэта и их современников. В предвоенный период ходатаями об улучшении материального положения потомков А.С. Пушкина перед компетентными органами выступали как общественные организации (Союз советских писателей, Всесоюзный Пушкинский комитет), так и государственные учреждения (Академия наук).

В исследуемых документах сделана попытка собрать сведения обо всех проживающих в Советском Союзе престарелых, нетрудоспособных, несовершеннолетних и находящихся на иждивении родителей обучающихся в вузах потомков и родственниках А.С. Пушкина. Несмотря на то, что представленные в Наркомат социального обеспечения РСФСР сведения содержали ошибки и не являлись исчерпывающими, подготовленное в Академии наук СССР письмо стало свидетельством государственного внимания к памяти великого поэта.

Авторы пришли к выводу, что потомки и родственники А.С. Пушкина в предвоенный период не остались без поддержки со стороны советского государства.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, поэт, потомки, Академия наук, персональное пенсионное обеспечение, академический паек, заслуги перед государством, ходатайство, размер пенсии.

Для цитирования: Жиркова М.А., Капустина О.В. К вопросу о пенсионном обеспечении потомков и родственников А.С. Пушкина, установленном в 1930–1940-х гг. за заслуги поэта перед советским государством // М.А. Жиркова, О.В. Капустина // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 52–71. DOI 10.35231/25419803_2022_3_52

Интерес к жизни А.С. Пушкина и его потомкам никогда не ослабевал, подтверждение тому – многочисленные работы, посвященные как его биографии, так и судьбам его родных и окружения. Задача данного исследования – изучение ситуации с пенсионным обеспечением потомков и родственников поэта, сложившейся накануне Великой Отечественной войны. В качестве источников нами использованы не публиковавшиеся ранее документы хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) персональных пенсионных дел, назначенных за его заслуги; советские нормативные акты 1930–1940-х гг., регламентирующие установление, перерасчет и выплату пенсий этого вида; воспоминания потомков поэта и их современников.

Среди исследований, посвященных судьбам внуков и правнуков Александра Сергеевича, следует отметить работы В.М. Русакова [22; 23; 24], которого справедливо называют историографом рода Пушкиных, воспоминания правнучки поэта Н.С. Мезенцовой [16], книгу его праправнука Г.А. Галина [2] и биографическое исследование В.Л. Полушина [21].

До пенсионной реформы 1956 г., создавшей условия для построения системы всеобщего государственного пенсионного обеспечения, численность получателей пенсий в СССР была невелика: по данным статистического ежегодника, в 1941 г. в советском государстве при общем количестве жителей не менее 190 млн человек [17, с. 9], насчитывалось всего четыре миллиона пенсионеров [18, с. 411]. Персональные пенсии являлись наиболее престижными. К началу Великой Отечественной войны уже сформировалась трехуровневая структура персонального обеспечения: местного, республиканского и союзного значения.

В период с 1930 по 1946 гг. персональные пенсии за исключительные заслуги перед страной в области революционной, военной, профессиональной и общественной деятельности, советского строительства, а также в области науки, искусства и техники устанавливались на основании Положения, утвержденного Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. [20].

Параллельно с республиканским нормативным актом действовало Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 мая

1928 г. «О персональных пенсиях» [19], регламентирующее назначение союзных пенсий. При этом, несмотря на большую статусность союзных пенсий в предвоенный период многим выдающимся гражданам и их родственникам устанавливались или продолжали выплачиваться персональные пенсии за заслуги перед республиками, в которых они проживали.

Среди российских персональных пенсионеров республиканского значения исследуемого периода: А.И. Ульянова-Елизарова (сестра В.И. Ленина) с 1 ноября 1932 г. по 4 ноября 1935 г. получала 300 р. [5, л. 1 об.]; Я.Э. Дзержинская (сестра наркома) с 1 ноября 1937 г. – 400 руб. и 450 руб. с 1 сентября 1940 г. [9, л. 1 об.] (с 1 мая 1941 г. переведена на союзную пенсию); Е.М. Куприна (вдова писателя) – с 1 июля 1939 г. по 1 июля 1943 г. – 300 руб. [12, л. 16]; Е.П. Достоевская (невестка писателя) – с 1 сентября 1939 г. – 125 руб. (снята с пенсии с 1 января 1942 г.) [4, л. 1 об.].

Кроме персональных пенсий в советскую систему привилегий были включены так называемые «академические пенсии», предназначенные для материальной поддержки профессорско-преподавательского состава вузов, научных сотрудников (первого и второго разрядов) научных учреждений РСФСР, штатных преподавателей рабочих факультетов и советско-партийных школ. Наряду с персональными пенсии за выслугу лет ученым устанавливались специальной Комиссией при СНК РСФСР. Однако их статус был ниже, а размеры в большинстве случаев меньше. Для сравнения: максимальный размер пенсий, назначаемых рабочим по старости на общих основаниях (мужчинам по достижении 60-ти при наличии стажа 25 лет и женщинам – 55-ти при стаже 20 лет) составлял 150 руб. Даже в 1952 г. эта категория пенсионеров получала пенсии в пределах от 50 до 180 руб. [3, л. 2].

Возвращаясь к пенсиям, назначенным за заслуги А.С. Пушкина, отметим, что государственная поддержка оказывалась родственникам поэта еще с 1920-ых гг. В частности, по свидетельству праправнука Пушкина Г.А. Галина, благодаря ходатайству А.В. Луначарского в 1920 г. назначена усиленная пенсия дочери Льва Сергеевича Пушкина Марии Львовне

Нейкирх (1840–1928); с 1923 г. академический продовольственный паек получали внуки поэта: Анна Александровна и Григорий Александрович Пушкины; в 1927 г. им установлены персональные пенсии [2, с. 244]. Позднее, в 1930-е гг., Григорию Александровичу и Анне Александровне предоставили квартиры в Москве и увеличили размер пенсии [2, с. 245]. Не были потомки поэта оставлены без государственного внимания и в последующие годы.

В пенсионном деле праправнуков А.С. Пушкина Сергея и Бориса Мезенцевых (потомки поэта значатся под девичьей фамилией матери, Марины Сергеевны) имеются два интересных документа, характеризующих ситуацию, сложившуюся в пенсионном обеспечении родственников поэта в предвоенные годы: Письмо вице-президента Академии наук СССР академика О.Ю. Шмидта (1939–1942) к Народно-му комиссару социального обеспечения РСФСР Анастасии Петровне Гришаковой (1939–1943) от 8 февраля 1941 г. № 62-396 [11, л. 12] и приложенная к нему «Справка на получающих персональную и академическую пенсии потомками поэта – Александра Сергеевича Пушкина» [11, л. 18].

Здесь нужно сказать, что в СССР практиковалось установление персональных пенсий за заслуги выдающихся деятелей культуры и искусства их потомкам и родственникам, в том числе, достигшим преклонного возраста и ранее имевшим собственный заработок. Их, в частности, получали: внучки Н.Г. Чернышевского, Л.Н. Толстого, астронома В.Я. Струве; племянник М.И. Глинки, племянницы Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова; родственник М.Ю. Лермонтова. При этом ходатаями за них перед руководителями государства, Коммунистической партии и Наркоматами социального обеспечения республик могли выступать высокопоставленные советские чиновники, именитые представители общественности, а также официальные организации, в том числе, не связанные трудовыми отношениями с теми, за кого они просят. Например, в 1935 г. за Н.М. Чернышевскую-Быстрову перед Наркомом социального обеспечения РСФСР И.А. Наговицыным ходатайствовал директор Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевич [10, л. 11-11 об.]. В этом же году на имя председателя Исполкома Моссовета

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Москва, 49, Большая Каульская ул., № 24

8 февраля 1941 г. № 62-346

Телефоны: В 1-47-65
В 4-26-38
В 1-78-35

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РСФСР

А. П. ГРИШАКОВОЙ

Во работе в Академии наук мне пришлось столкнуться несколько раз с положением потомков А.С.Пушкина.

Советская власть не раз оказывала потомкам Пушкина внимание и материальную поддержку. Однако, выяснилось, что эта поддержка, повидимому по вине самих потомков Пушкина, распределена между ними довольно неравномерно и некоторые из потомков фактически находятся в очень тяжелом положении.

Не сомневаясь, что это дело Вас интересует в той же мере, как и Академию Наук.

Представляя Вам справку о потомках Пушкина, составленную К.В.Пушкиной, в частности, позволю себе высказать следующие пожелания:

1. Малолетние прямые пра-правнуки А.С.Пушкина Александр 4 лет и Юлия 1 1/2 г. не получают пенсии. Их отец А.С.Пушкин работает агентом уголовного розыска и зарабатывает немного. Было бы очень желательно путем выдачи пенсии для этих детей /до их совершеннолетия/ дать возможность воспитать их в наиболее культурной обстановке, обеспечить летний отдых и т.п.

2. Ю.Н.Пушкина - вдова внука поэта Г.А.Пушкина получает пенсию в размере 300 рублей. Если увеличение этой пенсии не представляется возможным, то было бы крайне желательно выдать ей единовременное пособие /порядка 2000 рублей/ на приобретение теплых вещей. Об этом же прошу и для внучки поэта А.А.Пушкиной.

3. В.А.Константинович, урожденная Пушкина, получает всего лишь 100 рублей пенсии. Правда, она внучка не А.С. Пушкина, а его брата - Л.С.Пушкина, которого, как известно, поэт очень любил. Сама В.А.Константинович долго работала в доме престарелых ученых и в санатории ЦК ВКПБ /ныне Академии наук/ "УЗКОЕ" и эту небольшую пенсию несомненно заработала независимо от своего происхождения.

Я очень поддерживаю просьбу об увеличении пенсии В.А.Константинович.

С Вашим решением прошу поставить меня в известность.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ
АКАДЕМИИ НАУК СССР, академик *О. Ю. Шмидт* /О. Ю. Шмидт/.

Рис. 1. Письмо-ходатайство

С П Р А В К А.

74⁶¹⁸

На получающих персональную и академическую пенсии потомками-поэта Александра Сергеевича ПУШКИНА.

1. ПУШКИНА Анна Александровна.

✓ 1877 г. рожд. /63 г./ /внучка поэта Александра Сергеевича Пушкина/ - получает персональную пенсию в размере 300р. в месяц /Дело н. 3111/

✓ 2. ПУШКИНА Влия Николаевна. Рожд. 1877 г. /63 г./ /вдова-внука

✓ А.С.Пушкина/ получает персональную пенсию в размере 300р. в месяц. /Дело н. 4604/

3. ЗЫЛИХ-ПУШКИНА Анна Петровна /72 л./

/вдова внука А.С.Пушкина/, получает персональную пенсию с I/I-4г. в размере 300р. в месяц /до назначения персональной пенсии получает академическую пенсию в размере 200р. в месяц. /Дело н. 24931/.

4. ВЕЛЬЯМИНОВА Софья Петровна /57 л./

/дочь-внучки А.С.Пушкина/ имеет два сына 24л. и 21 г., получает персональную пенсию в размере 350р. в месяц. /Дело н. 21341/

✓ 5. КОНСТАНТИНОВИЧ-ПУШКИНА Вера Анастольевна. /70 л./

/внучка - Л.С.Пушкина, брата А.С.Пушкина/ получает академическую пенсию в размере 100р. в месяц. /Дело н. А/3604/

6. ИЗВЕНЦЕВЫ-Сергей /15 л./ /и Борис /14 л./ /дети правнучки

А.С.Пушкина/ получают академическую пенсию через опекуну Пушкину Анну Александровну в размере 200р. в месяц. /Дело н. А/3605/

Виде-Президент Академии Наук СССР, академик О.Ю.Шмидт ходатайствует о назначении персональной пенсии пра-правнучкам А.С.Пушкина Александру 4л. и Илью I I/2 г. до их совершеннолетия, отец их работает агентом уголовного розыска, а также увеличить размер пенсии В.Н. Пушкиной и Константинович В.А.

Рис. 2. Справка-приложение

Н.А. Булганина поступило письмо с просьбой об улучшении жизненных условий трех ближайших родственников Л.Н. Толстого, подписанное известнейшими театральными деятелями, среди которых А.В. Нежданова, В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, В.И. Немирович-Данченко, И.М. Москвин: «20 ноября 1935 г. исполняется 25 лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого. Эта знаменательная годовщина, как известно, отмечается Правительством и советской общественностью целым рядом мероприятий <...> Старший сын Льва Николаевича, Сергей Львович Толстой. Ему уже 72 года. <...> Пенсию он получает только в размере 150 рублей <...> Внучка Толстого – Анна Ильинична Толстая-Попова. Болеет циклотимией и ревматизмами. <...> Внучка Толстого – Софья Андреевна Толстая-Есенина <...> Пенсии не получает, здоровья крайне слабого» [14, л. 2]. Наряду с улучшением жилищных условий ходатаи просили увеличения размера пенсии для сына Толстого и установления пенсий его внукам.

В своем обращении к Народному комиссару социального обеспечения РСФСР О.Ю. Шмидт писал о том, что по работе в Академии наук ему пришлось несколько раз столкнуться с проблемами родственников поэта: «Советская власть не раз оказывала потомкам Пушкина внимание и материальную поддержку. Однако выяснилось, что эта поддержка, по-видимому по вине самих потомков Пушкина, распределена между ними довольно неравномерно и некоторые из потомков фактически находятся в очень тяжелом положении» [11, л. 12]. Академик подчеркнул, что он не сомневается в том, что это дело заинтересует наркома и приложил к письму составленную вдовой внука поэта Юлией Николаевной Пушкиной Справку, представляющую собой перечень родственников Александра Сергеевича, являющихся пенсионерами или нуждающихся в пенсионном обеспечении. В названном документе представлены сведения о видах пенсий, получаемых этими лицами (персональные и академические) и об их размерах (от 100 до 350 руб.). Цель О.Ю. Шмидта, знавшего об обидах родных поэта на разницу в размерах государственных выплат, – довести до чиновников российского Наркомсобеса необходимость унификации их пенси-

онного обеспечения, в том числе увеличения наименьших сумм, и установления пенсий не имевшим государственной поддержки малолетним праправнукам. Для сведения: при назначении пенсий родным А.С. Пушкина пенсионные дела оформлялись на его имя и в графе «Заслуги в области революционной, профессиональной, военной, научной» Личных карт лица, испрашивающего назначение персональной пенсии или пособия, указывались именно его достижения: «Поэт (слово написано с большой буквы)» [8, л. 1], «Великий поэт» [7, л. 1], «Русский классик. Поэт» [6, л. 1].

Итак, список, представленный в двух названных документах достаточно широк. Перечислим сначала всех, кто включен в него, с указанием родственных связей, а затем рассмотрим каждого чуть подробнее. В Справке-приложении:

1. Анна Александровна Пушкина (1866–1949) – внучка поэта, дочь, старшего сына Александра Александровича Пушкина (1833–1914).

2. Юлия Николаевна Пушкина (1877–1967) – вдова внука поэта – Григория Александровича Пушкина (1868–1940).

3. Софья Петровна Вельяминова – неверно указано отчество – Софья Павловна Воронцова-Вельяминова (1884–1974) и два ее сына 24-х лет и 21-го года.

4. Анна Петровна Зейлих-Пушкина (1869–1944) – вдова внука поэта, Александра Александровича (1863–1916), его вторая жена, в девичестве Савицкая.

5. Вера Анатольевна Константинович-Пушкина (1872–1941), внучатая племянница поэта, внучка его брата Льва Сергеевича (1805–1852).

6–7. Дети правнучки поэта Марины Сергеевны Мезенцовой (1902–1935) по линии старшего сына поэта Александра Александровича Пушкина – братья Мезенцевы (встречается разное написание фамилии): Сергей Борисович (1925–2015) и Борис Борисович (1926–2013) Пушкины (Геринги).

В тексте Письма № 62–396:

8–9. Дети правнука Григория Григорьевича (1913–1997), Александр Григорьевич (1936–1942) 4-х лет и Юлия Григорьевна (1939) полутора лет.

Первой в Справке Академии наук значится **Анна Александровна Пушкина** (1866–1949), единственная внучка по-

эта, проживавшая на тот момент в СССР. Ей была установлена персональная пенсия 300 руб. в месяц. Год рождения А.А. Пушкиной в Справке Академии наук указан неверно – 1877 г. На момент составления Справки она достигла 74-х лет. Воспоминания родных о ней приводит в своей книге историограф пушкинского рода В.М. Русаков [23, с. 112–117]. Ее называют хранительницей семейных преданий, любимицей отца – старшего сына поэта, который много рассказывал ей о своих родителях. Из воспоминаний потомков А.С. Пушкина: «семейное прошлое и прошлое ее предков знала она в совершенстве» [16, с. 191]; «За ней прочно закрепилась слава «живой Пушкинской энциклопедии», но ее эрудиция этим не ограничивалась. С ней нередко консультировались писатели, ученые, пушкинисты <...> Анна Александровна была признанным духовным лидером, объединявшим живших в России представителей всех ветвей потомков поэта» [2, с. 236, 236].

Анна Александровна – человек образованный и эрудированный – владела несколькими иностранными языками (французский, английский, немецкий, итальянский), всю жизнь занималась самообразованием, интересовалась историей, искусством, архитектурой. Она имела сходство с великим поэтом, таким, что художник П.П. Кончаловский наброски для картины «Пушкин в Михайловском» делал именно с нее. Дочь художника приводит рассказ отца о работе над этой картиной: «В Историческом музее обещали показать ватное одеяло пушкинской эпохи, а когда я пришел посмотреть на него, внезапно познакомился с живой внучкой поэта. Все, чего я не мог высмотреть в гипсовой маске, над чем трудился, мучился и болел, сразу появилось предо мною. <...> внучка оказалась буквально живым портретом деда, была ганнибаловской породы...» [15, с. 20].

Вот что вспоминает сама Наталья Петровна Кончаловская: «У отца в мастерской я встретила в тот год и Анну Александровну, дочь сына поэта – «Сашки», кровь и плоть Пушкина. Беседуя с ней, отец старался уловить в чертах лица ее сходство с дедом. И впрямь было общее что-то в разрезе голубых глаз, судя по гравюре Райта и акварели Петра Соколова, сделанной в 1830 году.

Лицо у Анны Александровны, несмотря на ее 70 лет, было свежим. Часто в разговоре она вдруг заливалась лёгким румянцем. Несомненно, что благодаря общению Петра Петровича с Анной Александровной Пушкин на картине полон живого трепета и одухотворенности, чего не могла бы дать только посмертная маска...» [15, с. 21].

В 1923 г. Анне Александровне, как отмечает В.М. Русаков, «как и ее брату Григорию Александровичу Пушкину, был выделен академический паек» [23, с. 116]. К получению персональной пенсии историограф упоминает о предоставлении хорошей квартиры [23, с. 116]. Г.А. Галин, праправнук А.С. Пушкина, также пишет об академическом продовольственном пайке и получении в дальнейшем Анной Александровной персональной пенсии. Но уточняет, что квартира была предоставлена в связи со столетием со дня рождения великого поэта, в 1937 г. [2, с. 234]. Речь идет о трехкомнатной квартире в доме № 45 на Арбате в Москве.

Многие отмечают ее отзывчивость и благородство. Своей семье у Анны Александровны не было, но в 1935 г. она взяла опеку над детьми умершей правнучки поэта Марины Сергеевны Мезенцовой: девятилетним Сергеем и восьмилетним Борисом, которым приходилась двоюродной бабушкой. В Справке они указаны под номером «6» как Мезенцевы по девичьей фамилии матери, которая вернула ее себе после развода, тогда как сыновья остались под фамилией своего отца – Бориса Борисовича Геринга (1901–1973). Племянница А.А. Пушкиной Наталья Сергеевна Мезенцова-Шепелева говорит о ней так: «Любовь к моей покойной сестре Марине Сергеевне она перенесла и на ее детей» [Цит. по: 23, с. 114]. Именно Анна Александровна настояла на смене фамилии братьев с Герингов на Пушкиных, чтобы не прервался знаменитый род, но произошло это только после войны – в 1946 г.

Вторая в списке – автор исследуемой Справки – **Юлия Николаевна Пушкина** (1877–1967), вдова внука поэта – Григория Александровича Пушкина (1868–1940), – также получающая 300 руб. персональной пенсии. Как было сказано выше, сам Григорий Александрович с 1923 г. получал академический паек, а с 1927 г., по словам его сына, – персональную пенсию. В 1935 г. по ходатайству Союза советских

писателей ему была предоставлена большая квартира в Москве на ул. Рождественка, 21, и размер пенсии увеличен с 75 до 300 руб. [2, с. 245; 23, с. 120]. Юлия Николаевна, урожденная Бартенева, Катывбаева по первому мужу, работала учительницей и преподавала немецкий язык. От двух браков у нее было пятеро детей, все сыновья, двое из них родились во втором браке с Григорием Александровичем Пушкиным: Сергей (1912–1920) и Григорий (1913–1997). Потомки последнего проживают в настоящее время в России, среди них дочь Юлия, упомянутая в тексте исследуемого письма от 8 февраля 1941 г. № 62-396.

Далее в Справке значится правнучка А.С. Пушкина – Вельяминова Софья Петровна 57-ми лет, имеющая двух сыновей 24 лет и 21 года. В данном случае ошибочно написано отчество, речь идет о **Софье Павловне Воронцовой-Вельяминовой** (1884–1974), в браке Кологривовой – это правнучка Пушкина по линии его старшего сына Александра Александровича. В Справке указано наличие у нее двух сыновей. У Софьи Павловны в браке со Всеволодом Александровичем Кологривовым действительно было два сына: Александр Всеволодович (1916–1968) и Олег Всеволодович (1919–1984). Муж Софьи Павловны – Всеволод Александрович Кологривов (1881–1938) как белогвардейский офицер трижды был арестован: в 1920, 1934 и в 1938 гг. В последний раз – приговорен к расстрелу. В избежание дальнейших преследований, «чтобы оградить себя и, главное, сыновей от возможных репрессий» [23, с. 171], в 1938 г. был оформлен развод и произведена смена фамилии. Софья Павловна взяла девичью фамилию в усеченном виде – Вельяминова. Все это время семья сильно нуждалась, выплачиваемого академического пособия не хватало. Как пишет В.М. Русаков, секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург обращался с ходатайством о помощи правнучке великого поэта, которая была оказана, но, к сожалению, мизерные выплаты: единовременное пособие в сумме 75 руб., академическое 29 руб. в месяц не спасали ситуацию [23, с. 170]. С 1927 г. по просьбе матери дети находились в детском доме, но связь с родными не потеряли. Саму Софью Павловну арестовали в 1931 г. по обвинению в шпионаже. Несмотря на скорое освобождение она

еще долгие годы была лишена собственного угла, несколько лет жила у родственников. Только в 1936 г. «в преддверии 100-летия со дня гибели А.С. Пушкина Софья Павловна получила комнату на Басманной улице, квартиру же ждала еще почти полтора десятилетия» [23, с. 171].

На момент составления Справки ей вместе с сыновьями выплачивалась персональная пенсия в размере 350 руб. Это наибольший размер из упомянутых в исследуемом документе, однако, можно предположить, что по 100 руб. полагалось каждому сыну и 150 руб. – Софье Павловне. По сведениям В.М. Русакова, в начале 1930-х гг. ее старший сын, Александр Кологривов, учился в коневодческом техникуме в Воронежской области и проживал в общежитии, позднее поступил в Московский зооветеринарный институт, но проучился в нем недолго. Младший сын, Олег Кологривов, получал образование в Московском архитектурном техникуме. Оба брата поступили в дальнейшем в высшие учебные заведения: старший в Московский городской педагогический институт, а младший в Институт прикладного и декоративного искусства [23, с. 175]. Окончание обучения старшего Кологривова выпало на страшный военный 1941 г., а младший окончил свое обучение уже в послевоенные годы. Возможность установления им пенсионного обеспечения обусловлена нормой Положения о республиканских персональных пенсиях от 20 мая 1930 г.: пенсия родственникам умершего кормильца, которые обучались в учебных заведениях, выплачивалась до окончания курса в техникуме или в высшем учебном заведении, но не более чем до достижения ими 25-летнего возраста [20]. Такую же норму содержало и союзное законодательство [19].

Следующая в Справке – вдова еще одного внука поэта, Александра Александровича (1863–1916), – **Анна Петровна Зейлих-Пушкина** (1869–1944), в девичестве Савицкая. Александр Александрович разъехался со своей первой женой, Ольгой Николаевной Решетовой, дети в этом браке умерли еще в младенчестве. Знакомство с Анной Петровной состоялось благодаря сестре Ольге, по словам А. Адамова, она была ее подругой по театральному кружку [1]. Анна Павловна была уже замужем и имела шестерых детей, что не оста-

новило влюбившегося мужчину, желавшего иметь большую семью. Наоборот, это обстоятельство только делало ее привлекательной. Пушкинская родня Анну не приняла, осуждала связь и сетовала на «испорченную жизнь бедного А.А», который, разорвав отношения с пушкинским семейством, продолжал жить в гражданском браке. Это стало проблемой при определении отцовства их дочери Екатерины (1907–1969), которая только в 1923 г. через суд была официально названа Пушкиной и признана законным потомком великого поэта [2, с. 227]. После 1917 г. в Москве Анна Петровна встретила и наконец помирилась с сестрами мужа Пушкиными: Ольгой и Анной [1].

С 1 января 1941 г. Анне Петровне Зейлих-Пушкиной выплачивалась персональная пенсия в размере 300 руб. [8, л. 1 об.]. Возможно, именно ситуация, сложившаяся с ее пенсионным обеспечением, стала одной из причин обращения О.Ю. Шмидта в Наркомсобес. В пенсионном деле А.П. Зейлих-Пушкиной находится направленное 20 ноября 1940 г. в НКСо РСФСР ходатайство Президиума Союза Советских писателей, свидетельствующее о некоторых предварительных разбирательствах: «Вдова старшего внука А.С. Пушкина – А.А. Пушкина – Анна Петровна Зейлих-Пушкина, 72 лет, <...> с 1 января 1937 получает академическую пенсию республиканского значения в размере 200 р. в месяц. Имея в виду весьма преклонный возраст А.П. Зейлих-Пушкиной, а также и то, что вдова другого внука А.С. Пушкина (Г.А. Пушкина умершего 1 сентября с.г.) Юлия Николаевна Пушкина получает персональную пенсию в размере 300 руб. в месяц, Президиум Союза Советских писателей СССР ходатайствует об увеличении А.П. Зейлих-Пушкиной пенсии с 200 до 300 руб. в месяц и о переводе ее с академической пенсии на персональную» [8, л. 10]. В этом письме имеется неточность. Первоначально, по ходатайству Всесоюзного Пушкинского комитета, с 1 февраля 1937 г. ей установили персональную пенсию республиканского значения, но этим же числом ее сняли с персональной и перевели на академическую. Первичный размер пенсии составил 150 руб. [6, л. 2, 4]. Данные Справки, предоставленной в Наркомсобес РСФСР Академией наук, подтверждают положительное рассмотре-

ние ходатайства Союза писателей. Интересно, что в своем письме академик Шмидт дополнительно просит об увеличении пенсий или выдаче единовременного пособия вдовам внуков поэта, в первую очередь, называя Юлию Николаевну. Вероятно, именно с ней у Отто Юльевича сложились хорошие отношения, позволившие поручить ей составление исследуемого документа.

На пятом месте – **Вера Анатольевна Константинович-Пушкина** (1872–1941), внучатая племянница поэта, внучка его брата Льва Сергеевича. Муж Веры Анатольевны – Константин Александрович Константинович (1869–1924) являлся директором Подмосковного санатория «Узкое» для престарелых ученых, деятелей культуры и искусства. Он входил в ведомство Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ или ЦКУБУ) [25]. После его смерти в 1924 г. Веру Анатольевну назначили на должность заведующей Домом престарелых ученых в Москве, на которой она находилась до ухода со своего поста по состоянию здоровья в 1930 г. [25].

В.А. Пушкиной-Константинович полагалось ежемесячно 100 руб. академической пенсии. Здесь нужно сказать, что в апреле 1933 г. Секретариатом ВЦИК на рассмотрение в Комиссию по назначению персональных пенсий при СНК РСФСР было направлено ходатайство о назначении ей персональной пенсии как внучке Пушкина [13, л. 1]. Как видим, установили только академическую пенсию.

Следующие – братья Геринги: Сергей 15-ти лет и Борис 14-ти лет, дети умершей правнучки А. С. Пушкина Марины Сергеевны Мезенцовой-Геринг: **Сергей Борисович Геринг-Пушкин** (1925–2015) и **Борис Борисович Геринг-Пушкин** (1926–2013). В Справке, как мы указывали выше, они по девичьей фамилии матери ошибочно названы Мезенцевыми. Как и Вера Анатольевна, братья получали академическую пенсию. В это время их опекуном, на имя которого ежемесячно направлялись 200 руб. академической пенсии, являлась Анна Александровна Пушкина (номер первый Справки). Позднее им будет назначена персональная пенсия республиканского значения, а в пенсионном деле появятся следующие уточнения: «Сергей Борисович (1925) и Борис

Борисович (1926) после смерти матери Мезенцевой Марины Сергеевны (отец разошелся с матерью в 1928 г.) опекаются Пушкиной Анной Александровной. Оба служили в армии. В 1946 г., по ходатайству наших писателей, вернулись из армии для продолжения учебы» [11, л. 8].

Сначала осиротевшие после смерти матери мальчики жили с дедом – С.П. Мезенцовым (1866–1937). Но дед мальчиков – бывший царский генерал, в 1930-х гг. подвергшийся арестам, не внушал доверия советскому правительству, поэтому опеку на детей в 1935 г. оформили на двоюродную бабушку. Сергей Петрович Мезенцов – муж внучки Пушкина – Веры Александровны, был арестован дважды: в 1930 г. и 1937 г. При этом в 1937 г. семидесятилетнему старику был вынесен страшный приговор: десять лет без права переписки, то есть расстрел [23, с. 142]. В 1930 г. за участие в заговоре молодежи подвергся аресту и был отправлен на восемь лет в Сибирь на лесозаготовки и его сын – Александр Сергеевич Мезенцов (1908–1932), студент Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, дядя Сергея и Бориса. Правда, как праправнуку Пушкина ему заменили лагерь на ссылку в Минусинск, где в это время также находился его отец, отбывавший там наказание после первого ареста. К сожалению, тяжелые условия лагеря сказались на здоровье молодого человека: после полного освобождения в 1932 г. и возвращения в Москву он умер от туберкулеза. Эмоционально и подробно рассказывает о судьбах своего отца и брата Наталья Сергеевна Мезенцова-Шепелева (1904–1999) [16, с. 126–147]. Однако, рассмотрение драматических страниц истории рода Пушкиных не входит в нашу задачу.

И замыкают исследуемый перечень, не имеющие какого-либо пенсионного обеспечения, праправнуки поэта, дети его правнука Григория Григорьевича, Александр 4-х лет и Юлия полутора лет: **Александр Григорьевич Пушкин** (1936–1942) и **Юлия Григорьевна Пушкина** (1939) – девочка была названа в честь бабушки Юлии Николаевны Пушкиной (в Справке она указана под номером «2»).

Григорию Григорьевичу Пушкину (1913–1997) после увольнения из армии и участия в Советско-финляндской войне (1939–1940) предложили службу в органах НКВД. Его мать, Юлия Николаевна, «отказываться в то время от предложения считала неразумным – можно было попасть во враги народа» [21, с. 329]. Так, накануне войны он стал агентом МУРа. В письме к А.П. Гришаковой, О.Ю. Шмидт отмечал: «Их отец – Г.Г. Пушкин работает агентом уголовного розыска и зарабатывает немного. Было бы очень желательно путем выдачи пенсии для этих детей (до их совершеннолетия) дать возможность воспитать их в наиболее культурной обстановке, обеспечить летний отдых и т.п.» [11, л. 12]. Во время войны дети с бабушкой по материнской линии Евдокией Ивановной Мaziной находились в Ульяновске, там от дифтерии умер старший ребенок – Саша. Продолжателями рода Пушкиных стали сыновья Юлии Григорьевны (Олег Пушкин и Константин Сухарев).

Несмотря на проведенную Академией наук работу, список потомков и родственников поэта, которые в 1941 г. получали пенсию или нуждались в ней, нельзя назвать полным. В нем, по крайней мере, не упомянута еще одна одинокая пенсионерка – Елена Иосифовна Кун, 1869 г.р., которая, как и В.А. Константинович, являлась внучатой племянницей поэта, внучкой его сестры Ольги Сергеевны. В 1922–1926 гг. она «передала безвозмездно Пушкинскому дому Академии наук ряд материалов (личные вещи, портреты, письма), относящиеся к А.С. Пушкину и ее бабушке О.С. Павлицевой» [7, л. 5]. Первоначально ей была назначена персональная пенсия местного значения в размере 100 руб., затем с 1 июля 1939 г. – республиканская размером 250 руб. Лицом, за заслуги которого была установлена пенсия, значился А.С. Пушкин «Великий поэт» [7, л. 1]. Изменение статуса пенсионирования с местного на республиканский связано с обращением Е.И. Кун непосредственно к И.В. Сталину в 1939 г.: «Так как 6-го июня этого года исполняется 140 лет со дня рождения А.С. Пушкина, я решаюсь в память этого события прибегнуть, тов. Сталин, к Вашей отзывчивости и справедливости и просить об увеличении моей скромной пенсии» [7, л. 11].

С 1 июля 1942 г. выплата пенсии прекратилась в связи с неистребованием [7, л. 1-1 об.]. Елена Иосифовна проживала в Ленинграде. Она умерла во время блокады.

Подводя общие итоги, нужно сказать, что потомки и родственники А.С. Пушкина не остались без внимания со стороны советского государства. В предвоенный период ходатаями об улучшении их материального положения перед компетентными органами (СНК РСФСР и НКСО РСФСР) выступали как общественные организации (Союз советских писателей, Всесоюзный Пушкинский комитет), так и государственные учреждения (Академия наук).

Одним из важнейших видов их государственной поддержки в начале 1930-х – начале 1940-х гг. являлось персональное и академическое пенсионное обеспечение, значительно превышавшее обеспечение, устанавливаемое советским гражданам на общих основаниях. Впрочем, оно было весьма неравномерным: лицам с одинаковой степенью родства назначались пенсии разного размера. Показательным является пример вдов внуков Александра Сергеевича, одна из которых получала 300 руб., а вторая – 200 руб.

В исследуемых документах сделана попытка собрать сведения обо всех проживающих в Советском Союзе престарелых, нетрудоспособных, несовершеннолетних и находящихся на иждивении родителей обучающихся в вузах потомков и родственников А.С. Пушкина. Несмотря на то, что представленные в НКСО РСФСР сведения содержали ошибки и не являлись исчерпывающими, подготовленное в Академии наук СССР письмо стало свидетельством государственного внимания к памяти великого поэта.

Список литературы

1. Адамов А. Ветвь // Слово/Word. – 2013. – № 78. Электронный ресурс. – URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2013/78/vetv.html?ysclid=l7n9k8i1l1701490013> (дата обращения: 01.07.2022).

2. Галин Г.А. Дети и внуки Пушкина. – М.: Новый индекс, 2009. – 312 с.
3. ГАРФ. Ф. А413. Оп. 4. Д. 426.
4. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 4533.
5. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 4. Д. 745.
6. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 4. Д. 6211.
7. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 4. Д. 7162.
8. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 4. Д. 7887.

9. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 28.
10. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 33.
11. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 9671.
12. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 7. Д. 2259.
13. ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 35. Д. 1.
14. ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 38. Д. 51.
15. Кончаловская Н.П. Волшебство и трудолюбие. – М.: Совет. писатель, 1989. – 317 с.
16. Мезенцова Н.С. «В них обретает сердце пишу...». Из записок правнучки А.С. Пушкина. – М.: Русский путь, 1999. – 216 с.
17. Народное хозяйство в СССР в 1960 году. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. – 943 с.
18. Народное хозяйство в СССР в 1980 году. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 583 с.
19. О персональных пенсиях: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // *Собрание законов СССР – СЗ СССР*. – 1928. – № 35. – Ст. 315.
20. Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // *СУ РСФСР*. – 1930. – № 25. – Ст. 325.
21. Полушин В.Л. Потомки великого древа: Записки нестороннего наблюдателя. – Красноярск: БОНУС, 1999. – 496 с.
22. Русаков В.М. А.С. Пушкин и его потомки: Ил. родосл. роспись: Альбом. – Псков: Псков. обл. ин-т усоверш. учителей, 1997. – 197 с.
23. Русаков В.М. Избранные рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. – Псков: ПОИПКРО, 2010. – 327 с.
24. Русаков В.М. «Мое семейство умножается, растет...». Дети и внуки А.С. Пушкина // *Михайловская Пушкиниана*. – Пушкинские Горы; Псков: Б.и, 2006. – Вып. 40. – 192 с.
25. Трубецкая Н.А. Вера Анатольевна Пушкина (Константинович): к неизвестным страницам биографий представителей рода Пушкиных // *Музеумания*. Электронный ресурс. – URL: https://muzeumania.ru/2022/06/06/trubeckaya-pushkina/?ysclid=l7nc2do7fp72375959#_ftn7 (дата обращения: 01.07.2022).

Marina A. Zhirkova, Olga V. Kapustina

On the Issue of Pension Provision of the Descendants and Relatives of A. S. Pushkin Established in the 1930s-1940s for the Poet's Services to the Soviet State

The article is devoted to the provision of pensions for the descendants and relatives of A.S. Pushkin on the eve of the Great Patriotic War. The main sources are archival materials of their pension cases, as well as memoirs of the poet's descendants and their contemporaries. In the pre-war period, both public organizations (the Union of Soviet Writers, the All-Union Pushkin Committee) and state institutions (the Academy of Sciences) acted as intercessors for improving the descendants' financial situation before the competent authorities.

In the documents under study an attempt was made to collect information about all the elderly, disabled, minors and the dependents of parents studying in universities descendants and relatives of A.S. Pushkin living in

the Soviet Union. Despite the fact that the information submitted to the People's Commissariat of Social Security of the RSFSR contained errors and was not comprehensive, the letter prepared by the USSR Academy of Sciences became the evidence of the state's attention to the memory of the great poet.

The authors concluded that the descendants and relatives of A.S. Pushkin in the pre-war period were not left without support from the Soviet state.

Key words: A.S. Pushkin, poet, descendants, Academy of Sciences, personal pension provision, academic ration, services to the state, petition, amount of pension.

For citation: Zhirkova, M.A., Kapustina, O.V. (2022). K voprosu o pensionnom obespechenii potomkov i rodstvennikov A.S. Pushkina, ustanovlennom v 1930–1940-h gg. za zaslugi poeta pered sovetским gosudarstvom [On the Issue of Pension Provision of the Descendants and Relatives of A.S. Pushkin Established in the 1930s–1940s for the Poet's Services to the Soviet State]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 52–71. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_52

References

1. Adamov, A. Vetv' [Branch] Slovo / Word. 2013. № 78. Elektronnyj resurs. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2013/78/vetv.html?ysclid=l7n9k8i1l701490013> (date of access: 01.07.2022). (In Russian).
2. Galin, G.A. Detti i vnuki Pushkina [Children and grandchildren of Pushkin]. Moscow: Novyj indeks Publ., 2009. 312 p. (In Russian).
3. GARF. F. A413. Op. 4. D. 426. (In Russian).
4. GARF. F. A539. Op. 3. D. 4533. (In Russian).
5. GARF. F. A539. Op. 4. D. 745. (In Russian).
6. GARF. F. A539. Op. 4. D. 6211. (In Russian).
7. GARF. F. A539. Op. 4. D. 7162. (In Russian).
8. GARF. F. A539. Op. 4. D. 7887. (In Russian).
9. GARF. F. A539. Op. 5. D. 28. (In Russian).
10. GARF. F. A539. Op. 5. D. 33. (In Russian).
11. GARF. F. A539. Op. 6. D. 9671. (In Russian).
12. GARF. F. A539. Op. 7. D. 2259. (In Russian).
13. GARF. F. R3316. Op. 35. D. 1. (In Russian).
14. GARF. F. R3316. Op. 38. D. 51. (In Russian).
15. Konchalovskaya, N.P. Volshebstvo i trudolyubie [Magic and hard work]. Moscow: Sovet. pisatel' Publ., 1989. 317 p. (In Russian).
16. Mezencova, N.S. «V nih obretæet serdce pishchu...». Iz zapiskov pravnuhki A.S. Pushkina ["In them the heart finds food...". From the notes of the great-granddaughter A.S. Pushkin]. Moscow: Russkij put' Publ., 1999. 216 p. (In Russian).
17. Narodnoe hozyajstvo v SSSR v 1960 godu [The national economy in the USSR in 1960]. Moscow: Gosstatizdat CSU SSSR, 1961. 943 p. (In Russian).
18. Narodnoe hozyajstvo v SSSR v 1980 godu [The national economy in the USSR in 1980]. Moscow: Finansy i statistika, 1981. 583 p. (In Russian).
19. O personal'nyh pensiyah: Postanovlenie CIK SSSR, SNK SSSR ot 30 maya 1928 g. [On personal pensions: Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of May 30, 1928] *Sobranie zakonov SSSR* [Collection of laws of the USSR]. 1928. No 35. St. 315 (In Russian).
20. Polozhenie ob obespechenii personal'nymi pensiyami lic, imeyushchih isklyuchitel'nye zaslugi pered Respublikoj: Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 20 maya 1930 g. [Regulations on the provision of personal pensions to persons who have exceptional services to the Republic: Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Com-

missars of the RSFSR of May 20, 1930] SU RSFSR [Collection of legalizations RSFSR]. 1930. No 25. St. 325. (In Russian).

21. Polushin, V.L. *Potomki velikogo dreva: Zapiski nestoronnego nablyudatelya* [Descendants of the great tree: Notes of an outside observer]. Krasnoyarsk: BONUS Publ., 1999. 496 p. (In Russian).

22. Rusakov, V.M. *A.S. Pushkin i ego potomki: Il. rodosl. rospis': Al'bom* [A.S. Pushkin and his descendants: Il. genealogy painting: Album]. Pskov: Pskov. obl. in-t usoversh. uchitelej, 1997. 197 p. (In Russian).

23. Rusakov, V.M. *Izbrannye rasskazy o potomkah Aleksandra Sergeevicha Pushkina* [Selected stories about the descendants of Alexander Sergeevich Pushkin]. Pskov: POIPKRO, 2010. 327 p. (In Russian).

24. Rusakov, V.M. «*Moje semejstvo umnozhaetsya, rastet...*». *Deti i vmuki A.S. Pushkina* ["My family is multiplying, growing...": Children and grandchildren of A.S. Pushkin] *Mihajlovskaja Pushkiniana* [Mikhailovskaya Pushkiniana]. Pushkinskie Gory; Pskov: B.i., 2006. Вып. 40. 192 p. (In Russian).

25. Trubeckaya, N.A. *Vera Anatol'evna Pushkina (Konstantinovich): k neizvestnym stranitsam biografij predstavitelej roda Pushkinyh* [Vera Anatolyevna Pushkina (Konstantinovich): to unknown pages of biographies of representatives of the Pushkin family] *Muzeemaniya* [Museummania] Elektronnyj resurs. URL: https://muzeemania.ru/2022/06/06/trubeckaya-pushkina/?ysclid=17nc2do7fp72375959#_ftn7 (date of access: 01.07.2022). (In Russian).

дата получения: 27.08.2022 г.

дата принятия: 09.09.2022 г.

date of receiving: 27.08.2022

date of acceptance: 09.09.2022

Л ИНГВИСТИКА.
ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
КОММУНИКАЦИИ

О. Н. Чарыкова

К вопросу об имплицитных категориях языкового сознания

В статье анализируется содержание понятия семантическая категория в современной лингвистике. Особое внимание уделяется так называемым скрытым категориям.

Предлагается выделить скрытую семантическую категорию «оппозитивность». Данная категория находит выражение на всех уровнях языковой системы. На уровне фонем она осуществляется через противопоставление их дифференциальных признаков. На уровне морфем – через противопоставление выражаемых ими сем (приставок, суффиксов). На уровне лексем категория оппозитивности выражается через объективные и субъективные антонимические отношения. Первые существуют в окружающем мире, вторые – только в сознании конкретного носителя языка. Субъективные противопоставления наиболее ярко представлены в художественной речи в форме контекстуальных антонимов. Категория оппозитивности находит своё выражение и в синтаксисе.

Делается вывод, что выявленная категория оппозитивности представляет собой языковую универсалию, поскольку её существование обусловлено дихотомичностью человеческого сознания.

Ключевые слова: семантическая категория, оппозитивность, противопоставления, контекстуальные антонимы.

Для цитирования: Чарыкова О.Н. К вопросу об имплицитных категориях языкового сознания / О.Н. Чарыкова // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 74–83. DOI 10.35231/25419803_2022_3_74

Как известно, категории – это предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Являясь формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме.

На основе анализа трудов античных философов, в которых предпринимались попытки выделить наиболее общие понятия о мире и способах его познания, Аристотель в трактате «Категории» дал их первое системное описание. Составленная учёным таблица включала такие категории, как сущность (субстанция), количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и страдание. Эта таксономия оказала определённое воздействие на развитие учения о категориях вплоть до нового времени, когда были предприняты попытки изменить её состав в связи с достижениями философии и конкретных наук. В логике к категориям относят предельно широкие по своему объёму понятия, то есть такие, для которых нельзя найти более широких родовых понятий [1].

В языкознании классическая модель категории становится исходным пунктом лингвистических теорий, используемых при описании всех уровней системы языка. В отличие от логики в лингвистике категория совмещает две функции – категоризирующую и признаковую, что обуславливает увеличение количества феноменов, трактуемых как категории. Лингвистический энциклопедический словарь даёт категории такое определение: «Языковая категория – в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака [3, с. 215].

Такое понимание лингвистической категории даёт основания утверждать, что применительно к структурной модели языка следует говорить о категориях разных уровней: категоризирующий признак может быть собственно семантическим, синтаксическим или общекатегориальным. В связи с этим выделяются категории семантические, понятийные, грамматические, семантико-синтаксические, классифицирующие, лексические, лексико-семантические и т.д. Все названные категории находятся в отношениях соподчинения и включения.

Таким образом, в настоящее время термин «категория» является многозначным и может употребляться в следующих значениях: а) общее понятие, отражающее наиболее существенные признаки лингвистических объектов (категории вида, времени и т.д.); б) предельно общее понятие, отражающее существенные закономерности связи между языковыми единицами (категории синонимии, антонимии и др.); в) название некоторой совокупности единиц, связанных общим значением или общими семами (категории оценки, эмотивности, образности и т.д.).

Следует также отметить, что, поскольку наиболее ярко выраженные языковые явления уже заняли своё место в таксономии лингвистических категорий, во второй половине XX века учёные обратились к тем единицам, которые по тем или иным причинам до сих пор не получили определённого статуса в установившейся классификации. Трудность причисления их к той или иной из существующих категорий обуславливается либо нетипичностью таких явлений, либо невозможностью однозначного отнесения к определённому уровню языковой системы.

Такое положение вещей приводит к появлению идеи функционально-семантического поля с ядерно-периферийной структурой, и понятие лингвистической категории получает новое осмысление. При всём разнообразии концепций современные представления о лингвистической категории включают такие параметры, как размытость границ внутри языковых образований и между ними, ядерно-периферийный характер структуры, неравноправность членов и разная значимость признаков внутри категорий.

Признание главенства семантики и всеобщности семантических правил ставит в центр научных изысканий *семантическую* категорию. Такие категории объединяют единицы разных языковых уровней с общей для данной категории семой. Рассмотрение подобных семантических полей, обладающих большой функциональной нагрузкой, является очень перспективным.

Особую актуальность приобретает исследование так называемых скрытых категорий. Идею явной и скрытой грам-

матики в русском языкознании развивали А.А. Потёбня, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба. Согласно этой идее, языковое содержание оформляется не только с помощью внешне выраженных грамматических средств, но и с помощью внешне не выраженных семантических категорий, выполняющих в определённом смысле функцию грамматических значений. Как указывает Л.М. Васильев, в русском языке имплицитно, то есть с помощью лексических значений и контекста, выражаются, например, значения результативности / нерезультативности (*искать* – *находить*), каузативности / некаузативности (*есть* – *кормить*, *идти* – *гнать*), произвольности / непроизвольности (*бросать* – *ронять*) и другие [2, с. 94].

В настоящее время в отечественной лингвистике появился ряд исследований, посвящённых выявлению скрытых категорий. Как указывает Р.Н. Порядина, эру семантической категории нового типа в отечественном языкознании открыл А.Б. Пеньковский, который обосновал правомерность интерпретации признака «чуждости» как семантической категории и указал на синкретичный характер этой категории, который состоит в разноплановости составляющих её единиц и в том, что они обслуживают одновременно несколько категорий [6, с. 22]. Сама Р.Н. Порядина выделила две скрытые категории – желательности [5] и свойственности [6].

В свете всего вышесказанного можно предположить наличие в системе языка и других скрытых категорий. Анализ показал, что имеются достаточно веские основания для выделения такой скрытой семантической категории, как «оппозитивность». Данная категория находит выражение на всех уровнях языковой системы, начиная с низшей ступени иерархии. На уровне фонем она осуществляется через противопоставление их дифференциальных признаков: *был* – *бил* (твёрдость – мягкость), *был* – *пыл* (звонкость – глухость). На уровне морфем – через противопоставление выражаемых ими сем (*войти* – *выйти*, *собрать* – *разобрать*, *приехать* – *уехать*). Обращает на себя внимание тот факт, что в отношении оппозитивности могут вступать различные морфемы. Наиболее наглядно это свойство проявляют приставки, однако

его можно обнаружить и у суффиксов (например: любящий – любимый, читающий – читаемый), и у корневых морфем (*переписчик – перебежчик*).

На уровне лексем категория оппозитивности выражается через противопоставление выражаемых ими семем (*легкий – тяжёлый, ночь – день, создать – уничтожить*). В основе антонимических отношений лежит естественная поляризация, контрастность бытия. Нельзя не согласиться с мнением Ю.С. Степанова [7, с. 62], что антонимия денотатных слов (так он называет лексические единицы, обозначающие предметы, явления и процессы внешнего мира) в значительной степени определяется экстралингвистическими факторами.

Выражаемые антонимами противопоставления можно, вероятно, разделить на объективные и субъективные. Первые существуют в окружающем мире, вторые – только в сознании конкретного носителя языка. Объективные в свою очередь могут быть разделены на абсолютные и относительные. К абсолютным, несомненно, следует отнести противопоставления, наличие которых обусловлено противоположной сущностью называемых ими денотатов (*горячий – холодный, жизнь – смерть, начать – кончить*). Относительными можно считать противопоставления, которые обусловлены географической средой, социальной средой, возрастом и профессией говорящего, его положением во времени и пространстве в момент речи. Так, по данным Л.А. Новикова, у детей в возрасте 3–4-х лет как антонимы отмечаются слова *дядя – тётя, рука – нога*; для горца антонимом к слову *гора* оказывается *долина*, а для жителя равнинной местности – *равнина*; для крестьянина являются антонимами *сев* и *жатва*; антонимом к слову *целый* для стекольщика будет *разбитый*, для портного – *распоротый*, для мясника – *рубленный* [5, с. 17].

Что же касается противопоставлений субъективного характера, то они наиболее ярко представлены в художественной речи. Объективные противопоставления выражаются языковыми антонимами, субъективные – контекстуальными. Появление контекстуальных антонимов является следствием не закрепленного общенародным употреблением

индивидуально-авторского использования того или иного слова. Такого рода антонимы выражают не полярную противоположность референтов, а всего лишь релевантное для определенной речевой ситуации противопоставление. Например:

Люди, в общем,
Мало просят,
Но дают довольно много.

.....

Люди, в общем,
Мало знают,
Но они прекрасно чувствуют,
Если где-то распинают
И кого-нибудь линчуют (Л. Мартынов).

Узуальным антонимом глагола *давать* является глагол *брать*, глаголы *знать* и *чувствовать* тоже не противопоставлены в системе языка, но в данном контексте выражают противоположные значения. Это становится возможным потому, что в семантической структуре лексемы *просить* в качестве потенциальной присутствует сема «приобщение объекта» (*получать*, *приобретать*), вступающая в отношении противопоставленности с интегральной семой глагола *давать* – «отчуждение объекта». А глаголы *знать* и *чувствовать* противопоставлены по семантическому признаку «рациональное / эмоциональное».

Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок (А. Ахматова).

Языковым антонимом глагола *возникать* является глагол *исчезать*, а глагол *стираться* не имеет в системе языка полярно противопоставленной ему лексической единицы. Но в данном контексте стало возможным их противопоставление по семам «появляться / исчезать».

Возникновение контекстуальных антонимов становится возможным потому, что нерелевантные для данной ситуации признаки репрезентируемых этими лексемами денотатов нейтрализуются, а на первый план выходят и вступают в отношения противоположности наиболее значимые для мировосприятия художника признаки.

Категория оппозитивности находит своё выражение и в синтаксисе: на уровне фрагментов высказывания – через противопоставление компонентов его пропозиции (*Не ты, но судьба виновата была, что скоро ты мне изменила...*); на уровне простых предложений в составе сложного – через противопоставление выражаемых их структурными схемами предикативных отношений (*Ты богат, я очень беден, ты – прозаик, я – поэт*); на уровне самостоятельных высказываний – через противопоставление выражаемых ими пропозиций (*Можно написать, какой яркий тёмный след остаётся, если пройти по седому росному лугу, и как красив осыпанный росой, в лучах солнца обыкновенный хвощ, и многое, многое другое. Но нельзя передать на словах того состояния души и тела, которое охватывает человека, когда он ранним утром идёт по росистому цветущему лугу*). Особенно часто такие противопоставления используются в поэзии. Вот пример из стихотворного текста И. Шкляревского.

Вся жизнь твоя – ещё свиданья
со мною, с осенью, с зимой...
А у меня – уже прощанья
с природой, с юностью, с тобой!

Категория оппозитивности находит своё выражение и на уровне фрагментов текста, выступая как особый приём его целостной структурно-смысловой организации. Например, Виктория Токарева в рассказе «Уж как пал туман...» по такому принципу даёт описание внешности двух подруг.

Ирка обладала тем типом внешности, о котором говорят: «Ничего особенного, но что-то есть». У Ирки было все: она работала в Москонцерте, в нее были влюблены все чтецы и певцы, ездила за границу – то за одну, то за другую. Собиралась замуж – у нее было наготове три или четыре жениха.

Наташа обладала тем типом внешности, о котором говорят: «Вроде все хорошо, но чего-то не хватает». То, что все хорошо, – считала Наташина мама и еще несколько доброжелательных людей, остальная часть человечества придерживалась мнения, что чего-то не хватает. Со временем доброжелательные люди прикнули к остальной части человечества, верной осталась только мама. Она говорила: «У тебя, Наташа, замечательные волосы, к тебе просто надо привыкнуть».

В ходе повествования читатель понимает, что девушки противопоставлены друг другу и по характеру, и по образу жизни, и по системе жизненных ценностей. Именно принцип противопоставления выполняет в данном рассказе структурно-организующую роль, служит основным средством воплощения авторского замысла, подводя читателя к необходимым выводам. Это только один из многочисленных примеров того, как контрастная семантика, смысловые оппозиции, отражающие специфику художественного осмысления действительности, играют доминирующую роль в организации художественного текста.

Можно найти примеры и противопоставленности целых текстов, например, в случае полемики.

Всё вышесказанное свидетельствует о всеобъемлющем характере представленной категории. Более того, хотя исследование проводилось на материале русского языка, можно утверждать, что выявленная категория представляет собой языковую универсалию, поскольку её существование обусловлено спецификой человеческого сознания, его дихотомичностью. Сеть противопоставлений лежит в основе долговременной памяти. И это не случайно, поскольку сознание отражает внешний мир, основой существования и развития которого является единство и борьба противоположностей.

Список литературы

1. Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике / под ред. Д.П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – 709 с.

4. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 289 с.

5. Порядина Р.Н. О семантической категории «свойственности» в русском языке // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных «Картина мира: язык, философия, наука» (1-3 ноября 2001 года) / под общ. ред. проф. З.И. Резановой. – Томск: Издание ТГУ, 2002. – С. 74–80.

6. Порядина Р.Н. О семантической категории желательности // Миромоделирование в языке и тексте / под общ. ред. проф. З.И. Резановой. – Томск: Издание ТГУ, 2003. – С. 19–31.

7. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1981. – 360 с.

Olga N. Charykova

To the Question of Implicit Categories of Linguistic Consciousness

The article analyses the concept of semantic category in modern linguistic. Special attention is paid to so-called hidden categories.

The author proposes to distinguish hidden semantic category of “oppositivity” which can be expressed at all levels of language system. At the phoneme level it is performed by opposing their differential features. At the level of morpheme - through the opposition of semantic attributes (prefixes, suffixes). At the lexeme level the category of “oppositivity” is expressed through objective and subjective antonymic relationships. The former exist in the world, the latter only in the consciousness of a particular native speaker. Subjective oppositions are most clearly represented in the form of contextual antonyms in artistic speech.

The category of oppositvity is also expressed in syntax. It is concluded that the identified category of oppositvity is a language universal since it exists due to the dichotomy of human consciousness.

Key words: semantic category, oppositvity, contrast, contextual antonyms.

For citation: Charykova, O.N. (2022). K voprosu ob implicitnyh kategoriyah yazykovogo soznaniya [To the Question of Implicit Categories of Linguistic Consciousness]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 74–83. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_74

References

1. Gorskij, D.P., Ivin, A.A., Nikiforov, A.L. *Kratkij slovar' po logike / Pod red. D. P. Gorskogo* [Brief Dictionary of Logic / Ed. D. P. Gorsky]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1991. 208 p. (In Russian).

2. Vasil'ev, L.M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990. 175 p. (In Russian).

3. *Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar'* / Gl. red. V.N. Yarceva [Linguistic encyclopedic dictionary / Ch. ed. V. N. Yartseva]. Moscow: Sov. Enciklopediya Publ., 2002. 709 p. (In Russian).

4. Novikov, L.A. *Antonimiya v russkomazykye (Semantičeskij analiz protivopolozhnosti v leksike)* [Antonymy in Russian (Semantic Analysis of Opposites in Vocabulary)]. Moscow: MGU Publ., 1973. 289 p. (In Russian).

5. Poryadina, R.N. *O semantičeskoj kategorii «svojtvennosti» v russkomazykye* [On the semantic category of "property" in the Russian language] *Kartina mira: modeli, metody, koncepty. Materialy Vserossijskoj mezhdisciplinarnoj shkoly molodyh učyonyh «Kartina mira: jazyk, filosofija, nauka» (1–3 noyabrya 2001 goda) / Pod obščej redakciej prof. Z.I. Rezanovoj* [Picture of the world: models, methods, concepts. Materials of the All-Russian Interdisciplinary School of Young Scientists "Picture of the World: Language, Philosophy, Science" (November 1–3, 2001) / Under the general editorship of prof. Z.I. Rezanova]. Tomsk: TGU Publ., 2002. Pp. 74–80. (In Russian).

6. Poryadina, R.N. *O semantičeskoj kategorii zhelatel'nosti* [On the semantic category of desirability] *Miromodelirovanie v jazyke i tekste / Pod obščej redakciej prof. Z.I. Rezanovoj* [World modeling in language and text / Under the general editorship of prof. Z.I. Rezanova]. Tomsk: TGU Publ., 2003. Pp. 19–31. (In Russian).

7. Stepanov, YU.S. *Imena, predikaty, predloženiya (Semiologičeskaya grammatika)* [Names, predicates, sentences (Semiological grammar)]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 360 p. (In Russian).

дата получения: 21.07.2022 г.
дата принятия: 05.08.2022 г.

date of receiving: 21.07.2022
date of acceptance: 05.08.2022

О. А. Мещерякова

Обучение грамматической норме на уроках русского языка: компетентностный подход

Статья посвящена проблеме овладения учениками средней школы грамматической нормой современного русского литературного языка. Утверждается, что достичь подобной цели можно только на основе компетентностного подхода, в рамках которого у школьников формируется система теоретических знаний и практических навыков грамотного письма. Рассматриваются дидактические и методические особенности формирования языковой, лингвистической, коммуникативной компетенций для овладения обучающимися грамматической нормой.

Ключевые слова: грамматическая норма, обучение русскому языку, компетентностный подход, языковая, лингвистическая, коммуникативная компетенции.

Для цитирования: Мещерякова О.А. Обучение грамматической норме на уроках русского языка: компетентностный подход / О.А. Мещерякова // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 84–98. DOI 10.35231/25419803_2022_3_84

Норма в языке – сложное и многогранное понятие [3]. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, нормой в языке называется «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [1, с. 261]. Выделяются различные виды норм: норма орфоэпическая (норма произносительная), норма речевая, норма стилистическая. Особое место занимает грамматическая норма. Под грамматической нормой понимается совокупность грамматических

правил, выводимая из практики употребления литературного языка. Грамматическая норма имеют целью направлять речевую деятельность говорящих в области построения слов, словосочетаний, предложений [1, с. 261].

В содержании обучения русскому языку грамматической норме современного литературного языка придается немаловажное значение.

В первую очередь об этом свидетельствует содержание программы. Так, согласно «Примерной основной образовательной программе основного общего образования», среди обязательных предметных результатов («Выпускник научится») названо «соблюдение норм современного русского литературного языка» [6, с. 29], к каким относятся морфологические и словообразовательные нормы, варианты грамматических форм, синтаксические нормы, традиционно рассматриваемые как грамматические [11, с. 271]. В «Примерной основной образовательной программе среднего общего образования» требование к овладению грамматическими нормами развивается и углубляется; здесь прописаны определенные лингвистические действия, которые выпускник должен уметь совершать по окончании школы. «Умение соблюдать в речевой практике основные <...> грамматические <...> нормы русского литературного языка» дополняется умением «использовать основные нормативные словари и справочники для оценки устных и письменных высказываний с точки зрения соответствия языковым нормам [7, с. 24–26].

В современной модели образования результаты освоения основной образовательной программы среднего общего образования контролируются в ходе стандартизированной проверки – ЕГЭ. То, что проверяется на ЕГЭ, отражается в кодификаторе ЕГЭ по русскому языку. На сайте ФИПИ в кодификаторе демоверсии ЕГЭ 2022 года¹ грамматические нормы представлены следующим образом: а) умение учащегося «анализировать языковые единицы с точки зрения правильности <...> их употребления»; б) умение выпускника «осуществлять речевой самоконтроль; оценивать письменные высказывания с точки зрения языкового оформления».

¹ URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-spezifikacii-kodifikatory>

Названные элементы предполагают овладение грамматической нормой – данный навык напрямую обозначен кодом 1.3: «Разграничивать варианты норм, преднамеренные и непреднамеренные нарушения языковых норм». Данный элемент ФГОС представлен на двух уровнях. На базовом уровне предполагается «сформированность понятий о нормах русского литературного языка и применение знаний о них в речевой практике». На углублённом уровне требуется «владение знаниями о языковой норме, её функциях и вариантах, о нормах речевого поведения в различных сферах и ситуациях общения». Уровень овладения грамматической нормой проверяется как тестовыми заданиями, так и сочинением. В тесте ЕГЭ последних лет этому служат задания № 7 (морфологические нормы), № 8 (синтаксические нормы). При проверке сочинения овладение грамматическими нормами оценивается критерием 9 (К9) «Соблюдение грамматических норм».

Все это доказывает, что обучение русскому языку в нынешних условиях предполагает в том числе прочное овладение школьниками современной грамматической нормой русского литературного языка.

Но результаты решения ЕГЭ по русскому языку за прошлые годы свидетельствуют о том, что задания, связанные с грамматической нормой, хотя по «Кодификатору» относятся к уровню Б, на практике являются заданиями высокого уровня сложности. В тестовой части особую трудность вызывают «случаи, посвящённые синтаксическим нормам (нормам согласования и управления, нормам употребления однородных членов, нормам построения грамматической основы предложения и т.п.)» [8, с. 61]. Анализ результатов сочинения ЕГЭ по К9 свидетельствует, что грамматические ошибки являются наиболее частотными в сочинениях выпускников [4, с. 378].

Подобные многолетние результаты стандартизированной проверки говорят о недостаточном уровне владения грамматической нормой выпускниками средней школы, что является серьёзным недостатком как в подготовке учащихся к итоговой аттестации по русскому языку, так и в целом

в их лингвистическом образовании, с которым они выходят во взрослую жизнь.

Задаваясь вопросом, как научить школьника владеть грамматической нормой, мы используем общенаучные методы анализа, синтеза, описания.

Научить школьника владеть грамматической нормой – это означает научить пользоваться ею, сделать так, чтобы построение предложения, как и образование слова было правильным в любой ситуации, связанной с речью, а значит – с выражением мысли. В связи с этим идея создания грамматического словника для сдающих ЕГЭ [2], на наш взгляд, облегчает подготовку к выполнению тестовых заданий экзамена, но количественно и качественно ограничивает результат, обозначенный в Программах. В школе важно не просто дать сведения о некоторых примерах грамматической нормы, важно сформировать ценностное отношение к языку. Усвоение правил грамматики по словообразованию, выбору той или иной формы слова, построению словосочетания и предложения должно помогать выпускнику стать полноценной личностью, любящей и понимающей свой родной русский язык.

Достичь подобного результата можно только на основе компетентностного подхода, в рамках которого учитель ориентируется на формирование у школьника сознательно применяемых способов коммуникативно-лингвистической деятельности, то есть на формирование определенных компетенций.

В обучении русскому языку важно формирование четырех видов компетенций: языковой, лингвистической, коммуникативной, культуроведческой. Овладение грамматической нормой в первую очередь сопрягается с первыми тремя видами компетенций.

При овладении грамматическими нормами наличие языковой компетенции подтверждается умением говорить и писать с соблюдением всех словообразовательных, морфологических и синтаксических норм; напротив, о недостаточном уровне сформированности данной компетенции можно судить по грамматическим ошибкам.

В плане формирования языковой компетенции упражнения по овладению грамматической нормой включают задания:

- связанные с построением слова, словосочетания, предложения на основе нормативного правила;
- связанные с умением находить и исправлять грамматические ошибки.

Задания первого типа – это упражнения на образование указанных грамматических форм / конструкций в словосочетании (предложении, тексте) [10].

Задание. Поставьте существительное, стоящее в скобках, в форму родительного падежа множественного числа.

Купить килограмм (апельсин, абрикос, яблоко, мандарин, ананас), группа (армянин, белорус, грузин, таджик, цыган).

Задание. Спишите, заменяя цифры именами числительными в необходимой форме.

1) От 647 отнять 6. 2) Корабль с 588 пассажирами следовал во Владивосток. 3) Альманах с 295 страницами содержит оглавление.

Задание второго типа – это упражнения на нахождение, классификацию и исправление грамматических ошибок. Они требуют от учеников особой зоркости, базирующейся и на языковом чутье, и на анализе употребленных форм, что определяется умением соотносить конструкции, используемые в примерах, с изученными нормативными правилами.

При отработке одного правила чаще всего задание звучит следующим образом: «Найдите грамматическую ошибку в предложениях, исправьте ее и объясните». Такая формулировка варьируется в зависимости от объема материала, который подлежит отработке. Самое простое задание учитывает нормативное правило одного типа.

Задание. Найдите грамматическую ошибку, связанную с неправильным употреблением падежной формы существительного с предлогом.

Мы отправились на местный рынок сразу по приезду в город. По окончанию салюта мы разошлись по домам, но еще долго обсуждали увиденное.

Если идет этап обобщения и повторения в конце раздела, то задание усложняется, так как требуется определить тип ошибки в рамках одной большой темы.

Задание. Найдите грамматические ошибки в предложениях с однородными членами, исправьте их, объяснив тип ошибки.

Отец очень любит шахматы и ловить рыбу. Кирилл увлекается фотоохотой и занимается этим не только летом, а также зимой.

В конце года важно, чтобы ученик овладел умением определять тип грамматической ошибки с учетом всех тем, изученных в течение года.

Задание. Найдите грамматические ошибки в предложенных примерах. Установите их тип. Запишите в исправленном виде.

У обеих женщин, самый тончайший, более тоньше, ляжьте незаметнее.

Подобные примеры говорят об усложнении материала и требуют высокой степени овладения нормой «по вертикали», то есть в порядке следования изучаемых нормативных правил.

Однако есть еще и «горизонталь», когда ученика нужно учить делать выбор между правильным и неправильным. Умение справиться с подобными заданиями показывают еще большую степень осознания нормативного правила.

Задание. Среди предложенных примеров укажите предложение с ошибкой в образовании конструкции с причастным оборотом.

Одним из русских прозаиков начала XX века, детально описавшим быт русского народа, был Иван Шмелёв. В.Г. Белинский написал около 20 статей и рецензий, специально посвящённые творчеству Н.В. Гоголя. Дети слышали громкие звуки доносившихся с реки голосов.

«Вертикаль» усложнения, сочетаясь с «горизонталью», дает как раз экзаменационный тип задания (№ 7 и № 8 в структуре ЕГЭ), где комплект правильных и неправильных вариантов предложений требует еще и определения типов самих ошибок. Это особенно сложно при проверке овладения синтаксическими нормами, так как примеры, вклю-

ченные в экзаменационный материал, воспроизводят одно- временно разнообразные конструкции, и только понимание сущности нормы, а не какие-либо внешние ее «приметы» помогают справиться с заданием успешно.

Как видим, работа по формированию языковой компетенции в области грамматических норм должна проводиться учителем при изучении практически каждой морфологической и синтаксической темы – это обеспечивает систематическое и последовательное обучение в данном аспекте, а значит – реальную грамотность в области морфологических и синтаксических норм.

Умение применять грамматическую норму в предложении требует многих теоретических знаний, которые нужно не просто «иметь при себе», но еще уметь опираться на них при анализе форм слов и конструкции предложения, а также при создании текста. Умение проводить лингвистический анализ языковых явлений, согласно «Спецификации контрольных измерительных материалов для проведения в 2022 году единого государственного экзамена по русскому языку»¹, составляет *лингвистическую компетенцию*.

Лингвистическая компетенция дает эффект не интуитивного, а осознанного подхода к выбору того, что составляет правильное, а что неправильное употребление форм слов и конструкций предложений. Осознание связано с пониманием всех лингвистических понятия и терминов, которые используются в нормативном правиле, в том числе и понятия лингвистического термина «норма». В лингвистике продолжается обсуждение отличий языковой нормы от нормы литературного языка [3], однако в учебниках для школьников некоторые научные нюансы упрощаются, и под «нормой» понимается «норма литературного языка». Например, учебник под редакцией Л.М. Рыбченковой дает следующее определение понятию «норма»: «Норма – это принятые в данное время данным языковым коллективом, сознательно поддерживаемые образованными людьми и предписываемые грамматиками и словарями образцовые способы употребления слов, фразеологических выражений, грамматических форм, синтаксических конструкций, звуков и их сочетаний» [8, с. 6].

¹ URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory>

В формировании лингвистической компетенции самому учителю важно определить, какие теоретические знания обязательны для овладения грамматической нормой, а какие востребованы факультативно. Так, приведенное выше определение нормы дано на полях страницы учебника, что подчеркивает его факультативность (знать это определение не означает владеть нормой). При этом оно дано под рубрикой «Памятка» – то, что нужно помнить: определяется долгосрочное обращение к термину с учетом разнообразия норм, изучаемых в школе.

В то же время есть такие теоретические знания, без которых овладение грамматической нормой невозможно. Так, не зная, что представляет из себя причастный или деепричастный обороты, нельзя научиться строить с ними предложения в соответствии с грамматической нормой.

В овладении грамматической нормой формирование лингвистической компетенции часто неотделимо от формирования языковой, поэтому многие упражнения предполагают их сопряжение. К их числу относятся упражнения на объяснение нормативного / ненормативного употребления форм слов и синтаксических конструкций («упражнения на объяснение языковых явлений» [9]).

Задание. Объясните, почему в данных предложениях употребление собирательных числительных является нормативным.

Двое парней, трое старост, четверо детей, пятеро незнакомых людей, вас было пятеро; двое саней, трое часов, четверо суток.

При этом учителю важно учитывать уровень сложности нормативного правила. Если, к примеру, теоретический материал имеет весьма объемный характер, то нужно помочь школьнику буквально «разложить все по полочкам». В этом учителю помогают алгоритмизированные памятки, схемы, таблицы. К примеру, при усвоении видов норм школьнику целесообразно сначала предложить для изучения таблицу, где обобщен теоретический материал, а затем дать задание по объяснению ошибок в предложенных примерах с опорой на данную таблицу.

Задание. Прочитайте предложения, в которых нарушены правила употребления языковых единиц. Используя информацию таблицы, охарактеризуйте эти нарушения.

Таблица (фрагмент)

Вид ошибок	Правильный вариант	Неправильный вариант
Морфологические: Неправильное образование и использование форм слов разных частей речи	В течение полутора суток самый сильный	В течение полтора суток наиболее сильнейший
Синтаксические: неправильное построение словосочетаний и предложений	Перед ним стоял человек в теплой шубе и пушистая кошка	Перед ним стоял человек с пушистой кошкой в теплой шубе

1) В комнате стояла диван-кровать и два кресла. 2) Самый умнейший из нас получил приз. 3) Все испугались случайно забревшую в наш сад собаку [8, с. 8].

Таким образом, обращение к теоретическим понятиям лингвистики при овладении нормативным правилом обязательно. Однако то, в какой последовательности сопрягаются теория и практика, имеет разнообразные варианты. Целесообразно использовать индуктивный и дедуктивный методы. Индуктивный метод освоения нормы связан с обобщением результатов наблюдений над таким нормативным правилом, которое дети могут вывести сами при анализе группы примеров. Дедуктивный метод основывается на первоначальном объяснении правила, за которым следует упражнение, где это правило нужно применить.

Так, правило о согласовании сказуемого и подлежащего, выраженного сложносокращенным словом, вполне возможно вывести школьникам самостоятельно, анализируя предложенные примеры, только после этого следует предложить соотнести их выводы с готовым теоретическим материалом и, если нужно, дополнить свои наблюдения.

Задание. Перепишите предложения, согласуя сказуемое с подлежащим. Объясните свой выбор.

МИД РФ внимательно (следил, следило) за ситуацией в Польше. ЕГЭ в нашей школе (прошёл, прошло) успешно.

При таком подходе ценна самостоятельность школьников – они сами приходят к определенным выводам по грамматическим нормам, а не получают их в готовом виде, что помогает им надолго запомнить правило, ведь ученик как бы пропускает все знания через себя.

Другие случаи согласования объемны по своему содержанию (слова *около, всего, только, лишь* перед числительным + существительное в родительном падеже; числительные *два, три, четыре, пять* и т. д. + существительное в родительном падеже; числительные *двое, трое, четверо, пятеро*; слова *мало, много, большинство, множество* + существительное в родительном падеже, где подлежащее называет живых существ [9, с. 52]); в этом случае первоначально необходимо провести теоретическое освоение нормативного правила во всех его нюансах, а потом закрепить все положения посредством комментированного письма предлагаемых примеров.

Задание. Перепишите предложения, согласуйте сказуемое с подлежащим в соответствии с правилом.

Большинство детей прививается от кори, коклюша и других болезней. Три лыжника приближалась к финишу.

В целом изучение грамматической нормы в единстве теории и практики настраивает ученика не на механическое запоминание нормы, а на ее постепенное осмысление; постепенную отработку разных вариантов, что помогает овладеть нормой, а не только ознакомиться с ней.

Самым важным для школьников является владение грамматической нормой при создании собственных текстов. Именно это предполагает коммуникативная компетентность. В ходе работы по созданию текста ученики увлечены задачей выразить мысль, и забота о норме отступает на второй план или же тормозит речевую деятельность. Поэтому при формировании коммуникативной компетенции очень важно опираться на целый ряд методических принципов.

Принцип «от простого – к сложному» будет реализован, если учитель сумеет постепенно подвести ученика к умению использовать нормативно правильно построенные формы слов и конструкции предложений. Для этого на начальном этапе не предполагается создание текста, сначала следует

работать с творческими упражнениями, где нужно трансформировать предложения или дополнить их заданной конструкцией.

Задание. Там, где уместно, дополните предложения деепричастным оборотом. Какие предложения нельзя использовать, чтобы не нарушить норму?

Я быстро просмотрел оглавление книги. Мне не удалось найти нужный мне раздел.

Для эффективной подготовки к изложению целесообразно использовать свободные диктанты с заданием, требующим сохранить ту конструкцию, которая вызывает определенные сложности в плане грамматической нормы. Также нужно проводить творческие диктанты, где требуется одну конструкцию заменить другой. Это важно, к примеру, при изучении грамматической нормы в конструкциях с косвенной речью, с причастным и деепричастным оборотом и т.п. Причем работу по овладению грамматической нормой нужно уметь сочетать с формированием пунктуационных навыков. Вот учитель проводит творческий диктант при изучении темы «Причастный оборот». Дано задание: **переставить причастные обороты так, чтобы они стали обособленными.**

Поднявшийся утром ветер вдруг стих. На находившемся далеко в море паруснике повисли паруса. Обеспокоенный этим капитан вышел на мостик. Западная часть неба становилась темнее и покрывалась низко нависшими над морем тучами. Через полчаса ураган с силой обрушил на корабль разъярённые волны. Отважные матросы не растерялись и одержали победу над разыгравшейся не на шутку стихией [5, с. 36].

У школьников должен появиться такой текст: Ветер, поднявшийся утром, вдруг стих. На паруснике, находившемся далеко в море, повисли паруса. Капитан, обеспокоенный этим, вышел на мостик. Западная часть неба становилась темнее и покрывалась тучами, низко нависшими над морем. Через полчаса ураган с силой обрушил на корабль разъярённые волны. Отважные матросы не растерялись и одержали победу над стихией, разыгравшейся не на шутку. Как видим, текст дает богатый материал по предупреждению ошибок

при согласовании главного и зависимого слова: *На паруснике, находившемся...; тучами, низко нависшими...; над стихией, разыгравшейся...* Подойдет и групповая, и коллективная форма работы. Главное: из-за дефицита времени использовать то, что подходит для отработки орфографии и пунктуации, еще и для работы над грамматической нормой.

Подобные виды диктантов позволяют подготовить учеников к успешному выполнению заданий по написанию собственных текстов в ОГЭ и ЕГЭ, так как учат совмещать работу по выражению мысли с работой по ее оформлению.

Принцип осознанного обучения в вопросе овладения грамматической нормой требует обязательности этапа работы над ошибками. К сожалению, на него у учителя часто не хватает ни времени, не сил. В результате ученики мало мотивированы к самосовершенствованию, а без этого нельзя научить умению владеть грамматической нормой на уровне написания сочинения / изложения. Поэтому учителю нужно искать такие формы работы, которые были бы применимы в повседневности «урочного потока». Известно, что работа над ошибками может быть проведена а) коллективно под руководством учителя (всем классом); б) на основе взаиморедактирования (работа осуществляется в группе из 2-х человек); на основе редактирования в условиях совместной деятельности (работа осуществляется в группе из 3–5 человек) [12]. Для того, чтобы ученики научились делать работу над ошибками, коллективная форма работы обязательна, но ограничиться только ею нельзя. Учитель должен «делегировать» свои полномочия по проверке самому ученику, для чего нужно на определенном этапе вводить взаиморедактирование, а после обучать и саморедактированию.

Саморедактирование, к которому нужно обязательно приучать школьников при формировании коммуникативной компетенции, – навык, приобретаемый в ходе весьма сложного процесса обучения и самообразования. К нему важно идти постепенно, учитывать множество факторов, как психологических, так и дидактических. К примеру, нельзя забывать о дидактическом принципе наглядности, который требует включить в обучение зрительную опору при проверке текста. Это текст-образец, схема-алгоритм и т.п. Их исполь-

зование работает и психологически, помогая детям приобрести уверенность в своих силах, устраняя коммуникативную скованность, боязнь выразить мысль не так, как надо, что присутствует у учеников как основной, так и старшей школы.

Только организованно и последовательно проводя данную работу, учитель научит школьника в реальности владеть грамматическими нормами при создании собственных текстов.

На уроках русского языка обучение школьников умению владеть грамматической нормой должно происходить на основе формирования языковой, лингвистической и коммуникативной компетенций. Хотя конечной целью является владение грамматической нормой при создании учениками собственных текстов (коммуникативная компетентность), ее достижение невозможно без кропотливой работы в сфере достижения компетенций языковой и лингвистической.

В целом компетентностный подход требует учитывать особенности изучаемого нормативного правила, но главной остается деятельность учащихся, организуемая через систему заданий и упражнений и направленная на свободное владение грамматической нормой современного русского языка.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 606 с.
2. Бородина О.С. Изучение грамматических норм на уроках русского языка в старших классах // Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку: Межрегиональная конференция. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2015. – С. 117–121.
3. Загоровская О.В. Языковая норма и норма литературного языка как лингвистические понятия // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. – 2016. – № 2 (271). – С. 161–165.
4. Каминская Л.Н. К проблеме формирования лингвистической компетенции выпускников общеобразовательных школ // Актуальные проблемы языкознания. – 2018. – № 7. – С. 376–381.
5. Киверина Н.А. Работа с текстом на уроке русского языка как средство интеллектуального и речевого развития учащихся // Русский язык и литература. Всё для учителя! – 2012. – № 11 (23). – С. 27–38.
6. Примерная основная образовательная программа основного общего образования: одобренная решением федерального учебно-методического объединения по об-

щему образованию (в редакции протокола № 1/20 от 04.02.2020 федерального учебно-методического объединения по общему образованию).

7. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования: одобренная решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 28 июня 2016 г. № 2/16-з).

8. Романов Д.А. Итоговая государственная аттестация по русскому языку (ЕГЭ): проблемы и рекомендации // Русский язык и литература: актуальные проблемы теории и практики преподавания. Сборник материалов III Всероссийской научно-методической конференции. – 2018. – С. 60–66.

9. Рыбченкова Л.М., Александрова О.М., Загоровская О.В., Нарушевич А.Г. Русский язык. 8 класс: учебник для общеобразовательных организаций. – 5-е изд. – М.: Просвещение, 2017. – 223 с.

10. Савко И.Э. Система упражнений по обучению грамматическим нормам русского литературного языка // Русский язык и литература. – 2008. – No 6. – С. 22–31.

11. Скворцов Л.И. Норма языковая // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. – С. 270–272.

12. Сотова И.А. Теория и практика самоконтроля в письменной речевой деятельности школьников на уроках русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008. – 47 с.

Olga A. Meshcheryakova

Teaching Grammatical Norms in Russian Lessons: Competence Approach

The article is devoted to the problem of mastering the grammatical norm of the modern Russian literary language by secondary school students. It is argued that such a goal can be achieved only due to a competency-based approach, within which a system of theoretical knowledge and practical skills of literate writing is formed. The didactic and methodological features of the formation of language, linguistic, communicative competences for mastering the grammatical norm by students are considered.

Key words: grammatical norm, teaching Russian, competence approach, linguistic, linguistic, communicative competence.

For citation: Meshcheryakova, O.A. (2022). Obuchenie grammaticheskoy norme na urokah russkogo yazyka: kompetentnostnyj podhod [Teaching Grammatical Norms in Russian Lessons: Competence Approach]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 84–98. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_84

References

1. Ahmanova, O.S. *Slovar' lingvističeskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ., 1969. 606 p. (In Russian).
2. Borodina, O.S. *Izučenie grammatičeskikh norm na urokah russkogo yazyka v starših klassah* [The study of grammatical norms in the lessons of the Russian language in high school] *Aktual'nye voprosy obučeniya russkomu (rodnomu) yazyku: Mezhrional'naya konferenciya* [Actual issues of teaching the Russian (native) language: Interregional conference]. Ryazan': Ryazanskij gosudarstvennyj universitet imeni S.A. Esenina, 2015. Pp. 117–121. (In Russian).
3. Zagorovskaya, O.V. *Yazykovaya norma i norma literaturnogo yazyka kak lingvističeskie ponyatiya* [Linguistic norm and norm of the literary language as linguistic concepts] *Izvestiya Voronezhskogo gos. ped. un-ta* [Izvestiya of the Voronezh State Pedagogical University]. 2016. No 2 (271). Pp. 161–165. (In Russian).
4. Kaminskaya, L.N. *K probleme formirovaniya lingvističeskoj kompetencii vypusknikov obščeobrazovatel'nyh škol* [To the problem of formation of linguistic competence of graduates of secondary schools] *Aktual'nye problemy yazykoznaniya* [Actual problems of linguistics]. 2018. No 7. Pp. 376–381 (In Russian).
5. Kiverina, N.A. *Rabota s tekstom na uroke russkogo yazyka kak sredstvo intellektual'nogo i rečevogo razvitiya uchashihsya* [Working with text in the Russian language lesson as a means of intellectual and speech development of students] *Russkij yazyk i literatura. Vsyo dlya učitel'ya!* [Russian language and literature. Everything for the teacher!]. 2012. No 11 (23). Pp. 27–38. (In Russian).
6. *Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma osnovnogo obščego obrazovaniya: odobrennaya resheniem federal'nogo učeбно-metodičeskogo ob'edineniya po obščemu obrazovaniju* (v redakcii protokola № 1/20 ot 04.02.2020 federal'nogo učeбно-metodičeskogo ob'edineniya po obščemu obrazovaniju) [An exemplary basic educational program for basic general education: approved by the decision of the federal educational and methodological association for general education (as amended by protocol No. 1/20 of 04.02.2020 of the federal educational and methodological association for general education)]. (In Russian).
7. *Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma srednego obščego obrazovaniya: odobrennaya resheniem federal'nogo učeбно-metodičeskogo ob'edineniya po obščemu obrazovaniju* (protokol ot 28 iyuniya 2016 g. № 2/16-z) [Exemplary basic educational program of secondary general education: approved by the decision of the federal educational and methodological association for general education (minutes of June 28, 2016, No. 2/16-z)]. (In Russian).
8. Romanov, D.A. *Itogovaya gosudarstvennaya attestaciya po russkomu yazyku (EGE): problemy i rekomendacii* [Final state certification in the Russian language (USE): problems and recommendations] *Russkij yazyk i literatura: aktual'nye problemy teorii i praktiki prepodavaniya. Sbornik materialov III Vserossijskoj naučno-metodičeskoj konferencii* [Russian language and literature: actual problems of the theory and practice of teaching. Collection of materials of the III All-Russian Scientific and Methodological Conference]. 2018. Pp. 60–66. (In Russian).
9. Rybčenkova, L.M., Aleksandrova, O.M., Zagorovskaya, O.V., Naruševich, A.G. *Russkij yazyk. 8 klass: učebnik dlya obščeobrazovatel'nyh organizacij* [Russian language. Grade 8: a textbook for educational organizations]. 5-e izd. Moscow: Prosveshčenie Publ., 2017. 223 p. (In Russian).
10. Savko, I.E. *Sistema upražnenij po obučeniyu grammatičeskim normam russkogo literaturnogo yazyka* [The system of exercises for teaching the grammatical norms of the Russian literary language] *Russkij yazyk i literatura* [Russian language and literature]. 2008. No 6. Pp. 22–31. (In Russian).
11. Skvorcov, L.I. *Norma yazykovaya* [Language norm] *Russkij yazyk: Enciklopediya / gl. red. YU.N. Karaulov* [Russian language: Encyclopedia / ch. ed. Yu.N. Karaulov]. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 1997. Pp. 270–272. (In Russian).
12. Sotova, I.A. *Teoriya i praktika samokontrolya v pis'mennoj rečevoj deyatelnosti škol'nikov na urokah russkogo yazyka: avtorf. dis. ...d-ra filol. nauk* [Theory and practice of self-control in the written speech activity of schoolchildren in the lessons of the Russian language: abstract of the thesis... Dr. Philol. Sciences]. Moscow, 2008. 47 p. (In Russian).

дата получения: 22.08.2022 г.
дата принятия: 03.09.2022 г.

date of receiving: 22.08.2022
date of acceptance: 03.09.2022

О. С. Шурупова

Языковая личность Вадима Зацырко из повести А. И. Солженицына «Раковый корпус»

Статья выполнена в рамках лингвоперсоналогии, с учетом новейших исследований, посвященных языковой личности. Актуальность исследования объясняется необходимостью создания речевых портретов персонажей ключевых произведений отечественной литературы. Целью данной работы стало создание речевого портрета героя повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» Вадима Зацырко, молодого ученого, взгляды которого во многом совпадают с позицией наших современников, занимающихся наукой, и потому исследование этого персонажа особенно злободневно. Объект исследования – языковые особенности текста, предметом исследования являются речевые и коммуникативные особенности персонажа повести. Для достижения цели исследования использованы методы анализа текста, в том числе описательный метод, метод компонентного анализа. В статье выявлены слова, получающие в лексиконе персонажа положительную (термины) и негативную (слова христианской тематики) оценку, описана роль оценочных определений, слов с оценочными суффиксами и такого знака препинания, как тире, в создании его речевого портрета. Отмечено, что ярким средством создания художественного образа являются штампы и разговорно-просторечные слова, выражающие пренебрежительное отношение персонажа к людям, в том числе к своей невесте и соседям по палате. Выявлены случаи использования Вадимом слов с разными значениями в качестве контекстных синонимов. Подвергнуты анализу читательские пристрастия персонажа и его цитатный фонд, что позволило сделать вывод о невежественности героя в области художественной литературы. При этом языковая личность Вадима склонна к доминантности в коммуникативном поведении. Результаты исследования позволяют утверждать, что с помощью дискурса персонажа А.И. Солженицын раскрывает внутренний мир персонажа и демонстрирует его жизненную позицию. Результаты могут быть применены в исследованиях художественного образа как языковой личности. Сделаны выводы о глубоком духовном недуге Вадима Зацырко, который проявляется в том, что слова, которые обозначают положительно оцениваемые с точки зрения русской культуры явления, приобретают в речи героя негативную окраску, тогда как слова «бес», «выстрелить», «вспыхнуть» и т.д. он употребляет, размышляя о себе самом, что свидетельствует о процессе «обездушивания» и овеществления персонажа. Намечены перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: языковая личность, несобственно-прямая речь, интериоризированная речь, речевой портрет персонажа, «Раковый корпус» А.И. Солженицына, Вадим Зацырко, оценочные определения, штампы, использование тире, доминантное речевое поведение.

Для цитирования: Шурупова О.С. Языковая личность Вадима Зацырко из повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» / Шурупова О.С. // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 99–115. DOI 10.35231/25419803_2022_3_99

Создание речевого портрета личности позволяет выявить те или иные особенности ее коммуникативного поведения, а также проследить, как социальный опыт влияет на становление речевых способностей человека. Однако результаты современных исследований языковой личности можно использовать в процессе анализа художественного текста. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена как высоким интересом современной науки о языке к феномену языковой личности, так и необходимостью создания речевых портретов персонажей ключевых произведений отечественной литературы.

В пределах данной статьи представляется интересным описать языковые способы создания А.И. Солженицыным художественного образа молодого ученого Вадима Зацырко и выявить, как ключевые особенности его характера и мировоззрения проявляются в речи персонажа и в его способности к коммуникации. Задачи нашего исследования связаны с анализом как дискурса Вадима, так и его интериоризированной речи, когда «само изображение действительности (явлений, событий, картин) дается как бы сквозь призму восприятия героя» [7, с. 34]. Научная новизна статьи связана с обращением к языковой личности персонажа, ранее не подвергавшейся систематическому изучению.

Изучение художественного образа как языковой личности, которое берет свое начало в работах В.В. Виноградова [1], не только не утратило актуальности, но, напротив, должно быть продолжено с учетом современных исследований. Изучение данного феномена в работах Ю.Н. Караулова, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, К.Ф. Седова открыло новые перспективы развития науки о языке. Так, Ю.Н. Караулов по праву считается основателем лингвоперсонологии, или науки о языковой личности. Его книга «Русский язык и языковая личность» [7] является фундаментальным трудом, на который так или иначе опираются все ученые, исследующие языковое поведение человека. В свою очередь, сам термин «лингвоперсонология» введен в научный оборот В.П. Нерознаком [13]. С.Г. Воркачев заявил, что «языковая личность – базовая категория лингвокультурологии, отражающая ментальность и менталитет обобщенного носителя

естественного языка и предоставляющая этой научной дисциплине исследовательский инструмент для воссоздания прототипического образа “человека говорящего» [2, с. 70].

Представители Саратовской лингвистической школы подвергли исследованию языковые личности представителей различных профессий. Так, К.Ф. Седовым созданы речевые портреты выпускниц филологического факультета вуза, имеющих отношение к преподаванию [17]. В.Я. Парсамова описывает коммуникативное поведение ученого на основе его эпистолярного наследия [14].

В Пятигорске и Ростове-на-Дону появился ряд работ, посвященных исследованию коммуникативного поведения актеров [9], учителей [8], журналистов [10], политиков [187] и т.д.

Видным волгоградским ученым В.И. Карасиком создана галерея лингвокультурных типажей, то есть «узнаваемых образов представителей определенной культуры» [7, с. 179]. Он описал типажи «русский интеллигент», «русский купец», «русский чиновник», а также «английский чудак» и «американский супермен». Именно на его труды можно опираться в процессе исследования языковой личности персонажей литературных текстов.

В данной работе целесообразно обратиться и к трудам яркого представителя Липецкой лингвистической школы Е.А. Поповой в области лингвистики нарратива, в которых описываются различные типы повествования, в том числе особенности несобственно-прямой речи, которая используется и в повести А.И. Солженицына [15]. Особенности повествования могут быть использованы в процессе анализа языкового поведения персонажа текста.

Представители Липецкой языковой школы предпринимают попытки как воссоздания языковой личности реальных носителей языка [21], так и создания речевых портретов героев художественных текстов [20].

Материалом данного исследования послужила повесть А.И. Солженицына «Раковый корпус». Объект исследования – языковые особенности повести, предметом исследования являются речевые и коммуникативные особенности персонажа повести Вадима Зацырко. Для достижения цели

и решения задач исследования использованы методы анализа текста, в том числе описательный метод, метод компонентного анализа.

Впервые читатель видит Вадима глазами другого персонажа текста, Демки, который из уважения к планам Вадима читать «все время» [19, с. 98] уступает ему койку у окна. Демке этот «темно-загоревший молодой человек со смоляными опрятными волосами» [19, с. 98] кажется совсем взрослым, ведь ему «лет... наверно, уже двадцать со многим» [19, с. 98]. И именно в беседе с Демкой этот взрослый, уверенный, красивый человек раскрывается, казалось бы, с самой благоприятной стороны: он утешает подростка, который боится операции, объясняя, что и после ампутации ноги тот сможет учиться и работать. Впрочем, этот персонаж не намерен тратить время на пустые разговоры и не слишком жалеет собеседников. Так, на слова Демки о том, что ногу могут отрезать по колено, а то и выше, Вадим коротко заявляет: «Протез сделаешь» [19, с. 158], а рассказав собеседнику о своей беде, «шлепает» его по плечу: «Ну, иди к себе. Работать надо» [19, с. 160]. Вадим строит относительно короткие, рубленые фразы, нередко используя односоставные или неполные предложения. Так, на замечание Поддубева он отзывается целой россыпью подобных фраз: «А я как раз знаю! Творчеством! И очень помогает. Ни есть, ни пить не надо... Не для нашего века. Слишком бесформенно, неэнергично. А по-нашему: работайте больше! И не в свой карман. Вот и все» [19, с. 160]. Его речь показывает, что этот герой словно торопится жить, и он сам признается в этом: «Для меня весь вопрос сейчас – что я успею сделать. Надо же успеть что-то сделать на земле!» [19, с. 159].

Что же хочет сделать Вадим? Уже в первом своем диалоге с обитателями палаты он дает четыре похожих, но в то же время разных ответа на вопрос о смысле жизни. Демке он с уверенностью заявляет, что смысл жизни – «больше сделать в науке», а «кроме науки – что вообще?» [19, с. 157]. Далее он добавляет, что его жизни «весь смыл – только в движении» [19, с. 158]. Ефрему, который призывает его задуматься, чем люди живы, Вадим объясняет: «Творчеством». А затем утверждает, что человеку надо «работать больше и не в свой

карман» [19, с. 160]. С одной стороны, юноша говорит об одном и том же – светлом труде во имя науки, которая способна так захватить человека, что «ни пить, ни есть не надо» [19, с. 160]. Слова «движение», «научная работа», «творчество» в его речи являются контекстными синонимами. Однако с другой – Вадим, «с большой быстротой» отвечающий на вопросы соседей по палате, смешивает разные понятия, не стремясь прислушаться к собеседнику, задуматься над его словами и, быть может, глубже осознать, что именно он сам понимает под творчеством.

Молодой, обладающий балетной фигурой Вадим не похож на кабинетного ученого, и его речь далека от академичности. Особенностью его коммуникативного поведения является прямолинейность в оценках, облакаемая нередко в грубоватую форму. Персонаж часто использует разговорные обороты и даже просторечные слова: «В поле завертелся» [19, с. 158]; «Еще досюда книжку прочел. Прочел – тогда и схватился» [19, с. 158]; «Меланобластома – такая гадина» [19, с. 158]. Он общителен, легко входит в контакт с незнакомыми прежде соседями по палате, способен поддерживать и развивать взаимодействие в рамках информативного общения. Так, даже объясняя Демке сущность своей научной идеи о поиске полиметаллических руд, Вадим, несмотря на обильное использование терминов («быть в поле», «радиоактивные воды», «вакуум-насос», «центробежный насос», «коллоидное золото»), смысл которых геолог не объясняет, поскольку для него явления, о которых он говорит, – часть жизни, настолько привычная и понятная, что он не видит необходимости растолковать мальчику значение своих слов, говорит очень живо и искренне. Он словно читает подростку лекцию, задавая риторические вопросы, на которые сам тут же дает ответы: «Эс-а? Тогда надо оперировать» [19, с. 158], «... Надо воздух вытянуть. Чем? Ртом» [19, с. 159], «Да имея меланобластома – что мне бояться радиоактивности? Как раз мне-то и работать» [19, с. 159]. В такой манере Вадим общается и с другими людьми, даже совершенно незнакомой ему Авиетой: «А для чего литература? Литература – чтобы развлечь нас, когда у нас настроение плохое» [19, с. 227].

В то же время Вадим не владеет нормами светского общения, которое, по его мнению, сводится к пустой болтовне. Выражая свое мнение по тому или иному вопросу, молодой ученый высказывается крайне безапелляционно. Так, он уверенно упрекает книгу Толстого в бесформенности и неэнергичности, ведь сам ученый, как показывает его речь, крайне энергичен и твердо знает, чего хочет от жизни. Вадим несколько не сомневается в собственной правоте и не пытается щадить чувства собеседников. Так, Авиете он с обидной уверенностью сообщает, что «эротический момент» в книгах «лишний», ведь «возбуждающее в аптеках продают» [19, с. 227], а Костоглотова поучает: «И жить не надо, легко узнать. Почитайте Салтыкова-Щедрина, других пособий и не потребуется» [19, с. 318] (интересно, что ученый не считает нужным изучить историю по более научным источникам, чем художественные тексты).

Описывая языковую личность Вадима, нельзя не отметить его читательские вкусы. Он резко отвергает и чрезмерно морального и неэнергичного Л.Н. Толстого, и Рабле, которого «прочтешь – одна похабщина, потерянное время» [19, с. 227]. А «печатное слово», по мнению юноши, не предназначено «щекотать страсти» [19, с. 227] или, иными словами, пробуждать чувства, в том числе чувства любви, милосердия, сострадания. Цитатный фонд языкового сознания Вадима не отличается разнообразием: он читает либо научные монографии и учебники, либо газеты. Роль литературы, по его мнению, – создавать соответствующее настроение: либо обличать, как Салтыков-Щедрин, либо ободрять, как однообразные романы «Горы в цвету», «Земля в цвету», «Молодость с нами», принесенные в палату Авиетой. Авторы этих книг остаются неназванными, поскольку их безликие творения изготовлены по одному и тому же «бодрому» шаблону. Впрочем, Вадим вспоминает еще одного автора – Лермонтова, однако для него интересны не стихи великого поэта, а его внешность (Вадим считает себя немного похожим на Лермонтова) и его ранняя смерть. Лермонтову удалось «врезать себя в нашу память» [19, с. 198] – и Вадиму хочется того же. Он хотел бы «остаться в памяти людей навсегда молодым», «сиять вечно» [19, с. 198]. И об этом стремлении

не только к принесению человечеству пользы, но и к собственной славе, к признанию читатель узнает из девятнадцатой главы, повествование которой представляет собой несобственно-прямую речь. По замечанию Е.А. Поповой, подобное «нетрадиционное повествование (несобственно-прямой дискурс) с неперсонифицированным повествователем, который, зная все, своего всезнания не показывает, а, напротив, старается быть незаметным, «пропускает» на передний план героя... лидирует в литературе XX–XXI вв.» [15, с. 224], в текстах, авторы которых особенно глубоко проникают в психологию человека, раскрывают его духовную сущность. С помощью интериоризированной речи Вадима А.И. Солженицын дает читателям возможность постичь его внутренний мир. Девятнадцатая глава, в начале которой создается своеобразный внутренний монолог героя, вспоминающего всю свою короткую жизнь и дающего оценки соседям по палате, носит название «Скорость, близкая свету». На огромной скорости Вадим несся по жизни, пока опухоль не «подрезала его в самую важную минуту» [19, с. 196], и автор позволяет нам не только перебрать вместе с Вадимом события его жизни, стремительно сменявшие друг друга, но и осмыслить его отношение к ним. Среди признаков подобного нарратива Е.А. Попова выделяет отсутствие кавычек, употребление местоимений и глаголов от лица повествователя, оформление несобственно-прямой речи как самостоятельного предложения. В то же время несобственно-прямой нарратив призван отражать особенности персонажа, манеру его речи, его эмоции. По мнению Ю.Н. Караулова, «лексическое наполнение такой интериоризированной речи оказывается весьма характерным, причем в ней обязательно присутствует разговорность интонации» [7, с. 34].

Так, в этой главе появляется нежное слово «мама». Читатель уже встречал упоминание о ней в главе, посвященной тяжелым будням доктора Донцовой, которая получила от своей давней подруги Анны Зацырко телеграмму с просьбой оказать сыну дружеское внимание и написать матери, что с ним. Но для Вадима эта женщина – именно мама, которая не чаёт души в своем талантливом сыне, которой «теперь уже не жизнь... Мама сделает все, и больше, чем все,

она даже лишнее сделает» [19, с. 195]. Возвращаясь мыслями в детство, Вадим вспоминает и отца, и школьные годы, и институт. Однако в этих воспоминаниях уже нет нежности, лишь досада: столько времени потеряно впустую, на ненужные разговоры, никчемные походы в магазин, скучные лекции учителей. В речи Вадима здесь появляется довольно много оценочных определений, выраженных качественными прилагательными: многие книги кажутся ему «водянистыми», фильмы – «глупыми», окружение в палате – «ничтожным», разговоры с соседями – «дурацкими» и даже язык речей любимого Сталина – «пресен». Не менее иронично он оценивает и действия ближних: гости его родителей «болтали», а его учителя постоянно «нудили», «размазывали», «комкали» (эти глаголы, носящие разговорно-просторечный характер, демонстрируют неуважительное, снисходительное отношение к старшим, которое Вадим проявлял уже в детстве). Столь же скептически он настроен и по отношению к начальнику своей экспедиции: тот, по мысли Вадима, «скрипел» по поводу научных занятий Вадима. Более того, даже московские профессора во главе с великим Черегородцевым (мы так и не узнаем имени и отчества этого человека, поскольку Вадим мысленно называет его только по фамилии) заслуживают несколько высокомерного отношения: Черегородцев «насыпал» возражения, целый московский институт «топчется» около идеи. Да и рассуждая о маме, Вадим как бы неожиданно проговаривается: «если бы она ничего полезного больше в жизни не сделала – вырастить таких троих сыновей оправдывало жизнь женщины» [19, с. 194]. Очевидно, женщины для молодого ученого – существа не первого сорта, ведь и свою невесту он небрежно именует Галкой и рассуждает, что ей «он уже достанется мало» [19, с. 201], словно юноша, за которого она мечтает выйти замуж, для нее не любимый человек, а некий ценный приз. Сам же Вадим гордо рассуждает, что ему не следует отвлекаться «на девок» [19, с. 201]. Впрочем, чуть позже, придя в отчаяние, он мысленно назовет ее Галей – страдание делает его ласковее.

Зато себя самого и свои качества Вадим оценивает высоко. Он «собранный», «гордый», «вежливый», с «лощеной

выдержкой» [19, с. 235], он «во всем... справедлив и ровен» [19, с. 235]. Он черпает удовольствие в том, что держится мужественно, не как другие.

Особый динамизм придает речи Вадима частое использование тире. На протяжении семи страниц этой главы этот знак препинания встречается больше сорока раз. Он призван передать стремительность Вадима, его непрестанную спешку. Тире используется здесь в соответствии с различными правилами русского языка, но чаще всего оно выражает противопоставление («Не болезнь – змея» [19, с. 197]; «Любой сельсовет, любое почтовое сельское отделение могут быть закрыты... – и за двадцать пять километров этого никогда нельзя предвидеть» [19, с. 196]. Использование тире позволяет выразить глубокое противоречие между взглядами Вадима и жизнью, реальностью, которая его окружает («Чуть только игра ... начинала становиться тягучей – он не торчал с ними у ворот» [19, с. 196], «Если первые кадры фильма оказывались глупы... – он презревал потерянные деньги» [19, с. 196]). Вадим считает себя иным, чем все остальные, он ученый, которому дано вывести новую формулу: как плодотворно провести оставшиеся немногие месяцы, если его болезнь смертельна.

Свысока он оценивает и всех остальных в палате. Люди нравятся ему «с точки зрения тишины в первую очередь» [19, с. 199]: они делятся на симпатичных, славных, неназойливых, неврдных (тех, кто говорит потише, если попросят), тихих и вежливых, а также на грубых крикунов (Костоглотов и Ефрем Поддуев). Необходимо отметить, что оценки Вадима совершенно не совпадают с оценками автора: для геолога положительным является Русанов, которого молодой ученый считает «честным работягой» [19, с. 200] с правильными суждениями. Суждения самого Вадима о людях во многом совпадают с русановскими и столь же отмечены присутствием газетных штампов: «Поддуев... раскис и поддался слащаво-идеалистическим штучкам» [19, с. 201], «...Язвами и гноем, который представляла вся предшествующая история России до семнадцатого года» [19, с. 318]. По убеждению Н. Галь, пристрастие к штампам – «окаянный и зловерный недуг нашей речи. Суший рак: разрастаются чужеродные,

губительные клетки – постылые штампы, которые не несут ни мысли, ни чувства, ни на грош информации, а лишь забивают и угнетают живое, полезное ядро» [3, с. 24]. Штампы в речи Вадима Зацырко, как и в речи Русанова, являются признаком духовного недуга, не менее опасного для героев повести, чем телесная болезнь, которая привела их в раковый корпус.

Отметим, что слова, тематически связанные с христианством, для Вадима обладают резко негативной оценочностью: «Вадим терпеть не мог... разжижающие басенки о смирении и любви к ближнему» [19, с. 201]. По его мнению, наука далека от нравственных ценностей. Когда он рассуждает о христианских добродетелях, в его внутреннем монологе сразу появляется большое количество слов с выражающими пренебрежительную оценку суффиксами: «басенок», «правденка». Все религиозное, по мнению Вадима – «мяклое» [19, с. 235]. Евангельская истина о том, что душу надо отдать за ближнего своего, чужда Вадиму – он себя тоже «обрек отдать... сразу всем народу», разжавшись, «как выстрел» [19, с. 201]. Это достаточно странное сравнение, ведь вряд ли кому-то может принести пользу направленный в него выстрел, но Вадиму оно представляется вполне приемлемым. Он хотел бы умереть «вспыхнувшим», «разрядившимся» [19, с. 295]. А страдание меняет его так, что он «почему-то в себе не чувствует обычного пружинного импульса» и действует «старым заводом» [19, с. 296]. Таким образом, сам Вадим неоднократно рассуждает о себе как о машине, о некоем аппарате, который должен бесперебойно работать. Налицо, как мог бы сказать И.А. Есаулов, «овнешнение героя», «тотальное обездушивание» [5, с. 454] и превращение живого человека в механизм.

Представляется интересным обратиться и к исследованию И.А. Есаулова, посвященному советской литературе. Ученый утверждает, что у нее имелся религиозный вектор, связанный с «обезличиванием человека», то есть «забвением им Божественного образа (лика) в себе» [4, с. 351]. По наблюдению исследователя, ««огонь» и «дым» – естественная среда для нового мира» [4, с. 360], и рассуждения Вадима о том, как умереть «вспыхнувшим», и его воспоминания о «нака-

ленном» разговоре с Черегородцевым далеко не безобидны. Важно, что во внутреннем монологе героя встречается слово «бес» и однокоренной глагол «бесить»: «Его бесило...» [19, с. 196], «Этот бес – неутолимая жажда времени, и без отца сидел в нем с малых лет» [19, с. 196]. С христианской точки зрения Вадим, сын преданного сталинским заветам коммуниста, который и «заронил в нем жадность на время» [19, с. 196], с детства одержим бесом. С этой точки зрения его телесный недуг – логичное продолжение недуга духовного, подтачивающего душу человека еще с детства.

Интересно, что если здоровый и погруженный в науку Вадим уподобляется бездушной машине, роботу, который «не испытал за двадцать шесть лет... ощущения более наполняющего, насыщающего и стройного, чем ощущение времени, проводимого с пользой» [19, с. 199], то есть не изведал ни дружбы, ни любви, ни радости, то смертельная болезнь «оживляет» его, поскольку в его интериоризированной речи появляются сравнения уже не с бездушными механизмами, а с животными. В начале недуга он сопоставляет себя с «телом, несущимся с предсветовой скоростью» [19, с. 198], а через некоторое время – то с горным козлом, то со зверем, попавшим в капкан, то с «цаплей из сказки» [19, с. 296]. Страшная болезнь словно дает ему возможность «ожить».

Можно констатировать, что убеждения Вадима Зацырко не спасают его от уныния и страха смерти. И хотя он чувствует в них некую ложь, например, ему не нравятся речи Сталина, которого отец боготворил, юноша, тем не менее, не смеет говорить об этом вслух, ибо «цельнее чувствует себя, когда исповедует восхищение, возвращенное с детства» [19, с. 244]. «Великий Покойник» (так мысленно называет его Вадим) «возвысил ученых, освободил их от мелких мыслей о зарплате, о квартире», а главное «от дрязг по устройству общества, воспитания недоразвитых, убеждения глупцов» [19, с. 244]. Таковы взгляды Вадима на роль ученого – он должен заниматься наукой – и только. Устройство общества, о котором задумывались еще античные философы, для него дрязги, преподавание – трата времени на недоразвитых, а просвещение, о котором пеклись умы XVIII и XIX столетий, – пустое убеждение глупцов, недостойных внимания

ученого. Сознание этого юноши, как показывает его речевой портрет, полностью извращено. Если для русского интеллигента, по мнению В.И. Карасика, характерно «уважительное отношение к другим людям», «вежливость, предупредительность и мягкость в общении» [6, с. 199], то ученого Зацырко нельзя отнести к данному лингвокультурному типу.

Можно отметить, что, говоря о собственном мнении, Вадим нередко прибегает к местоимению «мы»: «Мы не роботы. Мы ничего на веру не признаем» [19, с. 316], то есть делает заявления от имени целого поколения, однако поколение это, по справедливому замечанию А. Немзера, состоит еще и из Зои, Нэлли, Авиеты, Ахмаджана, то есть очень разных людей, не все из которых готовы разделить самонадеянные взгляды Вадима. Как жестко отмечает исследователь, «Вадим несет стопроцентную ахинею. Без сомнения, с чужого голоса... Хорохорясь друг перед другом, Авиета и Вадим одинаково равнодушны к литературе – любой. (Как и к жизни других людей, не входящих в их круги.)» [12, с. 164].

Интересно значение имени юноши: «в переводе с древнеславянского языка Вадим означает “имеющий привлекательность, зовущий, любимый”» [16], что, в целом, соответствует тому отношению к молодому, перспективному ученому, которого сам Вадим ждет от мира. Фамилию его можно толковать по-разному, однако нам представляется логичной ее связь с корнем «цирк», означающим «круг». Вадим не желает заглядывать за пределы того круга, в который сам себя заключил, бороться с идолами рода, пещеры, театра и рынка, о которых говорит другой персонаж повести, – Шулубин. Ему уютно в глухом кругу своих убеждений, научных истин и затверженных с детства шаблонных фраз.

Однако болезнь неумолимо разрушает убеждения молодого ученого, казавшиеся столь твердыми и непоколебимыми. Еще вчера юноша рассуждал, как противен ему блат – но вскоре он окончательно противопоставляет себя всем остальным, оттого что «не знали ни окружающие, ни лечащие, ни держащие в руках спасение, насколько было ему важнее выжить, чем всем другим!» [19, с. 295].

После погружения во внутреннюю мир Вадима посредством анализа его интериоризированной речи появля-

ется возможность вновь стать свидетелями его диалога с Шулубиным, который тоже является ученым и спрашивает с любопытством: «А вы уверены, что вы себя не изморяете?» [19, с. 296]. Отвечая на этот вопрос, Вадим формулирует свою жизненную позицию: «Это – интересно» [19, с. 296], однако Шулубин объявляет, что при таком отношении «наука не вышится над длинным рядом эгоистичных и совершенно безнравственных занятий» [19, с. 296]. Думается, трагедия Вадима заключается именно в том, что он, несмотря на свой талант, на способность к научному анализу фактов, мыслит, не выходя из круга раз и навсегда усвоенных штампов, даже не пытаясь понять своих собеседников или испытать к ним сочувствие. Казалось бы, он и Русанов – абсолютно разные люди, однако у них сходные взгляды на многое в жизни. Х. Мучник называет Русанова «жадным, самодовольным маленьким человеком» [11, с. 561], но Вадим, несмотря на свою ученость и избранность, во многом сближается с этим персонажем. Как Русанову нестерпима сама мысль о том, что он вынужден лежать в общей палате, так и Вадим считает себя избранным, особенным, полагает, что он выше других людей и вправе выносить обо всем собственные суждения. Не имея ни фронтового, ни лагерного опыта, он, например, заносчиво упрекает Костоглотова в том, что тот «не боролся» [19, с. 295]. Более того, он «не умел и не любил... утешать» [19, с. 235]. А не испытывая к ближним сострадания или хотя бы уважения, невозможно совершать ради них научные открытия.

Важно отметить, что синонимом научной работы для Вадима выступает движение. В связи с этим особенно символичен образ белки в колесе, которую Костоглотов видит в зоопарке. «Не было в клетке внешней силы, которая могла бы остановить колесо и спасти оттуда белку» [19, с. 388]. В жизни Вадима такая сила появляется. Это страшная болезнь, приведшая его в раковый корпус, столкнувшая с другими людьми и их устами призвавшая его задуматься о смысле жизни. Как говорит Шулубин, «мукой» можно заслужить «немного мысли» [19, с. 342]. Однако нельзя с уверенностью сказать, ждет ли Вадима прозрение. О нем сообщается лишь, что его перевели в другую, радиологическую, палату. Моло-

дой ученый, к сожалению, предстает в повести А.И. Солженицына как глубоко равнодушный к чужому мнению человек, детские коммуникативные навыки которого (усиленное штудирование учебников и речей Сталина в ущерб художественной литературе) сформировали языковую личность, наделенную богатыми коммуникативными возможностями, но склонную к доминантности в речевом поведении вплоть до нанесения обиды собеседнику. Устами Шулубина автор выносит приговор своему герою: не любя и не уважая ближнего, гонясь только за славой, он никогда «не создаст ничего нравственного» [19, с. 296]. Погоня за научными открытиями ради открытий делает жизнь ученого подобной бессмысленной беготне. Думается, история Вадима Зацырко может послужить суровым предостережением современным читателям повести, в особенности тем, кто посвящает себя науке.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в детальном изучении языковых личностей других персонажей повести «Раковый корпус», а также других текстов А.И. Солженицына и составлении их речевых портретов.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
3. Галь Н. Слово живое и мертвое. – М.: Время, 2011. – 592 с.
4. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – 550 с.
5. Есаулов И.А. Человек-вещь и христианское сознание // Постсоветские мифологии: структуры повседневности. – М.: Академика, 2015. – С. 445–458.
6. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛИБРОКОМ, 2019. – 264 с.
8. Ленец А.В. Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1999. – 16 с.
9. Ломова О.Е. Речевое поведение актеров в автобиографических текстах (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 19 с.
10. Мкртчян Т.Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 24 с.
11. Мучник Х. «Раковый корпус»: Судьба и вина // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008: сборник статей. – М.: Русский путь, 2010. – С. 558–574.

12. Немзер А.С. Девять этюдов к монографии о повести «Раковый корпус» // Солженицынские тетради: Материал и исследования. Вып. 6. – М.: Русский путь, 2018. – С. 121–170.
13. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. – Выпуск № 426. Язык. Поэтика. Перевод. – М.: МГЛУ, 1996. – С. 112–116.
14. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (На материале писем Ю. М. Лотмана): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2004. – 223 с.
15. Попова Е.А. Литературная коммуникация как объект изучения лингвистики нарратива // *Philologos*. – 2008. – №1-2(4). – С. 218–228.
16. Происхождение, характеристика и значение имени Вадим. [Электронный ресурс]. – URL: <https://my-calend.ru/names/vadim> (дата обращения: 26.06.2022).
17. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. – М.: Языки славянских культур, 2016. – 440 с.
18. Селиверстова Л.Н. Речевое поведение политических деятелей Германии XX века (на материале их публичных выступлений и мемуаров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2004. – 16 с.
19. Солженицын А.И. Раковый корпус // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – Т. 4. – 416 с.
20. Шурупова О.С. «Беспечный, счастливый человек» (опыт создания речевого портрета Русанова из повести А.И. Солженицына «Раковый корпус») // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2020. – № 2(67). – С. 147–156.
21. Шурупова О.С., Арбузова В.Ю. Языковая личность Л.К. Чуковской (на материале эпистолярных текстов) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 2241–2246.

Olga S. Shurupova

The Linguistic Person of Vadim Zatsyrko from “Cancer Ward” by A. I. Solzhenitsyn

The article is made within the framework of linguistic personology, taking into consideration the latest research on the linguistic personality. The relevance of the study is explained by the need to create speech portraits of the characters of the key texts of Russian literature. The purpose of this article was to create a speech portrait of Vadim Zatsyrko from “Cancer Ward” by A.I. Solzhenitsyn, a young scientist whose views largely coincide with the position of our contemporaries involved in science, and therefore the study of this character is especially topical. The object of the study is the text linguistic features, and the subject of the study is the speech and communication features of the character of the story. To achieve the goal of the study, methods of text analysis were used, including the descriptive method as well as the method of component analysis. The article identifies words that receive positive (terms) and negative evaluations (words of Christian themes) in the character’s vocabulary, describes the role of evaluative suffixes and such a punctuation mark as a dash in creating his speech portrait. It is noted that a vivid means of creating an artistic image are clichés and colloquial words expressing the character’s disdain for people, including his bride and hospital roommates. Cases of Vadim’s use of words with different meanings as contextual synonyms are revealed. The reading habits of the character and his quotation fund were analyzed, which made it possible to conclude that the character is quite ignorant in the field of fiction. At the same time, Vadim’s linguistic personality is prone to dominance in communicative behavior. The results of the study allow us to state how A.I. Solzhenitsyn reveals the inner world

of the character with the help of his discourse and demonstrates his position in life. These results can be applied in the study of the artistic image as a linguistic personality. Conclusions are drawn about the deep spiritual illness of Vadim Zatsyrko, which manifests itself in the fact that the words that denote positively assessed phenomena from the point of view of Russian culture acquire a negative connotation in the character's speech, while he uses the words "demon", "shoot", "flare up", etc. while thinking about himself, which indicates the process of "losing the soul" and reification of the character. Prospects for further research are outlined.

Ключевые слова: linguistic personality; improperly direct speech; internalized speech; speech portrait of the character; "Cancer Ward" by A.I. Solzhenitsyn; Vadim Zatsyrko; evaluation definitions; clichés; use of a dash; dominant speech behavior.

For citation: Shurupova, O.S. (2022). YAzykovaya lichnost' Vadima Zacyrko iz povesti A.I. Solzhenitsyna «Rakovyyj korpus» [The linguistic person of Vadim Zatsyrko from «Cancer Ward» by A.I. Solzhenitsyn]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 99–115. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_99

References

1. Vinogradov, V.V. *Izbrannyye trudy: O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected works: On the language of artistic prose]. Moscow: Nauka, 1980. 360 p. (In Russian).
2. Vorkachev, S.G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics] *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences]. 2001. No. 1. Pp. 64–72. (In Russian).
3. Gal', N. *Slovo zhivoye i mertvoye* [The word living and dead]. Moscow: Vremya Publ., 2011. 592 p. (In Russian).
4. Esaulov, I.A. *Russkaya klassika: novoye ponimaniye* [Russian classics: a new understanding]. St. Petersburg: RKHGA Publishing House, 2017. 550 p. (In Russian).
5. Esaulov, I.A. *Chelovek-veshch' i khristianskoye soznaniye* [Man-Thing and Christian Consciousness] *Postsovetskiye mifologii: struktury povsednevnosti* [Post-Soviet Mythologies: Structures of Everyday Life]. Moscow: Academician Publ., 2015. Pp. 445–458. (In Russian).
6. Karasik, V.I. *YAzykovyye klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnosis, 2009. 406 p. (In Russian).
7. Karaulov, YU.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2019. 264 p. (In Russian).
8. Lenets, A.V. *Pragmalingvisticheskaya diagnostika osobennostey rechevogo povedeniya nemetskogo uchitelya* [Pragmalinguistic diagnostics of the speech behavior of a German teacher: Abstract of the thesis... cand. philol. sciences]. Pyatigorsk, 1999. 16 p. (In Russian).
9. Lomova, O.E. *Rechevoye povedeniye akterov v avtobiograicheskikh tekstakh (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) Rechevoye povedeniye akterov v avtobiograicheskikh tekstakh (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Speech Behavior of Actors in Autobiographical Texts (on the Material of Russian and German Languages): Abstract of the thesis... cand. philol. sciences]. Rostov-on-Don, 2004. 19 p. (In Russian).
10. Mkrtychyan, T.Yu. *Rechevoye povedeniye zhurnalistov v politicheskom tele- i radiointerv'yu (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Speech Behavior of Journalists in Political TV and Radio Interviews (on the Material of Russian and English Languages): Abstract of the thesis... cand. philol. sciences]. Rostov-on-Don, 2004, 24 p. (In Russian).
11. Muchnik, K.H. «Rakovyy korpus»: *Sud'ba i vina* ["Cancer Ward": Fate and Guilt]. *Solzhenitsyn: myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaya kritika 1974–2008: Sbornik statey* [Solzhenitsyn: thinker, historian, artist. Western Criticism 1974–2008: Collection of articles]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2010. Pp. 558–574. (In Russian).
12. Nemzer, A.S. *Devyat' etyudov k monografii o povesti «Rakovyy korpus»* [Nine studies for a monograph on the story "Cancer Ward"] *Solzhenitsynskiy tetrad: Material i issledovaniya* [Solzhenitsyn notebooks: Material and research]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2018. Pp. 121–170 (In Russian).
13. Neroznan, V.P. *Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny* [Linguistic personology: towards determining the status of a discipline] *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Vypusk №426. YAzyk. Poetika. Perevod*. [Collection of scientific works of the Moscow State Linguistic University. Issue No. 426. Language. Poetics. Translation]. Moscow: MGLU, 1996. Pp. 112–116. (In Russian).

14. Parsamova, V.Ya. *Yazykovaya lichnost' uchenogo v epistolyarnykh tekstakh (Na materiale pisem YU.M. Lotmana)* [The Linguistic Personality of a Scientist in Epistolary Texts (Based on the Letters of Yu. M. Lotman): Thesis... cand. philol. sciences: 10.02.01]. Saratov, 2004. 223 p. (In Russian).

15. Popova, E.A. *Literaturnaya kommunikatsiya kak ob"yekt izucheniya lingvistiki narrativa* [Literary Communication as an Object of Study of Narrative Linguistics] *Filologos* [Philologos]. No 1-2 (4). 2008. Pp. 218–228. (In Russian).

16. *Proiskhozhdeniye, kharakteristika i znacheniyе imeni Vadim* [Origin, characteristics and meaning of the name Vadim]. Electronic resource. URL: <https://my-calend.ru/names/vadim> (date of access: 06.26.2022).

17. Sedov, K.F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2016. 440 p. (In Russian).

18. Seliverstova, L.N. *Rechevoye povedeniye politicheskikh deyateley Germanii KHKH veka (na materiale ikh publichnykh vystupleniy i memuaorov)* [Speech Behavior of Political Figures in Germany in the 20th Century (on the Material of Their Public Speeches and Memoirs). Abstract of the thesis... cand. philol. sciences]. Pyatigorsk, 2004. 16 p. (In Russian).

19. Solzhenitsyn, A.I. *Rakovyy korpus* [Cancer Ward]. *Maloye sobraniye sochineniy* [Small collected works]. Moscow: INCOM NV, 1991. Vol. 4. (In Russian).

20. Shurupova, O.S. «Bespечnyy, schastlivyy chelovek» (opyt sozdaniya rechevogo portreta Rusanova iz povesti A.I. Solzhenitsyna «Rakovyy korpus») [“Careless, happy man” (the experience of creating a speech portrait of Rusanov from A.I. Solzhenitsyn's story “Cancer Ward”)] *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Yesenina* [Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin]. 2020. No 2 (67). Pp. 147–156. (In Russian).

21. Shurupova, O.S., Arбузова, V.Yu. *Yazykovaya lichnost' L.K. Chukovskoy (na materiale epistolyarnykh tekstov)* [The linguistic personality of L.K. Chukovskaya (based on epistolary texts)] *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2021. Vol. 14. No. 7. Pp. 2241–2246. (In Russian).

дата получения: 18.07.2022 г.
дата принятия: 01.08.2022 г.

date of receiving: 18.07.2022
date of acceptance: 01.08.2022

М. А. Фокина, М. Шохра

Семантические оппозиции в романе Владимира Максимова «Ковчег для незванных»

В статье представлен комплексный анализ семантических оппозиций, эксплицирующих концептуальное содержание романа Владимира Максимова «Ковчег для незванных». В повествовательном произведении известного русского прозаика второй половины XX века выявляются основные смысловые противопоставления, обусловленные темой, проблематикой, сюжетом, композицией и системой образов художественного текста. Дается краткий обзор лингвистического изучения оппозиций в системе языка и речи, определяются своеобразие их структуры и семантики, ведущие средства и приемы создания. Характеризуются научные методы исследования и специфика языкового материала. Последовательно анализируются семантика заглавия и эпиграфа, ключевые эпизоды, построенные с использованием смысловых оппозиций.

Рассматриваются две сюжетные линии, параллельное развитие которых связано с контрастным изображением героев и событий их жизни. С помощью контекстуальной антонимии, выраженной лексико-фразеологическими и синтаксическими средствами, в романе формируются семантические оппозиции, создающие выразительные текстовые антитезы. В контекстном окружении осуществляется смысловое развертывание оппозиций путём использования ярких эпитетов, метафор, фразеологических единиц, интертекстуальных вкраплений, символических образов, что характеризует своеобразие идиостиля писателя, транслирует самобытные черты его языковой личности. Анализируемые метафорические оппозиции отражают противопоставление бесчеловечных авторитарных принципов государственной власти и гуманистических основ религиозной веры. В связи с этим характеризуются вставные эпизоды романа, которые основаны на библейских сюжетах о ветхозаветном Ное, о пророке Моисее и блужданиях евреев по пустыне.

В выводах обобщаются результаты исследования и определяются его перспективы. Семантические оппозиции являются ядерными компонентами метафорических полей, занимают одно из центральных мест в структурно-смысловой организации художественного повествования, выражают авторские интенции, формируют текстовую модальность, участвуют в развитии сюжетных линий и создании образов литературных персонажей.

Ключевые слова: семантическая оппозиция, антитеза, контекстуальная антонимия, библеизм, советизм, метафорическое поле, символ, концептуальное содержание.

Для цитирования: Фокина М.А., Шохра М. Семантические оппозиции в романе Владимира Максимова «Ковчег для незванных» / М.А. Фокина, М. Шохра // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 116–132. DOI 10.35231/25419803_2022_3_116

В романе Владимира Максимова «Ковчег для незванных» (1976) представлено художественное осмысление проблемы власти и личности, нравственного выбора человека в условиях социального влияния политической идеологии и укрепления духовно-религиозных ценностей в сложный период послевоенного времени. В произведении рассказывается о переселении тульских крестьян на Курильские острова. Автор показывает, как простые русские люди преодолевают дальний путь и начинают обживать чужую землю. Использование библейских образов и советизмов, характеризующих сталинскую эпоху, создает жизненные контрасты: бесчеловечной государственной власти противопоставляются гуманистические духовно-религиозные ценности.

Анализ метафорических оппозиций является важным этапом исследования особенностей структуры и семантики художественного текста, функционирования ведущих образных средств, которые раскрывают концептуальное содержание произведения и характеризуют индивидуальное своеобразие творческой манеры писателя.

Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью изучения семантических противопоставлений с позиций дискурсивного анализа текста, с учётом различных экстралингвистических факторов, определяющих специфику образно-речевой системы произведения. Новизна исследования определяется недостаточной изученностью языковой личности Владимира Максимова в отечественной лингвистике.

Цель исследования: филологический анализ метафорических оппозиций романа путём выявления семантически противопоставленных языковых средств на синтагматическом и парадигматическом уровнях текста. Основные задачи исследования: определить особенности структуры, семантики и функционирования текстовых оппозиций, связанных с развитием сюжетных линий разных героев произведения.

Научная гипотеза: семантические оппозиции способствуют отражению авторских интенций, эксплицируют концептуальное содержание романа, являются ядерными компонентами метафорических полей, объединяющих образные

речевые средства, которые ярко характеризуют идиостиль писателя.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова трактует оппозицию как противопоставление: это «различие двух (или более) однородных языковых единиц, способное выполнять семиологическую функцию, т.е. быть семиологически релевантным» [3, с. 358]. Исследовательница выделяет несколько видов противопоставлений: билатеральное (двустороннее); бинарное (парное, двоякое); градуальное (ступенчатое); эквиполентное (равнозначное) и др. [3, с. 358–359].

Теория языковых оппозиций была впервые разработана Н.С. Трубецким в его фундаментальном исследовании «Основы фонологии» [19]. Характеризуя системность фонем, учёный обосновал классификацию смыслоразличительных оппозиций, выделил привативные, градуальные и эквиполентные отношения между членами оппозиции. Идеи Трубецкого получили дальнейшее развитие в отечественном языкознании. Р.О. Якобсон применил классификацию фонологических оппозиций по отношению к грамматическим категориям [23]. В.Г. Гак охарактеризовал онтологические и прагматические оппозиции: первые получают закрепление в словарном фонде языковой системы, а вторые служат конкретным прагматическим задачам автора в конкретной ситуации [6]. К прагматическим оппозициям относятся текстовые оппозиции. В исследовании Т.В. Григорьевой выявляется соотношение терминов, отражающих идею оппозиционности. Рассматриваются близкие по значению понятия: противоположность, противопоставление, противоречие, бинарность, антоним и др. [7, с. 19–27]. Наиболее общим по смыслу и свободным в употреблении исследовательница считает термин «противопоставление». Она выделяет три вида противопоставлений: противопоставление через отрицание любого понятия, антитезу и антонимию. Часто смысловые оппозиции получают выражение в языке в виде антонимической пары. Изучению антонимии и антонимических оппозиций посвящены исследования К.В. Гудковой [8], Л.А. Новикова [14–15], S. Jones [25] и др. Антитезы на материале русских пословиц характеризуются в книге Т.Г. Бочиной [5].

В современной лингвистике активно изучаются различные типы семантических оппозиций в системе речи [2; 9; 10; 18; 22; 24]. Большинство исследователей характеризуют текстовые оппозиции в политическом и /или публицистическом дискурсах: Т.В. Дубровская рассматривает оппозицию *сила – слабость* [9], а Е.В. Кишина – оппозицию *свой – чужой* [10] в политическом дискурсе; А.В. Щербаков анализирует основные приемы создания контраста в текстах современных российских СМИ [22] и др. Меньше изучены семантические оппозиции в художественном дискурсе, где они становятся яркими метафорами, отражающими концептуальное содержание литературного произведения. А.А. Осипова анализирует смысловые противопоставления советизмов и библеизмов в романе Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» [16]. Исследовательница обращает внимание на контекстное окружение семантических оппозиций, выявляет языковые особенности конкретизации их содержания с помощью системы речевых образных средств. Нередко в художественном тексте создается обширное метафорическое поле, которое представляет собой «структурированное множество метафорических элементов, совокупность словесных ассоциаций, группируемых вокруг образного стержня, ядерного тропа художественного текста» [1, с. 288]. Разновидностью метафорического поля являются ключевые образные поля, которые рассматриваются в исследовании Н.А. Николиной и З.Ю. Петровой в текстах современной русской прозы [13]. Авторы статьи характеризуют компаративные конструкции, связанные с развитием темы и сюжета произведения, его идейно-эстетическим содержанием и системой образов. В этом плане представляется актуальным и перспективным дальнейшее исследование в повествовательном дискурсе таких семантических оппозиций, которые являются ядерными компонентами метафорических полей и выполняют текстообразующую функцию.

Объектом научного исследования является текст романа Владимира Максимова «Ковчег для незваных». Языковым материалом послужили ключевые контексты – фрагменты произведения, в которых представлены семантические оппозиции, обусловленные темой, проблематикой, сюжет-

но-композиционными особенностями и системой образов романа. Анализируются сильные позиции текста (заглавие, эпиграф, начало и финал произведения), кульминационные эпизоды, фрагменты интертекста. Исследуемые контексты относятся к различным субъектно-речевым планам (монологическое слово третьего лица повествователя; прямая, внутренняя, косвенная и несобственно-прямая речь героев). Представленная работа базируется на принципах филологического анализа художественного текста: историзма, антропоцентричности и культурологической направленности. Используются различные методы исследования: описательный и оппозитивный методы, метод семантического анализа языковых единиц, метод интертекстуального анализа текста и др. Оппозитивный метод анализа художественного текста получил научное обоснование в исследовании Л.А. Новикова: «Оппозитивные (контрастные) свойства единиц разных уровней, степени сложности и характера определённым образом согласуются с их употреблением (дистрибуцией) в тексте... Оппозиции как глубинные структуры образов раскрывают суть их содержания и эстетической значимости, концентрируя внимание читателя на главном, доминирующем в них и делая само изучение текста более определённым и точным... Использование приёма оппозиций в анализе поэтики литературных произведений позволяет раскрыть семантико-эстетические функции словесных образов как обозначений персонажей и их поступков, различных фактов, событий, оценок художественно моделируемой действительности» [15, с. 270–271].

В романе Владимира Максимова прослеживается смысловая параллель переселения русских людей на Курильские острова с библейским сюжетом о Моисее и сорокалетнем странствовании евреев по пустыне. И если Моисей в конечном итоге спасает свой народ, то государственная затея Сталина рушится: автор показывает в финале романа, как после извержения курильского вулкана многие переселенцы гибнут, спасаются только двое. Смысловое противопоставление отражено автором уже в названии и эпиграфе к роману. Заголовочная метафора «Ковчег для незваных» представляет собой контаминацию двух известных библей-

ских выражений: ветхозаветного *Ноев ковчег* книжн. высок. 'средство спасения при бедствии'; публ. 'о разнородном по своему составу собрании людей' [4, с. 331] и евангельского афоризма *Ибо много званых, а мало избранных*, использованного писателем в качестве эпиграфа. В заглавии осуществляется замена компонента *званых* > *незваных*, что приводит к образованию противоположных смыслов. Пренебрегая заветами предков, забыв о Боге, безжалостно бросив родные края, переселенцы не находят желанного счастья: чужая земля не принимает «незваных».

Роман содержит вставные текстовые фрагменты, непосредственно не связанные с фабулой произведения. Такие эпизоды графически выделены в подглавки и оформлены курсивом. Они воспроизводят предполагаемые диалоги на небесах Бога со Спасителем Мира, Сыном Человеческим, а также представляют собой творческие переосмысления автором библейского сюжета о скитаниях евреев в Синайской пустыне. Лейтмотив долгого, трудного пути разворачивается на протяжении всего произведения. Создается обширное семантическое поле, раскрывающее смысл заглавия романа «Ковчег для незваных»: «утлые лодчонки... пятистенников плыли без руля и без ветрил по мутным водам российского безвременья»; «земля показалась ему огромным плывущим сквозь ночь кораблём куда-то ещё к неведомым ей самой берегам»; «этот выдавший виды железнодорожный чёлн должен был стать теперь для всех их домом и крепостью на много дней пути» [11, с. 7, 9, 14]. Семантический ряд лексем *лодчонки* – *корабль* – *чёлн* со значением 'судно, средство передвижения по воде' приобретают в романе метафорический смысл, становятся сквозными образами-символами, с помощью которых автор изображает не только конкретный путь русских людей на чужие и далёкие Курилы, но и достигает глубоких социально-философских обобщений, размышляя о переменчивости жизни, поступательном движении времени, непостоянстве мира. Создается динамическая картина окружающего бытия: плывут деревенские дома-пятистенники, земля, мир, люди. В результате усиления интертекстуальных связей романа с библейскими источниками происходит глобальное разворачивание сквоз-

ного образа, восходящего в Ветхом Завете и пронизывающего всю мировую культуру: сущее уподобляется течению реки.

Рассмотрим систему текстовых оппозиций, раскрывающих противопоставление государственной власти и божественной силы, на примере двух сюжетных линий, связанных с изображением жизненного пути разных героев: Ильи Золотарева, молодого карьериста, перспективного руководителя, и братьев Загладиных, Ивана и Матвея, – скромных, бескорыстных, трудолюбивых рабочих людей, репрессированных атеистической советской властью за религиозные убеждения. Когда-то давно Загладины были свидетелями подлого поступка Золотарева: ради собственной карьеры он сделал лживый донос на невиновного человека, впоследствии незаконно расстрелянного. Рассказывая о крутых поворотах судьбы Ильи Золотарева, писатель создает контекстуальную антонимию с помощью ключевых развернутых метафор *служебная лестница – наклонная плоскость*, которые характеризуют противоположные жизненные ценности: карьерный рост, достижение высокого социального статуса и нравственное падение, духовную деградацию человека. Продвижение *по служебной лестнице ‘по восходящей линии, от более низкой должности к более высокой’* [20, с. 348] приводит героя к предательству и полному моральному краху:

«... Золотарев впервые сел за *письменный стол*, ощутил под собой твердую устойчивость *стула*, вдохнул бессмысленно хлопотной атмосферы *присутственного места*... И он тихой сапой дрался не на жизнь, а на смерть за каждую пядь своего *места под солнцем*, расталкивая локтями близстоящих, а иногда и перешагивая через них, пока, лихо меняя *очередной стул на лучший*, не пересел в *номенклатурное кресло* и не пророс в него всеми своими конечностями и корешками. По той же причине Золотарев не женился по сию пору: боялся в семейной сутолоке упустить ещё один возможный шанс в своем *служебном подъеме*»; «Слепой в прошлом энтузиазм сделался для него сознательной и удобной личиной, с помощью которой он мог свободно плавать в капризных водах *номенклатурного моря*»; «Он ве-

рил, что... его судьбе суждено круто и бесповоротно измениться: *в иерархическом подъеме он выходил на последнюю прямую, и на этом пути любой ложный шаг мог стать для него смертельным*»; «Золотарев не сомневался, что отныне собственная судьба у него в руках, что поездка на Курилы станет началом его очередного восхождения и что главное в отведенной ему ниве жизни только начинается»; «Пусть этот Золотарев... проявит себя в самостоятельном деле, хлебнет хозяйского лиха вдали от кабинетной крепости, а выдержит, тогда можно будет подставить парню для пробы ещё ступеньку»; «Золотарев знал, чего от него ждут и, случись это в другой раз и в иной ситуации, ему не пришлось бы долго раздумывать над линией своего поведения. Но сейчас, прежде чем безоглядно пуститься по привычной наклонной, он на мгновение замер и похолодел, словно перед прыжком в студеную воду. Правда, колебание это длилось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы набрать полную грудь воздуха, а затем его понесло без сучка и задоринки, как по надежной шпаргалке. Он разливался перед ними хорошо вышколенным соловьем, на ходу угадывая их желания и не ожидая понуканий или подсказок: он жёг мосты, он развеивал душу по ветру, он окончательно прощался с самим собою, ему не о чем было больше сожалеть и не в чем раскаиваться»; «в нем... пробудилось горделивое сознание своей причастности к некоему избранному кругу, к племени победителей, к тем, кто управляет, а не подчиняется»; «Вокруг него зияла пустота, вся в призраках и руинах минувших встреч, неначатых дружб, несостоявшихся связей: он уйдет, исчезнет, превратится в прах, в пыль, не оставив после себя ни следа, ни памяти. И горше всего для Золотарева было сознавать, что эту долю он выбрал себе сам, что у него давно не осталось ни сил, ни желания что-либо исправлять в своей судьбе и что завтра утром он встанет и, не сожалея ни о чем, двинется дальше, по той же наклонной плоскости» [11, с. 21, 22, 29, 39, 62, 86, 92].

Карьерный рост партийного чиновника последовательно выражается лексико-фразеологическими средствами, которые способствуют развертыванию метафоры *служебная лестница: очередной стул; письменный стол; присутствен-*

ное место; место под солнцем; номенклатурное кресло; служебный подъем; номенклатурное море; иерархический подъем; очередное восхождение; ещё ступенька; избранный круг. Фразеологизмы с общим компонентом *присутственное место* устар. 'государственное учреждение; департамент, канцелярия, контора и т.п.' и *место под солнцем* книжн. высок. 'прочное, высокое положение в обществе' [20, с. 75] создают авторскую иронию и актуализируют в контексте семы 'престижная должность; солидный социальный статус'. Метафоры *номенклатурное кресло*, *номенклатурное море* содержат лексический повтор и восходят к советизму *номенклатура* собир. 'руководящие партийно-правительственные работники, имеющие привилегии во всех областях жизни' [12, с. 376]. Духовная деградация героя характеризуется с помощью фразеологизмов *пуститься по привычной наклонной*; *двинется... по той же наклонной плоскости* (*катиться по наклонной плоскости* экспрес. 'опускаться в нравственном отношении; терять моральные качества') [20, с. 295]. В контексте используется фразеонабор, который конкретизирует семантику устойчивого оборота *пуститься по наклонной плоскости*, раскрывает негативные качества героя: *разливался хорошо вышколенным соловьём*; *жёг мосты*; *развеивал душу по ветру* (*разливаться соловьём* разг. ирон. 'говорить с излишним увлечением о чём-либо незначительном'); *сжигать мосты* книжн. экспрес. 'решительно порывать с чем-либо прошлым, делать невозможным возврат к нему'; *развеивать по ветру* устар. неодобр. 'легкомысленно, бесцельно тратить ценности, деньги') [21, с. 177, 182, 235]. Расширение компонентного состава устойчивого оборота *развеивать по ветру* – *развеивал душу по ветру* путём добавления лексемы *душа* изменяет семантику фразеологизма: в тексте говорится не о материальном содержании, а о духовных ценностях, которые постепенно утрачивает герой в погоне за служебным успехом.

Карьеристским устремлениям лицемерного, эгоистичного, бесчестного Золотарева противопоставлена жизненная позиция братьев Загладиных, исповедующих христианские идеи. Смысловая оппозиция выражена текстовой антитезой:

«Листая личное дело Матвея, Золотарев как бы обозревал собственную жизнь в сопоставлении с жизнью своего бывшего подчиненного. Выходило – чем круче и выше возносилась спираль его удачливой судьбы, тем отвеснее и безысходней делались зигзаги Матвея по наклонной нищенского прозябания: судимость за бродяжничество перед самой войной, голодная эвакуация в Казахстан и административная ссылка впоследствии» [11, с. 168].

Антитезу образуют метафоры *спираль удачливой судьбы – зигзаги по наклонной нищенского прозябания*, в составе которых соотносительные лексические компоненты становятся контекстуальными антонимами: *спираль – зигзаги; удачливый – нищенский; судьба – прозябание*. Служебное возвышение морально опустившегося Золотарева изображается параллельно социальному падению нравственно чистого, неподкупного Матвея, старшего из братьев Загладиных, ставшего добровольным проповедником божественных заповедей на далеких Курилах, решительно отказавшегося от предлагаемого ему высокого религиозного сана. При встрече с Золотаревым Матвей прямо говорит о том, что советская власть никогда не сможет до конца разрушить многовековых христианских устоев:

«... *ваша власть и держится-то тридцать годов*, и сколько ещё продержится – это ещё бабушка надвое сказала, а *наша вера две тыщи лет стоит*, и сносу ей никогда не будет, помни, оттого-то мы и знаем всегда больше вас, всё видим» [11, с. 170–171].

Смысловая оппозиция выражена антитезой: *ваша власть и держится-то тридцать годов, а наша вера две тыщи лет стоит*. Семантическое противопоставление образуют словосочетания: *ваша власть – наша вера; тридцать годов – две тыщи лет*.

В письме младшему брату Ивану Матвей сообщает о своем отказе возглавить церковный приход: «От прихода я отказался, хоть из самой Москвы бумага была дадена, видно, востёр глаз патриарший, везде в соблазн вводит, только не по мне сия милость, потому как и митра их – прелесть

дьявольская, а патриарший клубок одна фальшь. С Божьей помощью воскресим Тело истинной Церкви Христовой, восстанет Матерь из праха в прежней красе и силе» [11, с. 179].

Слова Матвея построены на контрасте земного и небесного, дьявольского и божеского. Старший Загладин считает власть, даже церковную, большим искушением, она может погубить душу истинно верующего человека: *в соблазн вводит (вводит в грех устар. 'соблазнять; побуждать к недозволенному')* [20, с. 64]; *прелесть дьявольская (дьявольский 'такой, как у дьявола; злобный, коварный')* [17, с. 460]; *фальшь*. Он надеется на силу и могущество божественного слова, верит в преумножение числа христиан, способных укрепить православие: *с Божьей помощью воскресим; восстанет из праха (восстать из праха книжн. экспрес. 'возродиться')* [20, с. 98].

Под впечатлением от роковой встречи с Матвеем Илья Золотарев окончательно понимает, что он неправильно и нечестно строил свою жизнь, преследовал ложные цели, любой ценой стремился продвинуться по службе, не считаясь с окружающими людьми, нередко принося им боль и страдания: «Только сейчас, здесь, на краю света он с горечью осознал: то, что оставалось у него позади, ... было дорогой к этой вот нищей землянке, где его настиг призрак тяжкого груза давней молодости... И в том, что она – эта расплата – должна была настичь в пределах, где завершалась его земля и начиналось чужое небо, таился для него какой-то особый, ещё непостижимый ему смысл» [11, с. 171].

Семантическая оппозиция *завершалась его земля и начиналось чужое небо* содержит антонимические пары: *завершалось – начиналась; земля – небо*. Раскаявшийся Золотарев осознает, что у него нет будущего в новой жизни на новой земле, греховное прошлое не дает шансов на духовное спасение, поэтому герой сам выносит себе строгий приговор: добровольно уходит в мир иной, утонув в океане в разгар стихии. Контрастные метафоры *земля – небо* символизируют здесь прошлое и будущее, тёмные, низкие стороны прежней жизни и светлые, высокие перспективы завтрашнего дня.

В одном из вставных эпизодов содержится объяснение, почему в конце романа гибнут многие, а спасаются только

двое. В открытом океане тонет корабль. Перед неминуемой гибелью один человек представляет внутренний диалог со своей Судьбой:

«– Ты позаботилась о том, чтобы я сел именно на этот плавучий гроб, ещё в молодости предупредив меня о моей участи, но... за какие грехи вместе со мной должно погибнуть столько невинных?

– Успокойся, двадцать лет я собирала вас по всей земле на эту посудину, поверь – это была хлопотная работёнка!» [11, с. 145].

Семантический ряд *корабль – плавучий гроб – посудина* образует смысловые ассоциации с заглавием романа «Ковчег для незваных». Пророческие слова Судьбы предвещают последующее повествование об извержении вулкана, сильном цунами и трагической гибели многих переселенцев. Автор постепенно подготавливает читательское восприятие кульминационных событий романа. По мысли писателя, курильская стихия является неотвратимым наказанием для грешных людей, пренебрегающих нравственными ценностями, высокими моральными принципами. На протяжении романа несколько раз перифразируется эпиграф произведения, что способствует экспликации его смысла: *Народу много, а людей нету; Своих много, да все чужие*. Перифразы образуют семантические оппозиции, созданные по модели, аналогичной интертекстеме *Ибо много званых, но мало избранных*: они построены на антитезе, содержащей контекстуальные антонимы *народ – люди; свои – чужие*, и содержат общий компонент *много*. Безликая толпа духовно падших людей противопоставляется немногим цельным личностям, сохранившим свою внутреннюю индивидуальность, лучшие человеческие качества. Поэтому заглавие «Ковчег для незваных», обладая многомерными, объемными смыслами, приобретает также семантику, контрастную значению библеизма *Ноев ковчег*: символизирует возмездие, наказание за богоотступничество и грешную жизнь. Так формируется дизъюнктивная оппозиция, поскольку исходный словесный образ, творчески переосмысленный писателем, сводится к противоположному содержанию.

В финале романа актуализируются христианские идеи гуманизма, усиливается оптимистический, жизнеутверждающий пафос, создается позитивная эмоциональная тональность текста. Двое молодых героев, Фёдор и Любовь, спасаясь от стихии, неожиданно оказываются у японских берегов, видят чужой флаг, изображение восходящего солнца на белом поле, которое означает для них начало новой жизни. Писатель завершает повествование ветхозаветной цитатой из Книги Бытия, где говорится о спасении Ноя. Заключительная фраза романа, библейская цитата, провозглашает торжество земной жизни и передает великую силу божественной воли: «Впредь во все дни земли сеянье и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» [11, с. 190].

В романе Владимира Максимова «Ковчег для незваных» создается речевая система семантических оппозиций, которые участвуют в экспликации концептуального содержания текста, организации художественного повествования и его отдельных сюжетных линий, создании образов литературных персонажей, формировании текстовой модальности. Семантические оппозиции основываются на выразительных антитезах, которые создаются с помощью контекстуальной антонимии. Смысловое развертывание метафорических противопоставлений осуществляется путём семантического взаимодействия лексических, фразеологических и синтаксических средств, которые объединяются в ключевые образные поля, обеспечивающие структурную и содержательную целостность всего романа. Специфической особенностью идиостиля писателя, оригинальной чертой его языковой личности является активное использование библейских образов и сюжетов. Интертекстуальные фрагменты ветхозаветной истории включаются в повествование о событиях советской действительности, в результате чего формируется противопоставленность двух непримиримых позиций: авторитарность атеистической государственной власти и гуманизм христианских идей.

Комплексное изучение семантических оппозиций в художественном повествовании может быть углублено и продолжено с учётом особенностей коммуникативной организации текста, его основных прагматических свойств и нарратив-

ных характеристик, а также в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах с точки зрения языковой репрезентации базовых концептов, образующих бинарные противопоставления.

Список литературы

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2019. – 333 с.
2. Андреева Г.В. Процедуры анализа контекста, организованного принципом контраста // Текст и его компоненты как объект комплексного анализа: сб. науч. ст. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986. – С. 3–10.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
4. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. – 623 с.
5. Бочина Т.Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2002. – 196 с.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
7. Григорьева Т.В. Метафорическая оппозиция «верх – низ» как способ языковой интерпретации действительности // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 2. – С. 33–38.
8. Гудкова К.В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях // Вестник СПбГУ. – 2012. – Серия 9. – № 3. – С. 68–71.
9. Дубровская Т.В. Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «сила vs слабость») // Научный диалог. – 2016. – № 7. – С. 23–27.
10. Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – №4 (48). – С. 174–179.
11. Максимов В.Е. Ковчег для незваных: Романы / В.Е. Максимов. – М.: Воскресенье, 1994. – 368 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
13. Николина Н.А., Петрова З.Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 4. – С. 93–101.
14. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1973. – 290 с.
15. Новиков Л.А. Оппозитивный метод в поэтике // Структура и семантика художественного текста: доклады VII Международной научной конференции. – М.: СпортАкадемПресс, 1999. – С. 269–279.
16. Осипова А.А. Интертексты-советизмы и библейские реминисценции в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сборник докладов международной научной конференции / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С. 351–358.
17. Словарь русского языка: в 4 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1985. – Том 1. – 696 с.
18. Сысоев В.А. Бинарные оппозиции в языке и речи // Экология языка на перекрестке наук: сб. науч. ст. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2010. – С. 266–271.
19. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича; под ред. С.Д. Кацнельсона. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

20. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1. – 391 с.
21. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 2. – 396 с.
22. Щербаков А.В. Приемы контраста в текстах современных российских СМИ // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сб. науч. работ, посвящённых 80-летию А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009. – С. 390–395.
23. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.
24. Jeffris, L. Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning. – London: Continuum, 2010. – 150 p.
25. Jones, S. Antonymy: A corpus-based perspective. – London: Routledge, 2002. – 212 p.

Madina A. Fokina, Mohammed Shohra

Semantic Oppositions in Vladimir Maksimov's Novel "The Ark for the Uninvited"

The article presents a comprehensive analysis of semantic oppositions that explicate the conceptual content of Vladimir Maksimov's novel "The Ark for the Uninvited". The main semantic opposition caused by the topic, issues, plot, compositions and system of images of the literary text are identified in the narrative work of the famous Russian prose writer of the second half of the 20th century. The authors of the article give a brief overview of the linguistic study of oppositions in the system of language and speech and dwell on the originality of their structure and semantics, the leading means and methods of creation. The article characterizes scientific methods of research and the specifics of the language material. The semantics of the title and epigraph, key episodes created with the help of semantic oppositions are analyzed. The authors examine two storylines, the parallel development of which is associated with a contrasting image of the characters and the events of their lives. Semantic oppositions are formed in the novel with the help of contextual antonymy, expressed by lexical, phraseological and syntactic means, which creates expressive textual antitheses: the service ladder is an inclined plane; the spiral of a lucky fate – the zig-zags of a beggarly existence; power lasts thirty years – faith is worth two thousand years; his earth ended – someone else's sky began. With the help of contextual antonymy, expressed by lexical, phraseological and syntactic means, semantic oppositions are formed in the novel, creating expressive textual antitheses. In the contextual environment, the semantic deployment of oppositions is carried out through the use of vivid epithets, metaphors, phraseological units, intertextual inclusions, symbolic images, which characterizes the originality of the writer's individual style, underlines the original features of his linguistic personality. The analyzed metaphorical oppositions reflect the opposition between the inhuman, authoritarian principles of state power and the humanistic foundations of religious faith. The authors of the article also analyze the inserted episodes of the novel, which are based on biblical stories about the Old Testament Noah, the prophet Moses and the wanderings of the Jews in the desert. The conclusions summarize the results of the study and define its prospects. Semantic oppositions are the core components of metaphorical fields, they occupy one of the central places in the structural and semantic organization of narration, express the author's intentions, form textual modality, participate in the development of storylines and the creation of images of literary characters.

Key words: semantic opposition, antithesis, contextual antonymy, biblical expression, sovietism, metaphorical field, symbol, conceptual content.

For citation: Fokina, M.A., Shohra, M. (2022). Semanticheskie oppozicii v romane Vladimira Maksimova «Kovcheg dlya nezvanyh» [Semantic oppositions in Vladimir Maksimov's novel «The Ark for the Uninvited»]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 116–132. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_116

References

1. Abramov, V.P. *Semanticheskie polya russkogo yazyka* [Semantic fields of the Russian language]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka, 2019. 333 p. (In Russian).
2. Andreeva, G.V. *Procedury analiza konteksta, organizovannogo principom kontrasta* [Procedures for analyzing the context organized by the principle of contrast] *Tekst i ego komponenty kak ob'ekt kompleksnogo analiza: sb. nauch. st.* [Text and its components as an object of complex analysis: collection of scientific articles]. Leningrad: LGPI im. A.I. Gercena, 1986. Pp. 3–10. (In Russian).
3. Ahmanova, O.S. *Slovar' lingvistikeshkiht erminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 571 p. (In Russian).
4. Berkov, V.P. *Bol'shoy slovar' krylatyh slov russkogo yazyka* [Unabridged dictionary of winged words of the Russian language] V.P. Berkov, V.M. Mokienco, S.G. SHulezhkova. Moscow: AST: Astrel': Russkieslovari Publ., 2005. 623 p. (In Russian).
5. Bochina, T.G. *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovic* [Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 196 p. (In Russian).
6. Gak, V.G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformation]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 768 p. (In Russian).
7. Grigor'eva, T.V. *Metaforicheskaya oppozitsiya «verh – niz» kak sposob yazykovoj interpretatsii dejstvitel'nosti* [Metaphorical opposition 'top – bottom' as a way of linguistic interpretation of reality] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics]. 2014. No 2. Pp. 33–38 (In Russian).
8. Gudkova, K.V. *K voprosu ob antonimicheskikh i binarnyh oppozitsiyah* [On the issue of antonymic and binary oppositions] *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. 2012. Seriya 9. No 3. Pp. 68–71. (In Russian).
9. Dubrovskaya, T.V. *Metodologicheskie voprosy issledovaniya oppozitsij v politicheskom diskurse (na primere oppozitsii «sila vs slabost'») [Methodological issues in the study of oppositions in political discourse (on the example of the opposition 'strength vs weakness')] *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2016. No 7. Pp. 23–27. (In Russian).*
10. Kishina, E.V. *Semanticheskaya oppozitsiya «svoj – chuzhoj» kak realizatsiya ideologo-manipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov* [Semantic opposition 'friend or foe' as a realization of the ideological and manipulative potential of political discourses] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2011. No 4 (48). Pp. 174–179. (In Russian).
11. Maksimov, V.E. *Kovcheg dlya nezvanyh: Romany* [The Ark for the Uninvited: Novels]. Moscow: Voskresen'e Publ., 1994. 368 p. (In Russian).
12. Mokienco, V.M., Nikitina T.G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdeprii* [Explanatory dictionary of the language of the Soviets]. St. Petersburg: Folio-Press Publ., 1998. 704 p. (In Russian).
13. Nikolina, N.A., Petrova Z.Yu. *Klyuchebye obraznye polya v tekstah sovremennoj russkoj prozy* [Key figurative fields in the texts of modern Russian prose] *Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin]. 2021. No 4. Pp. 93–101. (In Russian).
14. Novikov, L.A. *Antonimiya v russkom yazyke (semanticheskij analiz protivopolozhnosti v leksike)* [Antonymy in Russian (semantic analysis of opposites in vocabulary)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1973. 290 p. (In Russian).
15. Novikov, L.A. *Oppozitivnyj metod v poetike* [Oppositional Method in Poetics] *Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta: doklady VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*

[Structure and semantics of a literary text: reports of the VII International scientific conference]. Moscow: SportAkademPress, 1999. Pp. 269–279. (In Russian).

16. Osipova, A.A. *Intertekstemy-sovetizmy i biblejskie reminiscencii v romane V.P. Astaf'eva «Proklyaty i ubity»* [Intertextems-Sovietisms and Biblical Reminiscences in V.P. Astafiev' Cursed and Killed] *Intertekst v hudozhestvennom i publicisticheskom diskurse: sbornik dokladov mezhdunarodno jnauchnoj konferencii / red.-sost. S.G. SHulezhkova* [Intertext in literary and journalistic discourse: collection of reports of the international scientific conference]. Magnitogorsk: Izd-voMaGU, 2003. Pp. 351–358. (In Russian).

17. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomah* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes] AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod red. A.P. Evgen'evoj. 3-e izd. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1985. Tom 1. 696 p. (In Russian).

18. Sysoev, V.A. *Binarnye oppozicii v yazyke i rechi* [Binary oppositions in language and speech] *Ekologiya yazyka na perekrestke nauk: sb. nauch. st.* [Ecology of language at the crossroads of sciences: collection of scientific articles]. Tyumen': Tyumenskij gosudarstvennyj universitet, 2010. Pp. 266–271. (In Russian).

19. Trubeckoj, N.S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology] per. s nem. A.A. Holodovicha; pod red. S.D. Kacnel'sona. Moscow: Aspekt Press Publ., 2000. 352 p. (In Russian).

20. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 volumes] Sost. A.I. Fedorov. Moscow: Citadel' Publ., 1997. Tom 1. 391 p. (In Russian).

21. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 volumes] Sost. A.I. Fedorov. Moscow: Citadel' Publ., 1997. T. 2. 396 p. (In Russian).

22. Shcherbakov, A.V. *Priemy kontrasta v tekstah sovremennyh rossijskih SMI* [Techniques of contrast in the texts of modern Russian media] *Rechevoe obschchenie i voprosy ekologii russkogo yazyka: sb. nauch. rabot, posvyashchyonnyh 80-letiyu A.P. Skovorodnikova* [Speech communication and questions of ecology of the Russian language: Sat. scientific works dedicated to the 80th anniversary of A.P. Skovorodnikova]. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2009. Pp. 390–395. (In Russian).

23. Jakobson R.O. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., 1985. 460 p. (In Russian).

24. Jeffris, L. *Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning*. London: Continuum, 2010. 150 p. (In English).

25. Jones, S. *Antonymy: A corpus-based perspective*. London: Routledge, 2002. 212 p. (In English).

дата получения: 22.07.2022 г.
дата принятия: 04.08.2022 г.

date of receiving: 22.07.2022
date of acceptance: 04.08.2022

Н. А. Козельская, Е. П. Пшеничная

Аспекты формирования терминосистемы рукоделия в дискурсе социальной практики хендмейда

В статье рассматриваются аспекты формирования терминосистемы рукоделия. Анализируется происхождение, семантика и деривация слов, обозначающих виды рукоделия, как системообразующие факторы. Лексика рукоделия стихийно формируется как отраслевая терминосистема, отличительной особенностью которой является тесное переплетение слов повседневного общения, собственно терминов, в том числе заимствованных, профессионализмов, а также окказиональных новообразований разговорного характера.

Ключевые слова: термин, терминология, рукоделие, парадигматика, словообразование.

Для цитирования: Козельская Н.А., Пшеничная Е.П. Аспекты формирования терминосистемы рукоделия в дискурсе социальной практики хендмейда / Н.А. Козельская, Е.П. Пшеничная // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 133–145. DOI 10.35231/25419803_2022_3_133

Иntenсивный процесс развития в XXI веке культурного феномена хендмейда – изготовления изделий своими руками с помощью различных техник рукоделия – привлекает пристальное внимание социологов и лингвистов [3; 7]. Если социологи стремятся осмыслить хендмейд как результат полилога культур, развивающегося в условиях виртуальной коммуникации в социальных сетях [2], то лингвистов интересуют «основные закономерности номинации объектов, субъектов, процессов и методов данной сферы

деятельности человека» [7, с. 154]. Исследовательница рассмотрела проблему формирования терминологии современного рукоделия с экстралингвистической и лингвистической точек зрения, выявила основные категории, которые определяют развитие лексики рукоделия как отраслевой терминологии: «кто занимается рукоделием (наименования лиц), какие инструменты и методы использует (наименования предметов и методов), каким видом рукоделия (наименования видов и способов), в каком стиле выполнено изделие (наименования стилей)» [7, с. 155]), обратила внимания на пути расширения номинаций в этой сфере за счет активного заимствования слов целыми микросистемами. В работе О.Т. Косаренко и С.В. Косаренко углубленному изучению были подвергнуты неологизмы ЛСГ «Скрапбукинг». Авторы обратились к проблеме «ускоренной адаптации», семантико-деривационной ассимиляции иноязычных слов в сфере специальной лексики под влиянием системы русского языка [3].

Цель нашего исследования состояла в исследовании лексики рукоделия как формирующейся терминологической системы, элементы которой связаны языковыми отношениями разного типа.

Материал исследования сформирован в результате сплошной выборки из национального корпуса русского языка, статей из специализированных журналов, анкетирования, интернет-ресурсов. Картотека насчитывает более 500 словоупотреблений.

Традиционно понятие рукоделия связывается с шитьем и вязанием, о чем свидетельствуют словари. Так, по обобщенным данным современных толковых словарей русского языка [1; 4; 5; 6] слово РУКОДЕЛИЕ в современном русском языке имеет следующие значения: 1. Ручной труд (преимущ. о шитье, вышивании, вязании). 2. Вещь ручной работы (обычно шитьё, вышивка, вязание и т.п.). 3. Вещь, искусно выполненная руками (преимущ. о вышитом, связанном). Выставка рукоделий. 4. Женская ручная работа: шитьё, вязание и т.п. Заниматься рукоделием. 5. Устар. Изготовление каких-л. изделий, вещей ручным способом. 6. Изделие, выполненное таким способом.

Понятие хендмейд (от *hand* – рука, *made* – изготовленный), активизировавшееся в последние десятилетия, выступает и как синоним, и как конкурент привычного слова *рукоделие*. Мы, вслед за А.М. Плотниковой, считаем, что хендмейд целесообразно использовать «как родовое понятие для обозначения всего, что сделано своими руками в разных техниках рукоделия: декупаже, скрапбукинге, фелтинге, пэчворке, батике, изготовлении мыла и свечей ручной работы, выдувании бусин из стекла и т. д.» [7, с. 154].

Рассматривая корпус слов, относящихся к современному рукоделию, можно отметить следующие особенности.

Состав лексики рукоделия стихийно формируется из слов разных по времени возникновения и источнику происхождения. Так, наряду с широко известными исконными словами быденной сферы: *вязание, шитье, плетение, резьба, кружево, валяние, рисование* и т.п., в этой сфере большое место занимают заимствования, причем нередко иноязычные слова входят в русскую речевую практику целыми подгруппами в связи с номинацией той или иной техники – известный пример с японским искусством складывания из бумаги: *оригами, киригами, кусудама* или названия видов вязания из английского языка: *брумстик, нукинг, пулинг, свинг, ярнбомбинг* и др. Количественный анализ происхождения 250 лексических единиц современного рукоделия показал, что наиболее яркие микросистемы образуют заимствования из английского (32,7%), японского (13,7%) и французского (13,1%) языков.

Среди вошедших и входящих в русский язык иноязычных терминов хендмейда немало слов, называющих старинные рукодельные практики разных стран и народов. Так, *карвинг* (от англ. *carving* – «вырезание») – искусство художественной резьбы по овощам и фруктам, которое не так давно стало модным, является древним восточным ремеслом. Ставший популярный в конце XX века *стринг-арт* (от англ. *string art* – «искусство нитей») – рисование нитями, был изобретен английскими ткачами в XVII веке. Актуализированные иноязычные названия «современных» техник рукоделия входят в русский язык как неологизмы, а зачастую и варваризмы.

В каждой из сфер современного рукоделия формируется собственная терминосистема, призванная упорядочить сферу профессиональных знаний и формирующая язык профессиональной коммуникации. В нашем материале в ходе тематической классификации лексики было выявлено несколько ключевых признаков разного уровня абстракции, которые позволили определить макрогруппы, группы и подгруппы, образующие терминосистему рукоделия. Макрогруппы – это «Материал изделия», «Способ рукоделия», «Техника рукоделия». Внутри них группы, например, «Способ рукоделия» включает несколько групп, в зависимости от материала изделия: для бумаги – это *аппликация, складывание, кручение, оригами, тиснение*; для ниток – *вышивание, вязание, плетение, ткачество* и т.д.

Внутри подгрупп выделяются микрогруппы, дифференцирующие классификационный признак, например, способы различаются по видам в зависимости от инструмента, напр.: *вязание – крючком, спицами, на вилке, филейное*. Таким образом, складывается характерная для терминологии система, в которой есть базовые термины (родовые) и дифференцирующие, т.е. выражающие видовые понятия. Подобное разбиение оказывается многоступенчатым.

В нашем материале наряду с классификацией по простым базовым признакам (способ, изделие) выявились также сложные параметры, сочетающие два признака, например, способ и материал рукоделия – *айрис-фолдинг* (радужное складывание изображений из бумаги), *бАтик* (роспись по ткани), *вытынанки* (вырезание из бумаги); способ и изделие – *мыловарение, кумихимо* (плетение шнурков-косичек); способ и инструмент – *энкаустика* (рисование утюгом) и т.п.

В рамках терминологического поля *хендмейд* единицы связаны не только на *экстралингвистическом* основании, но и на собственно лингвистическом.

Мы выявили в исследованной лексике микросистемы на основе разных типов семантических отношений. Это, прежде всего, гипо-гиперонимические ряды слов:

1) *аппликация – декупаж* (*а.*, *покрытая лаком*), *коллаж* (*а.* *из разнородных материалов*), *осибана* (*а.* *из сухих цветов и листьев*), *кинусайга* (*а.* *из кусков ткани*);

2) вязание – ярнбомбинг (уличное вязание), амигуруми (мишьятная вязаная игрушка);

3) вырезание – вытынанки; карвинг; монкири (вырезание гербов из бумаги), папертоль (вырезание и создание объемных картин из бумаги);

4) рисование – энкаустика (р. воском), батик;

5) вышивка – темари (вышивка на шарах), изонить (вышивка на картоне);

6) варение – мыловарение, свечеварение.

Выделяются также группировки, в которых единицы связаны по принципу дополнения. Например, так организованы названия способов изготовления поделок из бумаги: оригами, киригами, квиллинг, кусудами. Каждый из членов этой подгруппы означает изготовление поделок из бумаги разными способами: складывание – оригами, вырезание – киригами, кручение – квиллинг.

Характерной особенностью данного терминополья является наличие пар слов-симиляров. Как правило, это пары из исконного слова или давно освоенного и недавнего заимствования. Например: валяние – фелтинг (англ.); изонить – стринг-арт (англ.); кружевоплетение – фриволите; тиснение – дебоссинг (англ.). Синонимические отношения с иноязычным словом реализуются и в тех случаях, когда в русском языке нет однословного наименования и заимствование восполняет этот пробел: лоскутное шитьё (русс.) – квилтинг (англ.), кинусайга (яп.); нитяная графика – стринг-арт (англ.); узелковое окрашивание – тай-дай (англ.). Показательно, что в текстах иностранные слова толкуются через русские синонимы, например: валяние шерсти, фелтинг, фильцевание (от англ. felt – войлок, фильц, набивание) – это такая техника рукоделия, при которой из пышной, воздушной шерсти получают плотный войлок¹; стринг арт (String Art), или изонить – это вид графики, суть которого в том, что рисунок создается путем особого переплетения нитей².

Наличие парадигматических связей является одним из важных показателей системной организации лексических единиц в терминополье хендмейда.

¹ URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1443215-osnovy-suhogo-valyaniya-dlya-nachinayuschih>

² URL: <https://zvetnoe.ru/club/poleznye-stati/string-art/>

Исследование показало, что другим существенным основанием системобразования лексики рукоделия являются отношения деривации.

На основе анализа контекстов употребления слов-названий видов рукоделия в специализированных журналах, на форумах, интернет-текстах, блогах и др. нами были выявлены новообразования, созданные носителями языка в связи с потребностями обсуждения своего рода деятельности. Оказалось, что несмотря на заимствованное происхождение большинства названий, они активно включаются в словообразовательный процесс. Например, в исследовании словообразовательного гнезда с корнем *-скрап-*, проведенном О.Т. Косаренко и С.В. Косаренко, насчитывается «более 80 словообразовательных единиц» [3, с. 52–56]. Наш материал позволяет расширить эти данные другими примерами и выявить определенные закономерности.

С помощью суффиксации от наименования вида рукоделия регулярно образуются различные части речи. Так, активно образуются имена существительные с различными словообразовательными значениями. Рассмотрим их.

Одно из наиболее продуктивных значений существительных-неологизмов: «лицо по отношению к объекту, орудию, месту своих действий, деятельности», причем создаются слова, обозначающие лиц и мужского, и женского пола [4, с. 60]. Оно реализуется с помощью следующих суффиксов:

-ник/-ниц-: *декупажник* – *декупажница*, *кусудамница* (напр: форум «Страна мастеров» «Светлана, Вы прирождённая кусудамница!!!»);

-ист-/к-: *квиллингист*, *пейп-ртист*, *темарист* (напр., «канал «ТемаRist» и в фейсбуке «Вольный темарист»); *энкаутист* – *энкаутистка*; *ярнбомбист*;

-щик-/щиц(а): *амигурумищик* – *амигурумищица*; *стрингарттищик* – *стрингарттищица*; *тайдайщицик* – *тайдайщицица*; *ярнбомбщицик*;

-ер-: *амигурумер*, *кардмейкер*; *квилтер* (напр.: «Работа, становящаяся результатом данного рукоделия, имеет название *квилт*, а люди, занимающиеся им, именуются *квилте-*

¹ Приводимые примеры взяты из интернет-источников, автор несет ответственность за точность цитирования без ссылок на интернет-адреса. Текстовые примеры приводятся выборочно.

рами»); стрингартер; тайдайкер; энкаустер; ярнбомбингер (напр.: «А это привет тульским ярнбомбингерам от венгерских! Они тоже вяжут и тоже в произвольной форме»);

-ш(а): амигурумерша, кардмейкерша, квиллингбукерша, скрапбукерша, стрингартерша, тайдакерша, энкаустерша, ярнбомберша.

Кроме того, для образования слов со значением лица используется иноязычный суффиксоид «голик» и его окказиональная модификация «гольщица»: амирумиголик – амирумигольщица (напр.: Привет всем, я Катерина и я амигуруми-голик); декупажеголик – декупажегольщица; кардмейкоголик – кардмейкогольщица; квиллинголик – квиллинггольщица; скрапоголик – скрапогольщица; стрингартголик – стрингартгольщица; фелтингголик – фелтинггольщица; ярнбомбинголик – ярнбомбингольщица; энкаустигголик – энкаустиггольщица.

Регулярно для образования новых слов используются суффиксы с отвлеченным значением «сфера занятий, состояние, поведение какого-либо лица...» [4, с. 64]:

-остъ: декупажность, кусудамность, тайдаинность, оригамность (стихотворение С. Сабадах «Оригами»: «Какая-то сухая оригамность / Без клея и ножа»);

-ство(о): амигурумчество, декупажничество, кардмейчество, тай-дачество, квиллингчество, ярнбомбчество, фелтингничество;

-изм-: фелтингизм.

В этой серии образований используются иноязычные суффиксоиды (из языка заимствования), с помощью которых слова создаются в русском языке:

-ландия-: амигурумиландия, кардмейкингландия, квиллингландия, скрапландия, стрингартландия, тайдайландия, энкаустикландия, ярнбомбингландия;

-рум-: декупажрум, кардмейкрум, квиллингрум, скрапрум, тайдайрум, энкаустикрум;

-бук-: стрингартбук, квиллингбук.

Еще одно характерное значение в новообразованиях – «предмет (преимущественно неодушевленный), являющийся объектом или результатом действия» [4, с. 51]. Оно реализу-

ется в модификации субъективной оценки (уменьшитель-но-ласкательной):

-к/-ик/-чик: амигурумка, тайдайка (напр., «тайдайка – это не только красивая футболка, но ещё и увлекательное занятие как для детей, так и для взрослых»); амигурумик; декупажик румбоксик (отзыв на сайте «Вайлдберриз» «Качественный румбоксик, детали хорошо пропечатаны»), флексагончик («Светлана, тут есть похожий флексагончик, как собрать» – ВК, группа «Наша начальная школа»); тайдайчик (интернет-магазин «TieDyeWhale»: «Новогодний Тайдайчик уходит в хорошие руки»);

-енк-/иик-: декупаженка, энкаустинка, амигуруминка (напр. название группы в сети «ВКонтакте» «Амигуруминка 35. Вязаные игрушки Вологда»);

-ушк-/ечк: амигурумушка, кардмейкушка, квиллингушка, стрингартушка, стрингартушечки, скрапушка, тайдайдюшки, фелтингушечка, энкаустивушка, ярнбомбушка;

-очк-: энкаустиновочка;

-ат: канзашата.

В существительных-неологизмах активнее всего используются суффиксы, образующие названия действующего лица и изделия. Таким образом, занимающиеся рукоделием стихийно восполняют лауну в отраслевой терминологии – обозначения того, кто занимается рукоделием. Ср. замечание А.М. Плотниковой: «Обращение к номинациям лиц указывает на то, что при существовании гиперонимов «рукодельница» и «мастерица» практически отсутствуют или характеризуются невысокой частотностью иные номинации» [7, с. 155].

Заметна также значительная доля суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением в названиях изделий. Они, являясь деривационным средством освоения/присвоения иноязычной лексики, отражают неформальный характер интернет-коммуникации участниц социальной практики хендмейда.

Как показывает материал, в образовании новых слов от названий видов рукоделия можно проследить определенную закономерность: если с помощью того или иного суффик-

са от какой-либо одной основы образуется новое слово, то по аналогии подобным способом начинают создаваться слова от других основ. А поскольку возникают окказиональные лексические единицы, то они свободны от нормативных ограничений.

По количеству новообразований от названий видов рукоделия существительным не уступают глаголы. Они образуются суффиксальным и префиксальным способами. С помощью суффиксов глаголы образуются, как правило, от имен существительных:

-ирова-: квиллингировать, фелтингировать, витражировать, декупажировать;

-и-: декупажить, амигурумить; стрингартить (напр., «стрингартить буду редко, заказы возьму выборочно»);

-ова-: квилнговать («Мы с внучкой иногда летом квилinguем какие-нибудь цветочки или зверушек, но такое вижу первый раз! Спасибо! Надо ей показать!» – группа в ВК «Содружество неунывающих пенсионеров СПб и ЛО»);

-ну-: стрингартнуть, пейпартануть.

Префиксальным способом передается видовое значение:

с-: сфелтить («а фелтинг вынашиваю уже давно ... никак не попробую че-нибудь сфелтить») – форум «IRECCOMMEND.RU», самигурумить («Тут меня просят и Тора заодно самигурумить...») – форум «Готовим.ру»).

Кроме того, этот способ позволяет образовывать глаголы со значениями разных способов действия. В частности, **финитивного способа действия**:

за-: заскрапить («Заскрапить можно ВСЁ!» – группа «Сам себе мастер» на медиаплатформе «МирТесен»); задекупажить («А сегодня меня попросили облагородить коробку, так почему бы и не задекупажить?» – «Ярмарка Мастеров», автор плюшкин Deija); зафелтить («И в лавках смотрю на разнообразные материалы с одной мыслью: а что будет, если их зафелтить?» – форум на сайте магазина шитья «Сезон», автор Lena Di);

накопительного способа действия:

на-: наамигурумить, надекупажить, нафелтить, настрингартить, наскрапить («Чай допит и сладости съе-

дены, а это значит руки свободны и пора что-нибудь *наскрапить*» – сайт «littlemiraclesworld.blogspot.com»); *наквилтить* («Порвать на кусочки побольше и накрутить трубочек, из которых наплести корзины и *наквилтить* цветочков») – «otvet.mail.ru»); *накусудамить* («Это сколько ж труда надо было приложить, чтоб таких крошек *накусудамить*») – форум «Давнее конкурсное»); *наэнкаутить*, *наярнболбинговать*;

длительно-ограничительного способа действия:

по-: *поамигурумить*, *подекупажить*, *поэнкаузить*, *поярнболбинговать*, *повинтажить*, *пошеббить* (стиль), *побиговать* (процесс), *поквиллингуем* («Поквиллингуем?» – «Страна мастеров», от автора С. Волынчикова); *поквилтить* («Чего-то захотелось опять *поквилтить*») – форум «PassionForum», автор yelima).

Среди новообразований представлены также и прилагательные, хотя их заметно меньше, чем глаголов и имен существительных.

Прилагательные (причастия) образуются с помощью суффиксов:

-ов-: *амигурумовый*; *пейпартовый*, *карвинговый* («Страна мастеров»: «Это накрыли целиком *карвинговый* стол»); *кардмейковый*; *квиллинговый*; *стрингартдовый*; *тайдановый*; *энкаустиковый*; *ярнболбинговый*;

-ованный-: *амигурованный*;

-енн-: *задекупаженный*, *заскрапленный*;

-ев-: *декупажевый* («Поэтому могу отдать кому-то, кому это пригодится, за шоколадку или за другие полезности *декупажевые*» – «Ярмарка Мастеров», автор В. Кудряшова);

-ск-: *печворский*, *скрапбукинский* («И вот он, мой кривобокий *скрапбукинский* первенец» – сайт «СтранаМам»);

-овск-: *амигурумовский*, *кардмейковский*; *квиллинговский*, *скраповский*; *стринартовский*; *фелтинговский*;

-н-: *кусудамный* («Немного *кусудамного...*» – «Страна мастеров», автор SunnyMariya); *декупажный*;

-ист-: *декупажистый*.

Особенностью образования прилагательных является вариативность неологизмов. Рукодельницы словно пробуют все

возможности языка, используя известные им ресурсы. А поскольку дискурс в основном устный, то закрепление какого-либо варианта происходит не сразу, на это требуется время. Все регулируется стихийно, подчиняясь общественному языковому вкусу.

Проведенное исследование подтверждает нашу гипотезу о том, что лексика рукоделия представляет собой формирующуюся терминологическую систему, элементы которой связаны языковыми отношениями разного типа. Особенностью системного устройства данного поля слов является множественность оснований, по которым объединяются лексические единицы в различные группы и подгруппы.

Наши предварительные наблюдения позволяют говорить, что в лексике рукоделия проявляются такие признаки терминосистемы, как однозначность, специализированность лексических единиц, наличие родовидовых отношений между ними, базовых и дифференцирующих наименований.

Лексика рукоделия формируется как отраслевая терминосистема, о чем свидетельствует уровневое разделение на наименования лиц, предметов, методов, видов, способов и стилей. Вместе с тем функционирование лексики хендмейда в устном интернет-дискурсе способствует стихийному возникновению микросистемы окказиональных лексических единиц, образующихся от иноязычных основ с помощью суффиксов субъективной оценки, передающих атмосферу живого, эмоционального разговора.

Отличительной особенностью является то, что в корпусе лексики рукоделия тесно переплетаются слова повседневного общения, собственно термины, в том числе, заимствованные, и профессионализмы.

Современное рукоделие представляет собой сложную многоуровневую и многоаспектную сферу профессиональных знаний, которая нуждается в упорядочивании профессиональной коммуникации и описании её как терминопольа или терминосистемы, т. е. упорядоченного множества терминов с зафиксированными отношениями между ними, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями.

Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
2. Калашникова А.А. Хэндмейд как автономизирующееся поле символического производства // Вестник СПбГУ. – Серия 12. Социология. – 2016. – Вып. 3. – С. 61–70.
3. Косаренко О.Т., Косаренко С.В. Семантико-деривационные особенности неологизмов ЛСТ «скрапбукинг» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2015. – Вып. 4. – С. 52–56.
4. Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М.: Русский язык, 1989. – 639 с.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 1534 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и выражений. – М.: А Темп, 2009. – 944 с.
7. Плотникова А.М. Становление терминологии современного рукоделия // Вестник ЧГУ. Филология. Искусствоведение: сборник научных трудов. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2013. – Вып. 84. – С. 154–156.

Nataly A. Kozelskaya, Yelizaveta P. Pshenichnaya

The Aspects of Forming a Handmade Term System in the Discourse of Social Practice

The article deals with the aspects of forming a handmade term system. The paper analyzes the origins, paradigmatic relations, derivation of handmade terminology as system-forming factors. The vocabulary of handmade society is spontaneously formed as the specific terminology in which terms, including the borrowed ones, professionalisms, occasional neoplasms of the conversational style are closely intertwined.

Key words: term, terminology, handmade, paradigmatics, word-formation.

For citation: Kozelskaya, N.A., Pshenichnaya, Ye.P. (2022) Aspekty formirovaniya terminosistemy rukodeliya v diskurse social'noj praktiki hendmejda [The Aspects of Forming a Handmade Term System in the Discourse of Social Practice]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 133–145. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_133

References

1. Efremova, T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: In 3 volumes]. Moscow: AST, Astrel', Harvest Publ., 2006. (In Russian).

2. Kalashnikova, A.A. *Hendmejd kak avtonomiziruyushcheesya pole simvolicheskogo proizvodstva* [Handmade as an autonomizing field of symbolic production] *Vestnik SPBGU. Seriya 12. Sociologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Sociology]. 2016. Vyp. 3. Pp. 61–70. (In Russian).

3. Kosarenko, O.T., Kosarenko, S.V. *Semantiko-derivacionnye osobennosti neologizmov LSG «skrapbuking»* [Semantic and derivational features of LSG neologisms "scrapbooking"] *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication]. Voronezh, 2015. Vyp. 4. Pp. 52–56. (In Russian).

4. *Kratkaya russkaya grammatika / Pod redakciej N.Yu. SHvedovoj i V.V. Lopatina* [Brief Russian grammar / Edited by N.Yu. Shvedova and V.V. Lopatin]. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1989. 639 p. (In Russian).

5. Kuznecov, S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1534 p. (In Russian).

6. Ozhegov, S.I., SHvedova N.YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 8000 slov i vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 8000 words and expressions]. Moscow: Temp Publ., 2009. 944 p. (In Russian).

7. Plotnikova, A.M. *Stanovlenie terminologii sovremennogo rukodeliya* [Formation of the terminology of modern needle] *Vestnik CHGU. Filologiya. Iskusstvovedenie: sbornik nauchnyh trudov* [Bulletin of the ChGU. Philology. Art criticism: collection of scientific papers]. Helyabinsk: Izdatel'stvo CHGU, 2013. Vyp. 84. Pp. 154–156. (In Russian).

дата получения: 20.07.2022 г.
дата принятия: 03.08.2022 г.

date of receiving: 20.07.2022
date of acceptance: 03.08.2022

Ю. М. Кисткина

Особенности перевода песен в кинофильмах

Перевод песен в кинофильмах объединяет особенности перевода стихотворного текста и перевода фильма. В данной статье рассматриваются основные принципы перевода стихотворного текста и особенности перевода вербального текста кинофильма. Их взаимосвязь анализируется на примере переводов песен из экранизаций мюзиклов и музыкальных мультфильмов. Анализ указывает на возможные трудности, обусловленные тесной связью вербального текста и изображения, и раскрывает зависимость между типом репрезентации текста перевода и его качеством.

Ключевые слова: перевод, стихотворный текст, английский язык, русский язык, песни, кинофильмы.

Для цитирования: Кисткина Ю.М. Особенности перевода песен в кинофильмах / Ю.М. Кисткина // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 146–159. DOI 10.35231/25419803_2022_3_146

Стихотворные тексты, положенные на музыку (далее – песни), являются важной составляющей кинофильмов различных жанров. Часть песен исполняется за кадром и служит либо для воспроизведения атмосферы определённого места и/или для передачи внутренних переживаний персонажа. Однако в случае экранизации мюзиклов или музыкальных мультфильмов песни исполняются самими персонажами и выполняют роль их прямой речи (монолога или диалога). В данной статье мы рассмотрим особенности перевода песен в кинофильмах.

Перевод стихотворного текста является отдельным, особым видом перевода, относящимся, тем не менее, к художе-

ственному переводу. В художественном переводе уделяется особое внимание эстетической функции языка, а не только коммуникативной. Для поэтического текста, который является примарно-эстетическим, другой перевод не будет отвечать требованиям эквивалентности и его влияние на реципиента не будет соответствовать целям автора. Художественный перевод в целом и перевод поэзии в частности рассматриваются как вид искусства, и, как любое искусство, он неразрывно связан не только с личностью автора, но и с национальной культурой, к которой он принадлежит. Экстралингвистические факторы, повлиявшие на формирование языка, наиболее ярко проявляют себя именно в художественных произведениях.

Концепты и образы, веками существовавшие в устном и письменном виде, определённые географические, климатические и прочие особенности, входя в текст художественного произведения, наиболее полно демонстрируют своё культурное и историческое значение. Поэтому для осуществления художественного перевода необходимо не только передать приёмы, использованные автором для создания образа, но и поспособствовать тому, чтобы переведённое произведение вошло в культуру языка перевода. Этот процесс можно назвать воссозданием текста оригинала на новой национально-культурной почве с помощью средств языка перевода. Данный процесс чрезвычайно труден и противоречив, поскольку от переводчика требуется выполнить две разнонаправленные задачи: внести иноязычное произведение в родную культуру, сохраняя при этом его национальную и культурную специфику. Переводчик является носителем национальной культуры своего родного языка, и это его неотъемлемое качество, которое можно и необходимо развивать с помощью более полного ознакомления с этой культурой для поддержания своих профессиональных навыков. Также переводчик, как и любой человек, принадлежит к определённому исторически-временному отрезку и отличается всеми особенностями мировосприятия, характерными для его современников. Тем не менее, очевидно, что для осуществления перевода ему необходимо как можно более полно проникнуть в культуру языка перевода, так

и во то время, когда создавался переводимый текст. Выявление сходств и различий между культурой носителей языка оригинала и культурой носителей языка перевода должно способствовать осуществлению вышеупомянутой задачи. Таким образом, деятельность художественного переводчика может быть охарактеризована как творчество.

Всё вышеперечисленное относится и к поэтическому переводу. В поэтическом тексте используются те же приёмы, что и в обычном, но благодаря его стихотворной организации меняется механизм смыслообразования, что делает поэтический текст совершенно особенным видом текста.

Существует немало споров о вопросе переводимости поэтического текста. Несмотря на многочисленные доказательства невозможности такого перевода, он продолжает существовать, что позволяет предположить, что востребованность оказывается сильнее невозможности. По мнению Л.С. Бархударова, невозможность найти полноценный аналог отдельным языковым средствам языка оригинала не означает невозможность описать идею текста оригинала средствами языка перевода [1]. Таким образом, современное переводоведение придерживается мнения, что поэтический перевод как создание эквивалентного оригиналу поэтического текста на языке перевода возможен.

Вышеизложенное является причиной основной проблемы, характерной для поэтического перевода, – соотношения формы и содержания. По словам Ю. Найды, переводчик в большинстве случаев жертвует формой ради сохранения содержания. Но он также утверждает, что перевод стихотворного текста прозой не может быть признан адекватным [2]. Для поэтического текста характерно особое соотношение мелодики, рифмы и ритма, которые оказывают влияние на все прочие использованные средства выразительности языка. При создании текста перевода от переводчика требуется не только передача смысла, но и использование средств, оказывающих на реципиента то же влияние, что и использованные в оригинале. Поскольку доминирующими видами информации в поэтическом тексте являются эстетическая и эмоциональная, именно воздействие на эмоциональное состояние реципиента является основной задачей переводчика.

Эстетичность поэтического текста обеспечивает не сумма средств выразительности языка, а их совокупность и взаимодействие друг с другом. Богатство и яркость образов, мелодичность, неоднозначность слов и выразительная сжатость мыслей является содержанием поэтического текста.

К особенностям его формы можно отнести средства упорядоченности языковых единиц, в их числе чисто поэтические, такие, как размер, рифма, длина строк, соотношение гласных и согласных звуков.

Принято считать, что форма стихотворного текста тесно связана с его содержанием, что задаёт для переводчика условия выбора лексики стихотворных приёмов, ставя их во взаимную зависимость. Считается, что передача формы необходима в силу того, что форма не является отдельно существующим явлением и не может функционировать без содержания, проявлением которого она является. Тем не менее, не всегда средства языка перевода позволяют использовать ту же форму, что в языке оригинала, поэтому ошибочно было бы причислять передачу формы к безусловно обязательным условиям. Бывает также, что форма, что была применена в оригинале, при переводе не соответствует содержанию, что наиболее ярко демонстрирует конфликт формы и содержания в поэтическом тексте. По этому вопросу не существует однозначного мнения. Сторонники непереводимости поэтических текстов используют такие случаи как доказательство своей позиции, прочие стараются найти максимально возможный баланс.

Поскольку основная задача перевода заключается в передаче воздействия на реципиента текста оригинала, в специфике поэтического текста, как наиболее интенсивно воздействующего на получателя, и кроется разрешение возникшего противоречия. Передача идейно-художественного содержания поэтического произведения с помощью языковых средств выразительности языка перевода при художественном переводе может быть признана состоявшимся переводом, если текст произвёл на реципиента тот же эффект, на который рассчитывал автор исходного произведения.

Современные исследователи признают, что сопоставление языковых единиц языка оригинала и языка перевода

позволяет выделить определённые общезыковые закономерности, является необходимой частью современных лингвистических исследований. При переводе поэзии выявленные с помощью такого сопоставления совпадения и несовпадения образной структуры особенно важны. Буквальная передача лексем без учёта различия их грамматических показателей может привести к значительному изменению смысла текста оригинала при отсутствии смысловых изменений как таковых.

Помимо передачи эмоционального воздействия на реципиента и учёта грамматических расхождений переводчик поэтического текста сталкивается с такой проблемой, как поиск лексических эквивалентов с учётом различий образного строя языков. При воссоздании поэтического произведения на другом языке от переводчика требуется глубокое знание и понимание как истории и культуры языка оригинала, так и личности автора стихотворного произведения. Это помогает лучше понять текст оригинала на всех уровнях, что в свою очередь делает перевод более отвечающим целям оригинала. Поскольку языковые средства и система образов, сложившиеся в культурно-исторической традиции языка перевода, в той или иной степени отличаются от таковых в языке оригинала, М.Л. Лозинский предлагает следующие стратегии:

1. часть текста отбрасывается как неподдающаяся переводу по причине непередаваемых реалий и особенностей грамматического строя языка;
2. часть текста подаётся в форме эквивалентов и замен с учётом системы образов языка перевода;
3. часть текста добавляется, внося некоторые реалии и особенности грамматического строя языка перевода [3].

В некоторых случаях такие изменения текста оригинала обуславливаются не различием системы образов языков, а непосредственно особенностями поэтического текста. При создании художественной формы поэтического текста основными факторами признаны лексика, фразеология, строфическая структура, ритмическая организация текста,

типы рифмовки и образный строй. Сохранение, по мере возможности, вышеизложенных приёмов признано необходимым при переводе стихотворного текста.

Существует несколько различных видов перевода поэтического текста.

1. буквальный, по возможности подогнанный под стихотворную форму;
2. стилизованный, при котором стиль оригинала меняется намеренно;
3. художественный, при котором основное внимание уделяется передаче эстетического воздействия на реципиента;
4. формалистический, при котором основное значение придаётся передаче формы оригинала;
5. функциональный – создание текста на языке перевода, передающего идею автора языка оригинала средствами языка перевода.

Следует отметить, что ситуации, в которых от переводчика может потребоваться перевести стихотворный текст, различны, и, в зависимости от прагматической цели перевода, он использует тот или иной вид, принося в жертву содержание, форму, художественную ценность ради выполнения возникшей коммуникативной задачи.

Также данные виды перевода можно воспринимать как этапы работы переводчика над поэтическим текстом с целью создания наиболее близкого к оригиналу функционального перевода. Безусловно, первым этапом является создание подстрочника. Подстрочник является важным подспорьем для создания нескольких вариантов текста перевода, в которых переводчик уделяет большее внимание тем или иным аспектам, чтобы затем на их основе создать некую совокупность, представляющую собой текст, наиболее близкий к функциональному переводу, создание которого является завершающим этапом.

Следует отметить, что при переводе стихотворного текста личность переводчика имеет большее значение, чем при переводе прозы. Помимо различной степени эрудированности

и переводческих стратегий, выбранных разными переводчиками, большое значение имеет индивидуальное восприятие текста оригинала, зависящее от особенностей характера и эмоционального состояния переводчика. Субъективное прочтение, неизбежное при работе с поэтическим текстом, способствует привнесению в текст перевода собственных смысловых ассоциаций. Индивидуальность восприятия поэтического текста вообще играет огромную роль как в процессе создания поэтического перевода, так и в оценке его реципиентом. Нельзя однозначно определить лучший вариант функционального поэтического перевода, поскольку влияние поэтического текста на различных людей обусловлено слишком большим набором личных качеств. Здесь мы вторгаемся в не до конца изученную область психологии.

Русская традиция перевода поэтических текстов на русский язык весьма обширна. В силу экстралингвистических факторов Россия на протяжении своей истории не раз оказывалась отрезана от центров европейской цивилизации. Таким образом, создаваемые в Европе произведения искусства, включая поэзию, попадали в Россию с определённой задержкой и нуждались в тщательной адаптации к сильно отличающимся от европейских реалиям российской действительности. События и темы, актуальные на момент перевода на территории России, также оказывали значительное влияние на расстановку акцентов при переводе, что нередко вело к значительным изменениям в воздействии текста перевода в сравнении с текстом оригинала. Золотой век русской поэзии отмечен не только собственными произведениями отечественных поэтов, но и многочисленными переводами с европейских языков.

Перевод песен близок к переводу стихов в целом. Однако текст песни отличается ещё большим превалированием эмоциональной и эстетической информации над когнитивной, так как при этом необходимо учитывать особенности самой используемой музыки. Более того, перевод песен, являющихся составляющей кинофильма, подчиняется не только правилам перевода стихотворных текстов, но и правилам перевода фильмов. При переводе фильма большое внимание уделяется сценической действительности

сти. Это во многом отвечает основному принципу перевода «переводить не слово, а смысл» и даже несколько усиливает его, поскольку перевода требует не отдельный текст, а полная кинореальность, законы которой необходимо учитывать. Особенности речи героев, обусловленные их происхождением, социальным положением, уровнем образования, личными качествами и историческим периодом, в котором происходит действие, являются одними из важнейших средств создания этой отдельной реальности. При переводе фильмов, действие которых происходит в прошлом, недопустимо использовать лексику, появившуюся только в недавнее время. Здесь также следует упомянуть, что в некоторых случаях сами создатели фильмов нарушают этот принцип, опираясь на особые приёмы или авторское видение. Это также следует учитывать при переводе, как и другие особенности, противоречащие нормам, но применённые автором фильма для осуществления своей идеи.

Особую сложность представляют неологизмы и названия вымышленных существ, объектов и явлений, упомянутых в фильме. Они, так же, как и исторические названия, создают реальность, в которой происходят события фильма, поэтому требуют особого внимания переводчика. Их аналоги, созданные переводчиком, должны быть благозвучны, легко произноситься (если это не противоречит замыслу автора) и отражать суть явления или предмета в той же степени, что и оригиналы.

Основными видами перевода фильмов, сложившимися на данный момент в России, являются дубляж, озвучание и субтитрирование. Все эти способы презентации текста перевода используются при переводе песен в кинофильмах и во многом определяют его особенности.

Например, перевод в виде субтитров был использован в кинофильме «Отверженные» (“Les Misérables”) 2012 года. Фильм является экранизацией мюзикла, созданного на основе одноимённого романа Виктора Гюго, и практически весь представленный в нём текст – это песни.

В отличие от текста оригинала, текст перевода не стихотворный:

Have I fallen so far, // And is the hour so late // That nothing remains but the cry of my hate.

Пер.: Неужели так низко я пал, и поздно что-то менять? И ничего мне не осталось в жизни, кроме как кричать о ненависти своей?

Инверсия, присущая этому отрывку, используется переводчиком на протяжении всего текста и, вероятно, должна была частично компенсировать отсутствие рифмы и размера, придавая тексту поэтичность. Мы затрудняемся сказать, была ли данная цель достигнута, однако невозможно не отметить, что текст перевода значительно уступает тексту оригинала с точки зрения художественности и местами труден для восприятия. При этом переводчик, где это возможно, пытался передать средства выразительности, использованные в оригинале:

Take an eye for an eye! Пер.: Око за око!

В этом случае – это перевод на уровне предложения, использование устоявшегося выражения. В русском языке в этом выражении исторически присутствует более архаичная лексика, чем в английском. Замена повелительного предложения повествовательным.

Turn your heart into stone! Пер.: Обратилось сердце в камень!

Здесь представлена замена повелительного предложения повествовательным, и перевод, близкий к дословному. *One word from him and I'd be back // Beneath the lash, upon the rack. // Instead he offers me my freedom.* Пер.: Одно его слово, и меня бы вернули туда, где кнут и где дыба, но предложил он мне свободу!

И далее объединение предложений, смысловое развитие, перевод, близкий к дословному, а также опущение и использование вариантных соответствий. Вторая строчка вызывает определённые трудности понимания, тем не менее, концепт и информационное поле слов «плеть» и «дыба» производит на реципиента необходимое эмоциональное впечатление, при котором можно пренебречь когнитивной информацией.

I feel my shame inside me like a knife. Пер.: И стыд пронзил меня насквозь!

Смысловое развитие, замена сравнения олицетворением.

He told me that I had a soul, // How does he know? Пер.: Сказал он – у меня душа есть. Откуда знает он?

Опущение, дополнения, варианты соответствия, смысловое развитие.

What spirit comes to move my life? Пер.: Что за знак был дан мне свыше?

Смысловое развитие, использование устоявшегося выражения, изменение грамматического времени.

Данные примеры взяты из текста, который является внутренним монологом персонажа (*Valjean's Soliloquy* – Монолог Жана Вальжана). Это одна из ключевых арий, она содержит в себе большое количество когнитивной информации и осуществляет сильное эмоциональное воздействие на реципиента.

Невозможно не отметить, что в отличие от стройности и понятности текста оригинала, текст перевода выглядит разрозненным, бессвязным, нередко его смысл с трудом угадывается. Тем не менее, переводчик использует различные средства выразительности, регулярно прибегает к смысловому развитию, в некоторых случаях без особой необходимости. При этом другие конструкции неоправданно переведены практически дословно.

При переводе на русский язык кинофильма «Кабаре» (“Cabaret”) 1972 года, созданного на основе одноимённого мюзикла, непесенная речь персонажей озвучена (с сохранением оригинального текста), а к песням даны субтитры.

The branch of the linden is leafy and green ... Пер.: Липовая ветвь одета в пышную зелень ...

В вышеприведённом тексте перевода есть олицетворение, отсутствующее в тексте оригинала.

The Rhine gives its gold to the sea. Пер.: Рейн дарит своё золото морю.

Здесь представлено смысловое развитие.

But somewhere a glory awaits unseen. Пер.: Но – где-то незримая ждёт слава.

Изменение порядка слов с прямого на обратный, обусловленная переводческой преференцией.

Tomorrow belongs to me. Пер.: Завтра принадлежит мне.

Дан перевод, близкий к дословному.

В данном случае песня «Tomorrow belongs to me» («Завтра принадлежит мне») является манифестом о начале новой жизни и возрождении страны, надеждой молодёжи на светлое будущее (речь идёт о Германии 1930-х годов). При переводе использованы те же приёмы, что и при переводе монолога Жана Вальжана, превалирует дословный перевод и смысловое развитие, однако, текст воспринимается более гладким и логичным. Это может быть обусловлено большей простотой текста оригинала, а также уместностью тех или иных приёмов. Тем не менее, художественная ценность текста перевода значительно ниже, он не является стихотворным и не пригоден для самостоятельного воспроизведения в отрыве от текста оригинала.

Перевод песен в кинофильме, представленный в виде дубляжа, значительно отличается от субтитров.

Тексты песен в мультфильме «Король лев» (англ. “The Lion King”) 1994 года представляют с собой часть диалогов и монологов главных героев, следовательно, представленная в них когнитивная информация достаточно значительна.

[Simba:] *I'm gonna be a mighty king // So enemies beware! //*
 [Zazu:] *Well, I've never seen a king of beasts // With quite so little hair!* Пер.: [Симба:] Я буду сильным королём // Врагов повергну в страх // [Зазу:] Но царю нужна погуще // Шерсть на гриве и ушах.

В переводе присутствуют рифма и размер. В тексте перевода (здесь и далее) не сохранена разговорная речь оригинала. Особый интерес представляет переложение последней строчки, которая должна согласовываться с видеорядом (наглядная демонстрация отсутствия у львёнка гривы).

[Simba:] *I'm gonna be the main event // Like no king was before!* Пер.: Важнее прежних королей // Я стать вполне готов.

В данном случае при переводе не удалось сохранить игру слов, построенную на омофонах *main* и *mane* (главный и грива) и согласование с видеорядом, в котором демонстрируется грива.

I'm brushing up on looking down, // I'm working on my roar!
 Пер.: Услышат все, как царь зверей // Издаст ужасный рёв!

При переводе сохраняется аудиальное оформление оригинала – слова *roar* и *рёв* произносятся с имитацией рычания.

[Simba:] *Free to run around all day // Free to do it all my way!*
Пер.: [Симба:] *Целый день смогу изграть, // Буду бегать и гу-
лять!*

В данном случае происходит создание оригинального текста на языке перевода, призванного передать коммуникативную задачу текста оригинала: мечта ребёнка о независимости от взрослых. Смысл сохранён, однако обилие глагольных рифм в переводе несколько снижает его качество.

[Zazu:] *If this is where the monarchy is headed // Count me out. // Out of service, out of Africa. // I wouldn't hang about! // This child is getting wildly out of wing.* Пер.: [Зазу:] *Позор для всей монархии // Грядёт, как я гляжу. // Прочь отсюда, прочь из Африки // – Я больше не служу! // В каком упадке королевский дом...*

Оригинальный текст переведён достаточно близко, с попыткой сохранения речевого портрета персонажа. При переводе была утрачена последняя строка, которую можно перевести как «ребёнок отбилась от крыльев», и вместе с ней теряется заключённая там игра слов. Это может быть обусловлено сохранением объёма текста, поскольку перевод с английского на русский в среднем в полтора раза длиннее оригинала.

При переводе песен мультипликационного фильма «Coco» («Тайна Коко») 2017 года также использовался дубляж.

You make me // Un poco loco // Un poquititito loco // The way you keep me guessing // I'm nodding and I'm yessing // I'll count it as a blessing // That I'm only // Un poco loco! Пер.: *Я с тобой скоро чокнусь, от этих проверок на прочность, // То ты на все согласна, то мне ты не подвластна, // И все же это прекрасно, что с тобой я скоро чокнусь.*

В данном случае текст перевода значительно расходится с текстом оригинала: в нём отсутствуют вставки на испанском языке, и его смысл несколько расходится с оригиналом. Если оригинал в первую очередь посвящён абсурдным шуткам любовного интереса лирического героя, то в переводе акцент делается на флирт. В данном случае текст практически не связан с видеорядом и основным сюжетом, поэтому такие вольности не затрудняют понимание произведения в целом.

Таким образом, если текст перевода песни, представленный в виде субтитров, не обладает художественной ценностью, нередко труден для восприятия и не может существовать за пределами кинофильма, то текст перевода, представленный в виде дубляжа, является полноценным художественным переводом стихотворного текста, обладает определённой художественной ценностью и может быть воспринят вне кинофильма, не смотря на тесную связь с его видеорядом.

Итак, перевод песен в кинофильмах сочетает в себе черты перевода фильмов и перевода стихотворных текстов, которые нередко вступают в конфликт. В первую очередь, под вопрос ставится сама необходимость перевода текста звучащей в кинофильме песни. Общего решения по этому вопросу не существует.

Помимо этого, перевод песен в фильме ограничен более строгими рамками, чем другие переводы стихотворных текстов, поскольку текст тесно связан с визуальным рядом, в том числе с артикуляцией. Кроме неё на текст перевода оказывают огромное влияние демонстрируемые на экране визуальные образы – любое противоречие между текстом перевода и демонстрируемым изображением вызывает конфликт восприятия и затрудняет понимание произведения. Однако видеоряд нередко делает ссылки на те или иные культурные реалии, передача которых в тексте перевода может существенно снизить его благозвучность и понятность для реципиента.

В настоящее время перевод песен является частью перевода кинофильма – в первую очередь, он призван передавать идеи и настроение фильма и согласовываться с его видеорядом. Таким образом, перевод песен в кинофильмах значительно ограничен и не может быть как-либо переосмыслен переводчиком, если он хочет следовать переводческой задаче фильма. Можно сказать, что в случае перевода песни в фильме доминируют принципы перевода фильма, а сама песня рассматривается как художественный приём, призванный передавать идею всего произведения.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык // Тетради переводчика. – М.: Высшая Школа. 1984. – Выпуск 21. – С. 38–48.

2. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. статей: пер. с англ., нем., франц. Вступит. статья и общая редакция перевода В.Н. Комиссарова. М.: Международные отношения, 1978. – С. 114–137.

3. Гончар Н.Г. Этнолингвистическое исследование фразеологизмов в немецком и русском языках: эрратологический аспект // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 2. – С. 162–164.

Julia M. Kistkina

Features of Translating Songs in Films

The present research focuses upon translation of songs as part of the movies. It encompasses both peculiarities of verse translation and film translation. The author tells about basic translation strategies of verse translation and main challenges of film translation. The analysis is based on the translation of the songs in filmed musicales and animation films. The analysis shows strong dependency relation between the way the translated text is presented and its quality. It also signifies the challenges caused by close connection between the verbal text and the illustration on the screen.

Key words: translation, poetry, English language, Russian language, songs, films.

For citation: Kistkina, Yu.M. (2022). Osobennosti perevoda pesen v kinofil'mah [Features of translating songs in films]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 146–159. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_146

References

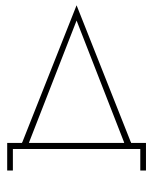
1. Barhudarov, L.S. *Nekotorye problemy perevoda anglijskoj poezii na russkij yazyk* [Some Problems of Translation of English Poetry into Russian] *Tetrad' perevodchika* [Translator's Notebooks]. Moscow: Vysshaya SHkola Publ., 1984. Vypusk 21. Pp. 38–48. (In Russian).

2. Najda, YU. *K nauke perevodit'* [To the science of] *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike: sb. statej: per. s angl., nem., franc. Vstupit. stat'ya i obshchaya redakciya perevoda V.N. Komissarova* [Questions of the theory of translation in foreign linguistics: digest of articles: translation from English, German, French Enter. article and general version of the translation by V.N. Komissarov]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. Pp. 114–137. (In Russian).

3. Gonchar, N.G. *Etnolingvističeskoe issledovanie frazeologizmov v nemeckom i russkom jazykah: er-ratologičeskij aspekt* [Ethnolinguistic study of phraseological units in German and Russian: erratological aspect] *III Mezhdunarodnye Boduenovskie čtleniya: I.A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo jazykoznanija (Kazan', 23–25 maya 2006 g.): trudy i materialy: v 2 t. [III International Baudouin Readings: I.A. Baudouin de Courtenay and Modern Problems of Theoretical and Applied Linguistics (Kazan, May 23–25, 2006): works and materials: in 2 vol.]*. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2006. T. 2. Pp. 162–164. (In Russian).

дата получения: 20.08.2022 з.
дата принятия: 04.09.2022 з.

date of receiving: 20.08.2022
date of acceptance: 04.09.2022

ИСКУССТВА

В. А. Гавриков

Писатель в современном мире: цена профессии

Автор статьи размышляет о профессиональном статусе современного писателя. Рассматриваются такие сферы современной литературы: высокая интеллектуальная проза, массовая печатная литература, самиздат в интернете, литература нон-фикшн, анонимное писательство (сценарии игр, квестов и т.д.). Анализируются возможности получения заработка профессиональными писателями, роль читательского спроса, определяется статус литературного гонорара.

Ключевые слова: автор, писатель, художественное творчество, массовая литература, самиздат.

Для цитирования: Гавриков В.А. Писатель в современном мире: цена профессии / В.А. Гавриков // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 162–169. DOI 10.35231/25419803_2022_3_162

Существуют ли способы в наше время хорошо заработать на своем литературном произведении? А если да, то кто они – эти успешные современные литераторы, живущие на гонорары? И можно ли заработать не на жанровом романе (любовном, допустим, или фэнтезийном), а на интеллектуальной прозе?

1. Массовая печатная литература

Первый и самый очевидный способ заработка – стать покупаемым автором. Я в больших количествах читаю современных русских писателей и могу сказать, что нет прямой зависимости между качеством книги и ее продаваемостью.

Соответственно, нет и зависимости между уровнем таланта и уровнем заработка. Более того, в книжных магазинах на столике с бестселлерами соседствуют интеллектуальная беллетристика, победители престижных премий и откровенный китч, то есть псевдоискусство.

Практически о каждом современном крупном русском прозаике я слышал негативные отзывы от критиков. Критикуют и Водолазкина, и Иванова, который Алексей, и Прилепина, и Шишкина, и Яхину, и уж тем более Пелевина... Да, есть те, кого не критикуют в силу того, что просто некому это сделать. Поэтому если вас как писателя ругают, то вы – в хорошей компании. А скандал – так это вообще отлично: больше книг купят. Например, в свое время движение "Идущие вместе" пытались троллить одного популярного писателя: мочили в бутафорском сортире его художественные творения. Потому что, мол, писатель-порнограф. Но автор только набрал пиар-очков на этой теме. Тут вспоминается Высоцкий:

Муром занялась прокуратура
Что ему? Реклама, он и рад
Здесь бы мур не выбрался из МУРа
Если б был у нас чемпионат.

Запрет на цензуру, прописанный в нашей конституции, имеет и свою обратную, теневую сторону. Знаю, что некоторые ратуют за введение цензуры. Хотя бы для того, чтобы ограждать детей от детского контента.

Но вернемся к писательским заработкам. Если вы хотите зарабатывать как писатель, скорее нужно делать вклад не в элитарную, а в массовую литературу. Ведь самыми успешными по заработку у нас считаются Донцова, Маринина, Устинова, Акунин. О суммах, которые они заработали, говорить не буду – всё это есть в открытом доступе в Интернете. Однако при всём моем уважении к этим авторам и подобным им, вряд ли они через столетие окажутся в школьных учебниках (ежели, конечно, таковые еще останутся).

Словом, сегодня лучше всего продаются лёгкий детектив, любовный роман и шире развлекательная «женская проза» –

это может быть какой-то иронический роман «за жизнь». Может быть, авантюрная проза, приключение. В любом случае – легкое чтение, без претензий. Хорошо покупают и несложненную фантастику, фэнтези. У меня такое ощущение, что наиболее популярны любовное фэнтези и так называемые «попаданцы»: когда из домашней реальности герой попадает в совершенно чуждую ему среду, где ему нужно освоиться и выжить. А еще людям нравятся истории про Мэри Сью. Это герой, который умеет выпутываться из любой самой безнадежной ситуации, ему сказочно везет, он непобедим, он творит чудеса, короче, эдакий супергерой, Рэмбо. Правда, у интеллектуалов тексты о Мэри Сью, как правило, вызывают аллергию. Что не мешает этим текстам быть продаваемыми.

2. Высокая проза

В одном из последних интервью живой классик Андрей Битов – тогда еще живой – говорил, что писательские труды не приносят ему заработка. Живет он, мол, на деньги, вырученные от продажи квартиры. Даже медийный Прилепин признаётся, что только на литературные гонорары прожить проблематично. Приходится подрабатывать. Это значит, что тип кабинетного писателя ушел в прошлое. Практически сто процентов русских писателей сегодня вынуждены где-то работать. То есть писателей-профессионалов практически не осталось. Профессионал здесь – от слова «профессия».

Сегодня практически все пишущие – это любители. Пусть и – любители изящной словесности, но, увы, не профессионалы оной. Такой тернистый путь выдерживают немногие, когда, как говорил Маяковский: «В грамм добыча, в годы труды». Не у каждого хватает терпения бесплатно проработать «тысячи тонн словесной руды». Знаю, что немало талантливых авторов после крепкого дебюта уходили из литературы: семью надо кормить. Как пел Веня Дыркин: «Либо семья, либо рок-н-ролл, либо Победа». В этой песне победа – это контекстуальный синоним слова «смерть».

Итак, я могу с вероятностью в 99 процентов утверждать, что когда через сто лет будут рыться в нашем окаменевшем литературном субстрате и изучать наших современников,

ставших у них, у потомков, классиками, то ученый будущего напишет: мол, великие Иванов, Петров, Сидоров не жили на гонорары.

Есть, конечно, исключения. Говорят, что бренд «Пелевин» приносит стабильный доход и держателям бренда, и самому писателю. Опять же говорят, что Виктор Олегович вынужден поэтому выдавать на-гора чуть ли не по роману в год. Ну уж не знаю – правда или нет.

Знаю также, что Гузели Яхиной удастся жить если не писательством, то по крайней мере – в писательстве. То же слышал и об Алексее Иванове, что он, вроде бы, тоже не отяжелён основным заработком, из которого приходится вырывать драгоценные часы свободы, чтобы посвятить их русской прозе. Правда, это не всегда просто узнать – не все афишируют свои подработки. Но в любом случае лейтмотивом многих авторов звучит мысль – писать интеллектуальную прозу и зарабатывать практически невозможно.

Зато как сытно жилось писателю в Советском Союзе! Даже и вспоминать не буду... Это отдельная тема, может быть, поговорим об этом после.

3. Заработок на интернет-самиздате

Немалое число читателей сегодня обращаются к интернет-платформам, где тексты выкладываются, что называется, в свободном доступе. Лидером здесь, насколько я понимаю, является «Литрес – самиздат». Я нашел данные, что в 2019 году на платформе «ЛитРес: Самиздат» 11 топ-авторов заработали более 1 млн рублей каждый. Такие цифры приводит Евгений Селиванов, руководитель интегрированных издательских сервисов «ЛитРес». То есть это примерно 80-90 тысяч рублей в месяц. Жить можно.

Однако. На платформе самиздата свои произведения напечатали 17 тысяч авторов. Ну пусть еще 20 человек зарабатывали там по 50 тысяч рублей в месяц. Всё равно это, как говорится, очень ограниченный контингент. Притом, что Литрес заявляет 20 миллионов читателей ежемесячно и миллион книг в архиве.

Еще один крупный портал «Автор.тудей». Статистика этого сайта говорит о том, что здесь миллион сто тысяч читателей и примерно 200 000 книг. Один к пяти. Если отсеять

«мертвые души» и оставить только полноценно и стабильно поглощающих тексты, то окажется, что читателей на сайте вовсе не заявленный миллион. Собственно, это понятно априори. То есть на одну книгу приходится 3-5 читателей в среднем. Представьте себе какая тут конкуренция!

Для того, чтобы добиться успеха большинству пришлось написать не один десяток книг. У топовых авторов я насчитал по 30-40 романов в среднем (у некоторых и почти до сотни доходит). Вы готовы к такому марафону? Притом, что нет никакой гарантии, что вы на тридцатом по счёту романе всё-таки выйдете в число самых читаемых и, соответственно, зарабатывающих. Конечно, можно и первым романом зацепить публику, но это в системе самиздата маловероятно. Здесь нужно долго и упорно биться за аудиторию.

Нужно также понимать, что одним только качеством текста сыт не будешь. Собрать большую аудиторию вокруг своего проекта – очень трудно. Причем в ход идет всё: от рекламы до программистских уловок-накруток. Кстати, монетизировать доход хозяева сайта разрешают не всем, а только тем, кто прошёл особый отбор. Читал статью одного из автортудеевских писателей, который неимоверными усилиями (в том числе, и финансовыми) добился-таки статуса и получил возможность «монетизации». Для этого ему пришлось проплатить специализированной конторе, занимающейся интернет-продвижением. Многие из топовых, кстати, тоже этим пользуются, и даже не скрывают этого: реклама – двигатель торговли.

Ну а теперь посчитаем. Средняя цена одного прочтения одной книги – от ста до двухсот рублей. Если у Вас наберется тысяча готовых бросить автору «на чашечку кофе», то вы заработаете, соответственно, от ста до двухсот тысяч за роман. А если тысяча человек скинется? Это уже квартир-ка в областном центре непрестижного региона. Неплохой заработок, только доступен он, как и на Литресе, единицам.

Поэтому, когда к топовым авторам обратились издатели, которые захотели погреть руки в лучах их славы, то получили отказ. Во-первых, потому что на сайт грузишь текст в том виде, в каком он тебе явился, – без придирчивых редакторских глаз. Печешь такие романы-пирожки. Самиздатчики,

как правило, не привыкли, чтобы редакторы-корректоры совали нос в их творения. Во-вторых, (и в главных) гонорар у издателя – это смехотворные 30–50 тысяч рублей. Ну, 80. Наверное, самый известный литературный критик современной России Галина Юзефович как-то призналась, что её гонорар за недавно выпущенную книгу составил эти же самые 80 тысяч рублей. Короче, год работать, а получить сумму на один ужин в ресторане в компании...

4. Заработок на книгах нон-фикшн

Здесь у меня нет особого опыта, возможно, какие-нибудь книги по так называемому «саморазвитию» или, допустим, кулинарные рецепты, политика, мемуары и приносят своим авторам хороший доход. Однако сомневаюсь. И вот вам реальный пример. Один мой знакомый автор сделал довольно продаваемую нон-фикшн книгу. И у него есть своя рука в издательстве – небольшой клерк, но знает кухню изнутри. Так вот издатель говорит автору: продали мы твоих книжек восемь сотен, а на самом деле уже третий тираж допечатали, счет идет на тысячи, чуть ли даже не на десятки тысяч проданных экземпляров. Как проверить автору? Да никак.

А еще среди филологов стало притчей во языцех одно учебно-научное издательство, которое мне коллеги характеризовали не больше не меньше – как клан Карлеоне. Автору учебника – сто долларов на бедность, а тиражи миллионные. Не хочешь? Найдется другой. Поэтому, посомневавшись, ученый решает: уж лучше сто долларов да коленкорový фолиант чем пылящаяся на полке рукопись. То есть или издаешься почти даром, или не издаешься вообще. Как говорится – за что купил, за то и продаю: желания писать учебники у меня никакого нет.

Да и наука – это почти всегда бесплатное для ученого творчество. А то еще иногда и антигонорар коллеги платят: издают науку за свой счет. В этом плане мне с издателями повезло: несколько моих научных книг было не просто издано – я еще и гонорары получил. Беру обычно, правда, не деньгами, а теми же книгами.

5. Литература как анонимное ремесло

Пишущие люди нужны и для разных околотературных нужд, связанных с заработком. В советское время авторам,

которых не печатали, приходилось перебиваться переводами. Знаю, что многие наши классики буквально проклинали переводы, потому что те высасывали из них творческую энергию. На оригинальное писательство сил уже не оставалось. Сейчас тоже можно продать свой талант. Востребовано написание сценариев для сериалов. Например, основной заработок известная писательница Марина Степнова получает именно от работы сценаристом. Соответственно, литературных произведений в формате «высокая проза» создает не так много.

Я подписан на рассылку одного из сайтов по поиску работы по тегу «литературное творчество». Периодически ко мне приходят вакансии, связанные с написанием сценариев для разных проектов (типа квестов), для сайтов, для компьютерных игр. Я уж не говорю об интернет-журналистике. Разброс цен здесь довольно большой, но как правило, золотых гор никто даже не обещает. Даже изначально заявленные суммы 30–50 тысяч рублей попробуй еще получи. Правда, я и не пытался. Но знакомые рассказывают, что не всегда удаётся получить заработанное таким способом.

6. Заработок писателя на Западе

Что же у нас с писателями за рубежом? Зарабатывают ли люди там на своем литературном творчестве? Алексей Иванов в интервью журналу «Story» говорит: «Средний тираж бестселлера на Западе в десять раз выше, чем у нас. Количество издаваемых книг на душу населения больше в четыре раза. Рецензия занимает полный разворот воскресной газеты, а не местечко размером с бутылочную этикетку. ... На Западе книга – один из важнейших институтов общественной жизни».

Вот такое нерадостное мнение.

Состояние самых богатых писателей – как правило, это англоязычные авторы – исчисляется сотнями миллионов долларов. При огромной англоязычной читательской аудитории это, в общем-то, не так много. В фаворе на Западе то же, что и у нас: фэнтези, фантастика, детективы, триллеры. Именно авторы этих, условно говоря, жанров – самые зарабатывающие. И обычно на верху рейтингов известные всем Стивен

Кинг и Джоан Роулинг. Но, конечно, нет смысла сравнивать нашу реальность и не нашу.

Вывод такой: в России зарабатывать писательством практически нереально. А те немногие, кому это удастся, прошли большой и трудный путь к успеху. Капитализация литературного процесса в нашей стране мала. Наверное, никогда в литературе не было так мало денег, как сейчас. Поэтому остается писать только для собственного удовольствия. Льву Толстому приписывают слова, которые он якобы сказал одному начинающему автору: «Можете не писать – не пишите». Хотя в нашей стране, по-моему, еще очень много тех, кто не может не писать.

дата получения: 26.06.2022 г.
дата принятия: 10.07.2022 г.

date of receiving: 26.06.2022
date of acceptance: 10.07.2022

Vitaly A. Gavrikov

Writer in a Modern World: The Price of the Profession

The author reflects on the professional status of the modern writer. Herein such areas of modern literature are considered: high intellectual prose, mass printed literature, self-publishing on the Internet, non-fiction literature, anonymous writing (game scripts, quests, etc.). The article analyses possibilities of obtaining earnings by professional writers, the role of readership demand, and determines the status of the literary fee.

Key words: author, writer, artistic creation, mass literature, self-publishing.

For citation: Gavrikov V.A. (2022) Pisatel' v sovremennom mire: cena professii [Writer in a Modern World: The Price of the Profession]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 162–169. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_162

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Жуков

Рецензия на книгу: Ю. В. Архангельская. Лев Толстой в языке и речи. Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика)

Статья представляет собой краткий отзыв о словаре лексических и фразеологических инноваций Л.Н. Толстого. Подчеркивается своевременность и значимость словаря для теории и практики авторской лексикографии и фразеологии.

Ключевые слова: термин, терминология, рукоделие, парадигматика, словообразование.

Для цитирования: Жуков А.В. Рецензия на книгу: Ю.В. Архангельская. Лев Толстой в языке и речи. Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика) / А.В. Жуков // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 172–177. DOI 10.35231/25419803_2022_3_172

Рецензируется следующее издание: Ю.В. Архангельская. *Лев Толстой в языке и речи. Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика)*. Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение. 2016. – 325 с.

Автором рецензируемой монографии является известный русист, представитель Тульской фразеологической школы кандидат филологических наук доцент Юлия Владимировна Архангельская. Основное содержание и предназначение книги было анонсировано автором за два года до её выхода в свет в одном из научных журналов Северо-Запада [1].

Труд Ю.В. Архангельской включает в себя лексические, фразеологические и афористические инновации Л.Н. Толстого, принадлежащие непосредственно ему или так или иначе

с ним связанные. Приведём отдельные фрагменты словаря, дающие представление о его содержании.

Основную часть книги составляют так называемые камерные, или семейные, инновации, преимущественно употребительные в семье Л.Н. Толстого и в узком кругу его друзей и близких знакомых. Приведем примеры.

ЗЕЛЁНАЯ ПАЛОЧКА.

По легенде, придуманной и рассказанной в детстве Н.Н. Толстым Л.Н. Толстому и двум другим младшим братьям, это волшебный предмет, на котором написано, что должно уничтожить всё зло в людях, и найдя который человек станет счастливым.

... Главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он <Н.Н. Толстой> нам говорил, написана им на зелёной палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня [Толстой Л.Н. Воспоминания. ПСС. Т. 34, с. 386].

Символ всеобщей гармонии и счастья, достичь которых, по мысли Л.Н. Толстого, можно лишь путём постижения основных духовных истин – добра и любви к людям, что только и может быть смыслом человеческого существования.

И как я тогда верил, что есть та зелёная палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает [Толстой Л.Н. Воспоминания. ПСС. Т. 34, с. 387].

ПОДЛИННЫЙ ВЫСШИЙ СВЕТ. Крестьянство, трудовой народ. Ср. *le beau monde* (фр.).

Занимаясь и литературным, и общественным, и физическим трудом, Толстой вдохновлялся идеей служения народу. Он хорошо знал и любил трудовой народ и называл его «подлинным высшим светом», в отличие от петербургского, ложного «высшего света», умеющего только шаркать ногами по паркету и ничего полезного не производящего. Он мечтал,

чтобы хоть некоторые из его произведений проникли в народную массу, в мир «подлинного высшего света». И с сожалением отмечал, – может быть, расходясь с действительным положением вещей, – как мало он создал таких произведений [Булгаков Вал. Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула: Приок. Кн. Изд-во, 1978. С. 82].

Вторая часть словаря составлена из общеупотребительных лексических и фразеологических инноваций Л.Н. Толстого (в искусстве всё чуть-чуть; власть тьмы; война и мир; <всё> образуется; всё смешалось в доме Облонских; дубина народной войны; живой труп; изюминка; не могу молчать; непотворение злу <насилием>; первый бал Наташи Ростовой; плоды просвещения; совет в Филях; толстовка; чем люди живы и др.).

Завершают словарь устойчивые высказывания о Л.Н. Толстом и афоризмы писателя (великий писатель земли русской; <какой> матёрый человечине!; Лев Толстой как зеркало русской революции; яснополянский старец и др.; Простота – необходимое условие и признак истины; Не бойся незнания, бойся ложного знания. От него всё зло мира; Усилие нужно для делания добра, но ещё нужнее для воздержания от зла; Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не памятью; Вера есть понимание смысла жизни и признание вытекающих из этого понимания обязанностей; Война есть такое состояние людей, в котором получают власть и славу самые низкие и порочные люди; Слово сближает людей, и потому надо стараться говорить так, чтобы все могли понимать тебя и чтобы всё, что ты говоришь, была правда; Искусство есть одно из средств единения людей и др.).

Помимо бесспорного общеобразовательного и просветительского значения (особенно в связи с приближающимся юбилеем великого писателя) обсуждаемое издание имеет и самостоятельную научную ценность, так как затрагивает целый комплекс взаимосвязанных теоретических вопросов общего и частного порядка по линии традиционных оппозиций язык и речь, потенциальное и актуальное, узуальное и окказиональное, значение и употребление, норма и кодификация и др.

Так, на наш взгляд, в отношении по крайней мере части представленного материала больше оснований говорить именно о *потенциальных* авторских фразеологизмах, чем о собственно *окаzionaliальных* оборотах. Ср.: баня для души `незаслуженное осуждение, очищающее душу`, *вырастать* *большим* `Шутл. Достигать большего и лучшего в понимании жизни, в занятиях литературным трудом и т. п., изменяться духовно`, *до последнего звонка* `Эвфем. До смерти`, *ехать последний перегон* `Эвфем. Приближаться к смерти`. См. также: *приготовиться к вступительному экзамену*; *машина испортилась* `самочувствие плохо, слабо вследствие старости, близости смерти`, *муравейное братство* `по легенде, придуманной старшим братом Л.Н. Толстого Николаем, так называется идеальное сообщество людей, в котором все люди живут счастливо, не знают болезней, никаких неприятностей, любят друг друга`; ср. также: *муравейные братья*; *переезд через главный перевал* `Эвфем. Переход от жизни к смерти`, *поймать за пуговицу* (кого-либо) `заставить кого-либо против собственного желания слушать себя`, *превратиться в азот и кислород* `Эвфем. Умереть, утратить материальную оболочку`, *улыбаться душой* `сохранять в душе хорошее настроение (умилённое состояние), какие бы события ни происходили в жизни, поскольку человека должно греть сознание того, что испытания нужны для благополучия души` и др. См. более подробно в нашей статье [3].

Книга Ю.В. Архангельской представляет особый интерес в свете теории и практики лексикографии и фразеологии. В этой связи сошлёмся на мнение Б.А. Ларина о необходимости разграничения общих и авторских словарей. «В академических и других больших словарях литературного языка, – рассуждает Б.А. Ларин, – ищут устойчивое семантическое ядро слова, определяют значения слов с предельным отрешением от каждого частного контекста. Наиболее удачными здесь признаются такие определения значений, которые обобщают широкий ряд применений слова... Отсюда следует, что в противоположность общему словарю семантическая разработка в писательских словарях составляет их сущность и специфику; она представляет главную задачу и главную трудность; если в общем словаре она имеет обоб-

щающий характер, то здесь – конкретизирующий. В словаре писателя необходимо уловить не сквозной семантический стержень множества словоупотреблений, а каждый единственный семантический комплекс слова – в каждом абзаце поэтического текста» [4, с. 220–221].

Одной из главных и очевидных задач словаря, на что указывает и сам автор, – «представить Л.Н. Толстого как новатора в области языка и речи», как языковую личность, обогатившую лексико-фразеологические ресурсы современного русского литературного языка. И особый интерес писателя к народным образным выражениям – фразеологизмам, поговоркам и пословицам – конечно, не случаен. По верному наблюдению В.В. Виноградова, «творческие надежды Л. Толстого всё с большей силой – с конца 50-х годов – начинают обращаться в ту сторону, откуда ждали «живой воды» для литературной речи и Пушкин, и Гоголь, и люди 60-х годов, – в сторону народного крестьянского языка» [2, с. 215].

Список литературы

1. Архангельская Ю.В. О «Словаре инноваций Л.Н. Толстого: лексика, фразеология, афористика // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 83. – Ч. 1. – С. 56–60.
2. Виноградов В.В. О языке Толстого: (50–60 годы) // Л.Н. Толстой / АН СССР. Ин-т русской литературы. (Пушкинский Дом). – М., 1939. – Кн. 1. – С. 117–220.
3. Жуков А.В. О потенциальности фразеологических единиц // Пушкинские чтения-2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIII международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 371–379.
4. Ларин Б.А. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Б.А. Ларин. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. – Л.: Художественная литература, 1974. – С. 214–227.

Anatoly V. Zhukov

Book Review: Yu.V. Arkhangel'skaya. Leo Tolstoy in language and speech. Dictionary of innovations (vocabulary, phraseology, aphorism)

The article is a brief review of the dictionary of lexical and phraseological innovations by L.N. Tolstoy. The timeliness and significance of the dictionary for the theory and practice of the author's lexicography and phraseography is emphasized.

Key words: lexical, phraseological and aphoristic innovations L.N. Tolstoy, author's lexicography and phraseography.

For citation: Zhukov, A.V. (2022). Recenziya na knigu: YU.V. Arhangel'skaya. Lev Tolstoj v yazyke i rechi. Slovar' innovacij (leksika, frazeologiya, aforistika) [Book Review: Yu.V. Arkhangel'skaya. Leo Tolstoy in language and speech. Dictionary of innovations (vocabulary, phraseology, aphorism)]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 172–177. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_172

References

1. Arhangel'skaya, YU.V. O «Slovar'e innovacij L.N. Tolstogo: leksika, frazeologiya, aforistika» [About the Dictionary of Innovations L.N. Tolstoy: vocabulary, phraseology, aphorism] *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod State University]. 2014. No 83. CH. 1. Pp. 56–60. (In Russian).

2. Vinogradov, V.V. O yazyke Tolstogo: (50–60 gody) [About the language of Tolstoy: (50–60 years)] *L.N. Tolstoj / AN SSSR. In-t russkoj literatury* (Pushkinskij Dom) [L.N. Tolstoy / USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature. (Pushkin House)]. M., 1939. Kn. 1. Pp. 117–220. (In Russian).

3. Zhukov, A.V. O potencial'nosti frazeologicheskikh edinic [On the potentiality of phraseological units] *Pushkinskie chteniya-2018. Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Pushkin Readings-2018. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text. Proceedings of the XXIII international scientific conference]. St. Petersburg: LGU, 2018. Pp. 371–379. (In Russian).

4. Larin, B.A. Osnovnye principy Slovarya avtobiograficheskoi trilogii M. Gor'kogo [Basic principles of the Dictionary of M. Gorky's autobiographical trilogy] *B.A. Larin. Estetika slova i yazyk pisatelya. Izbrannye stat'i* [B.A. Larin. Aesthetics of the word and the language of the writer. Selected articles]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ., 1974. Pp. 214–227. (In Russian).

дата получения: 26.07.2022 г.
дата принятия: 10.08.2022 г.

date of receiving: 26.07.2022
date of acceptance: 10.08.2022

Н. К. Данилова

Рецензия на монографию В. А. Гаврикова «Эсхатология Башлачёва»

Статья представляет собой краткий отзыв о монографии, посвященной творчеству Александра Башлачева. В монографии утверждается, что для постижения сложных смыслов творчества рок-автора нужно найти новые подходы. Они должны соединить традиционные литературоведческие подходы (биографический, интертекстуальный, мифопоэтический) и музыковедческие («исполнительские»). Теоретические обобщения, по мнению автора монографии, возможны после завершения эмпирической работы по анализу текста, чему и посвящено предлагаемое исследование.

Ключевые слова: А. Башлачев, рок-поэзия, современный литературный процесс.

Для цитирования: Данилова Н.К. Рецензия на монографию В.А. Гаврикова «Эсхатология Башлачева» / Н.К. Данилова // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 178–181. DOI 10.35231/25419803_2022_3_178

Вышло в печати новое исследование доктора филологических наук, профессора В.А. Гаврикова, посвящённое творчеству одного из самых талантливых авторов русского рока – Александра Башлачёва: *Гавриков В.А. Эсхатология Башлачёва: Монография.* – М., Калуга, Венеция: Bull Terrier Records, 2021. – 260 с.

Основу исследования составляют не только опубликованные тексты (разные их варианты), но и рукописи, и фонограммы. Сразу обращает на себя внимание удивительная особенность литературоведческого труда: в нём соединяется глубокое знание предмета исследования, широкий охват

материала и личное «сердечное» отношение автора к любимому поэту, восторг от непостижимости таланта. Впрочем, сам В.А. Гавриков говорит об этом уже в первых строчках: «Нет, всё-таки он гений. Наверное, научное исследование не должно содержать подобных оценок, но я просто обескуражен величиим башлачёвского мастерства».

В.А. Гавриков определяет творчество А. Башлачёва как динамическую целостность, для постижения сложных смыслов которой нужно найти новые подходы. Они должны соединить традиционные литературоведческие (биографический, интертекстуальный, мифопоэтический), музыковедческие с «исполнительским» (он связан с игрой голоса, особенностями аккомпанеента, визуального ряда). Теоретические обобщения, по мнению автора, возможны после завершения эмпирической работы по анализу текста, чему и посвящено предлагаемое исследование. Безусловно, анализ текста является сильной его стороной.

Важной проблемой изучения творчества рок-поэта является периодизация – «разбивка на стадии». Трудность в том, художественный мир Башлачёва отличает невероятная сложность: повтор мотивов, возврат к текстам, самоцитация. Поэтому, по мнению автора, необходимо выделение этапов, оно позволит уяснить диалектику художественной системы. Отталкиваясь от прежних вариантов периодизации (три этапа), В.А. Гавриков предлагает и обосновывает более детальную: шесть этапов. Здесь учитывается не только творческая стадийность, но связь с биографическими и исполнительскими коллизиями. Далее дается характеристика всех этапов.

Исследователь задаётся вопросом: как трансформируется смысл ранних текстов – и называет пять исполнительских тенденций, которые влияют на текстуальные изменения. Каждая тенденция представлена подробно и доказательно. Обратим внимание на вторую: «прикрепление» выступления к конкретной дате и месту, к событиям вокруг и внутри концерта, даже к его участникам. Поэт не может петь в пустоту, во время концерта рождаются новые оттенки смысла. Но, заметим, как при этом усложняется задача литературоведа! Для примера В.А. Гавриков предлагает анализ фонограммы концерта.

Следующие размышления – о пространственно-временном континууме в башлачёвской картине мира. Отмечается повтор библейского хронотопа с тремя темпоральными состояниями (историческое, вневременное, пост-апокалиптическое). По мнению исследователя, пространственные модели претерпевают существенные изменения от этапа к этапу. Инвариантными остаются реальный и ментально-трансцендентальный континуум, но между ними нет чёткой антитезы. В трансцендентальном пространстве выделяются несколько миров, каждому свойственна своя темпоральность, в позднем творчестве они взаимопроникают, создавая пространство мифа. Здесь по-особому прокладывается путь в сакральное, приметами сакрального становятся река, лес, поле (традиционные), к ним примыкают новые: город, родное жилище, окно (они приобретают экзистенциальные черты). Отмечены сопряжения мотивов и образов с Евангелием. Предлагая толкования образов, В.А. Гавриков подчёркивает, что это личное прочтение. Заметим, что с этим толкованием легко согласиться.

Далее исследователь обращается к космологии Башлачёва. Мифический мегасюжет строится по заведённому порядку: «действие начинается вечером, основные события происходят ночью (лирический субъект / персонаж жив), а завершает всё – утро, несущее нечто эсхатологическое (смерть, Гром, Страшный суд). Причиной такого эсхатологического исхода является умаление старой религии (в данном случае – христианства).

В литературоведении даются разные толкования этого исхода. По мнению нашего автора, поэт не отказывается от христианства, но заметно движение от христианской образности и этики к поэтологическим размышлениям. Появляется потребность в новой духовности. Башлачёв связан со всей русской культурой; пересечение двух пластов: библейского и русского – создаёт особый смысл, не сводимый ни к одному из них. Новое вырастает над этим пересечением.

Завершается размышление указанием на то, что эсхатологическая концепция становится пессимистичной. Если в раннем творчестве было возможно всеобщее спасение че-

рез собранность, искупление через страдание, то в позднем оно заменяется концепцией личной смерти. «Всеобщий рай заменяется личным адом».

В Заключении В.А. Гавриков намечает возможные пути дальнейших исследований: это академическое издание всего наследия А. Башлачёва, написание творческой биографии поэта, описание наследия поэта в его звучащей ипостаси. И, конечно, работа с текстом как в рамках традиционного литературоведения, так и с помощью предложенных новых подходов, среди которых выделим референциальность (особые отношения текста и жизни), ей было уделено много внимания в монографии.

дата получения: 24.08.2022 г.
дата принятия: 08.09.2022 г.

date of receiving: 24.08.2022
date of acceptance: 08.09.2022

Natalya K. Danilova

Review to the monograph by V. A. Gavrikov "Bashlachev's Eschatology"

The article is a brief review of the monograph dedicated to the work of Alexander Bashlachev. The monograph states that in order to comprehend the complex meanings of the work of a rock author, new approaches must be found. They should combine traditional literary approaches (biographical, intertextual, mythopoetic) and musicological ("performing") approaches. Theoretical generalizations, according to the author of the monograph, are possible after the completion of empirical work on text analysis, which is the subject of the proposed study.

Key words: A. Bashlachev, rock poetry, modern literary process.

For citation: Danilova, N.K. (2022). Recenziya na monografiyu V.A. Gavrikova «Eskhatologiya Bashlachyova» [Review to the monograph by V.A. Gavrikov "Bashlachev's Eschatology"]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 178–181. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_178

Сведения об авторах

Гавриков Виталий Александрович, профессор Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доктор филологических наук (Российская Федерация, г. Брянск);
e-mail: yarosvettt@mail.ru

Данилова Наталья Кузьминична, научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: natali-danilov@yandex.ru

Жиркова Марина Анатольевна, доцент Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: manp@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

Жуков Анатолий Власович, профессор Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: angen.zhosse@yandex.ru

Капустина Ольга Владимировна, заместитель начальника отдела организации заблаговременной работы Государственного учреждения – Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Владимирской области, кандидат исторических наук (Российская Федерация, г. Владимир);
e-mail: olga.kapustina209@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3473-5916

Кисткина Юлия Михайловна, аспирант Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Российская Федерация, г. Саранск);
e-mail: julia.kistkina@gmail.com

Козельская Наталья Алексеевна, доцент Воронежского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Воронеж);
e-mail: kozelskayan@mail.ru

Мещерякова Ольга Александровна, главный научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

Никуличева Софья Евгеньевна, бакалавр Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Российская Федерация, г. Калуга);
e-mail: nikulichevase@studklg.ru

Отрадин Михаил Васильевич, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: eynina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0112-0173

Похаленков Олег Евгеньевич, профессор Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, доктор филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Калуга);
e-mail: PohalenzkovOE@tksu.ru

Пшеничная Елизавета Петровна, бакалавр Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);
e-mail: psheni4naya.liza@yandex.ru

Слободнюк Елена Сергеевна, сотрудник Холонского технологического института, кандидат филологических наук (Государство Израиль, г. Холон);
e-mail: elena.slobodnyuk@gmail.com

Слободнюк Сергей Леонович, заведующий кафедрой Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: gumilev65@mail.ru

Фокина Мадина Александровна, профессор Костромского государственного университета, доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, г. Кострома);
e-mail: madi.fokina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5914-2589

Чарыкова Ольга Николаевна, заведующий кафедрой Воронежского государственного университета, доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, г. Воронеж);
e-mail: ochar@inbox.ru

Шохра Мохаммед, аспирант Костромского государственного университета (Алжирская Народная Демократическая Республика);
e-mail: med.chohra02@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0301-0733

Шурупова Ольга Сергеевна, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Липецк);
e-mail: shurupova2011@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6987-9883

About Authors

Charykova Olga N., Head of department, Voronezh State University, Doctor of Philology (Russian Federation, Voronezh);
e-mail: ochar@inbox.ru

Danilova Natalya K., Researcher, Pushkin State University, Ph.D. of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: natali-danilov@yandex.ru

Fokina Madina A., Professor, Kostroma State University, Doctor of Philology (Russian Federation, Kostroma);
e-mail: madi.fokina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5914-2589

Gavrikov Vitaly A., Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Bryansk Branch), Doctor of Philology (Russian Federation, Bryansk);
e-mail: yarosvettt@mail.ru

Kapustina Olga V., Deputy Head of the Department for the Organization of Early Work of the State Institution – Branch of the Pension Fund of the Russian Federation in the Vladimir Region, Ph.D. of History (Russian Federation, Vladimir);
e-mail: olga.kapustina209@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3473-5916

Kistkina Julia M., Post-graduate Student, Mordovian State University named after N.P. Ogaryov (Russian Federation, Saransk);
e-mail: julia.kistkina@gmail.com

Kozelskaya Natalya A., Associate Professor, Voronezh State University, Ph.D. of Philology (Russian Federation, Voronezh);
e-mail: kozelskayan@mail.ru

Meshcheryakova Olga A., Chief Researcher, Pushkin State University, Doctor of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

Nikulicheva Sofya E., Student, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Russian Federation, Kaluga);
e-mail: nikulichevase@studklg.ru

Otradin Michael V., Professor, Saint-Petersburg State University, Doctor of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: eynina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0112-0173

Pokhalenkov Oleg E., Professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Doctor of Philology (Russian Federation, Kaluga);
e-mail: PohalencovOE@tksu.ru

Pshenichnaya Yelizaveta P., Student, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh);
e-mail: psheni4naya.liza@yandex.ru

Slobodnyuk Elena S., Academic Work Specialist, Holon Institute of Technology, Ph.D. of Philology (Israel, Holon);
e-mail: elena.slobodnyuk@gmail.com

Slobodnyuk Sergey L., Head of Department, Pushkin State University, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: gumilev65@mail.ru

Shohra Mohammed, PhD Student, Kostroma State University (People's Democratic Republic of Algeria);
e-mail: med.chohra02@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0301-0733

Shurupova Olga S., Professor, Lipetsk State Pedagogical University after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Doctor of Philology (Russian Federation, Lipetsk);
e-mail: shurupova2011@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6987-9883

Zhirkova Marina A., Associate Professor, Pushkin State University, Ph.D. of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: manp@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

Zhukov Anatoly V., Professor, Pushkin State University, Doctor of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: angen.zhosse@yandex.ru

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Art Logos» («Искусство слова»)

К публикации в журнале «Art Logos» принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современного научного знания в области филологии.

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Суг, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи.

Русские источники необходимо транслитерировать, для автоматической транслитерации использовать программу <https://transliteration.pro/bsi>

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается приложенный к статье УДК и код ГРНТИ.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом не менее 1000 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

3. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

Примеры оформления библиографического описания различных источников и алгоритм их подготовки

Для транслитерации русского текста в латиницу в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <https://transliteration.pro/bsi>

Обязательно использовать системы автоматического перевода кириллицы в романский алфавит; не делать транслитерацию вручную. Это позволит избежать ошибок транслитерации.

Перевод названия на английский можно сделать с помощью любого онлайн-переводчика.

Краткая схема процесса преобразования ссылки:

1. Переходим по ссылке <https://transliteration.pro/bsi>.
2. Вставляем в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажимаем кнопку «перевести».
3. Копируем транслитерированный текст в готовящийся список References.
4. Переводим с помощью переводчика все описание источника, кроме авторов (название книги, статьи, постановления и т.д.) на английский язык, переносим его в готовящийся список (за транслитерированным названием).
5. Объединяем описания в транслите и переводное, оформляя в соответствии с принятыми правилами. При этом необходимо раскрыть сокращения в указании места издания (Moscow and St. Petersburg) и исправить обозначение страниц на английский язык (вместо 1072 s. – 1072 p.).
6. Курсивом выделяем название источника и ссылка готова.

Пример:

Кочукова Е.В. Павлова О.В. Рафтопуло Ю.В. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: сб. науч. тр. / Калёнов Н.Е. (ред.). – М.: Научный Мир, 2009. – 342 с. – С. 190–199.

Транслитерируем:

Kochukova E.V. Pavlova O.V. Raftopulo Iu.B. Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh // Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr. – M.: Nauchnyi Mir, 2009. – S. 190–199.

Преобразуем транслитерированную ссылку:

1. убираем специальные разделители между полями (“//”, “–”);
2. в квадратных скобках после транслитерации пишем перевод заглавия статьи и названия источника на английский язык;
3. пишем на английском языке полное место издания и обозначение страниц (издательство оставляем транслитерированным). Издательство лучше обозначать добавлением слова Publ. (факультативно).
4. конечный результат:

Kochukova E.V. Pavlova O.V. Raftopulo Iu.B. Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The peer review system in the information providing of scientists] *Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.* 57 [Information Support of Science. New Technologies: Collected papers]. Moscow: Nauchnyi Mir Publ., 2009, pp. 190–199.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

Материалы, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо направить на e-mail главного редактора art.logos@lengu.ru

научный журнал

Art Logos

(искусство слова)

№ 3 (20)

Редактор **Т. В. Мальцева**
Технический редактор **Н. П. Никитина**
Верстальщик **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягина**

Подписано в печать 30.09.2022. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Jost, Lora. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11.75. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 1814

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-91-76 <http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru